

ПЕСНИ
РУССКИХ
ПОЭТОВ

ПЕСНИ
РУССКИХ
ПОЭТОВ

¶

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

основана

М.ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ленинград

ленинград

1 9 5 7

ПЕСНИ РУССКИХ
ПОЭТОВ

инин

советский
писатель

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
И. Н. Розанова*

СТИХИ РУССКИХ ПОЭТОВ, СТАВШИЕ ПЕСНЯМИ

1

В этом сборнике представлены стихи русских поэтов, начиная с XVIII века и до 1905 года, ставшие (обычно в измененном виде) песнями, а также и некоторые стихи, написанные в жанре «песни», хотя и не вошедшие в широкий песенный обиход.

Одни из этих песен теперь основательно забыты, но в свое время были излюбленными, другие до сих пор живут и пользуются широкой популярностью и в наше время, но живут большей частью анонимно: в песенном быту имя автора легко забывается. В нашем сборнике восстанавливается эта утраченная связь авторов с их произведениями. Песни, авторы которых не раскрыты хотя бы предположительно, в данный сборник не включены, за исключением нескольких революционных песен 1861—1863 годов. Произведения, вошедшие в фольклор и там начавшие новое бытие, даются, за редкими исключениями, в первоначальном, то есть авторском, тексте.

Так как в быту песня распространяется обычно

на положении «не помнящей родства» и ее исполнители не знают, чьи слова они поют, — для многих читателей авторство ряда популярнейших песен откроется впервые. В ряде случаев оно впервые и установлено нами.¹

Среди авторов популярных песен немало имен, не встречающихся ни в одном словаре писателей, немало авторов, о которых, кроме фамилий, никаких сведений не сохранилось. Но и хорошо знакомые имена нередко начинают ассоциироваться с непривычными для них литературными жанрами, и фиксация внимания на их песенном творчестве может иной раз дать несколько неожиданное освещение давно знакомому писательскому облику: Ломоносов выступит как автор пасторали, Тургенев — романса, А. К. Толстой — как создатель песни, популярной в революционной среде.

Еще в русской поэзии XVIII века появилось много стихотворений, сочиненных для пения и воспроизводящих в большей или меньшей степени поэтику старинной народной песни. Обозначались они тогда различно: то как «песни в старинном духе», то как «песни в простонародном духе», то как «сельские песни». В поэтической практике первой половины XIX века для такого рода произведений установился термин «русская песня». В 20—30-х годах XIX века «русская песня» как особый жанр вошла в моду. Пропагандистами этого жанра были такие поэты, как Мерзляков, Дельвиг, Цыганов. Песни Коль-

¹ См. «Песни русских поэтов». «Библиотека поэта». Большая серия. Л., 1936.

цова знаменовали новый, яркий этап в развитии русской песни, будучи подлинно народными и поэтическими. После Кольцова, давшего наиболее художественные образцы этого жанра, «русская песня» как жанр во многом следует по проложенным им путям сближения литературного творчества с фольклором. Эту традицию находим у Сурикова и его последователей.

В XVIII и XIX веках появились и стихотворения, сочиняемые с расчетом, что они будут петься, но не связанные с фольклором. Они делятся на много видов. Сюда относятся «застольные песни» (или «столовые»). Такова песня Державина «Кружка» или Карамзина — «Братья, рюмки налейте!..» («Веселый час»). К ним близки студенческие песни XIX века, например «Из страны, страны далекой...» Языкова, «Быстры, как волны...» Сребрянского. Далее идут «военные песни», например «Было дело под Полтавой...» Молчанова. Чужды поэтике старинного русского фольклора и «цыганские песни», как, например, «Мой костер в тумане светит...» («Песня цыганки») Полонского.

Всего больше в этой категории «любвных песен». В XVIII веке для таких песен существовал у составителей нотных песенников (Теплова, 1759, и Мейера, 1781) термин «российская песня». Авторами такого рода песен были Сумароков и многие забытые теперь поэты-сумароковцы. В число этих «российских песен» входили и «песни пастушеские», имевшие и другое название: «пасторали». Но ни по содержанию, ни по способу выражения

ничего народного в этих «российских песнях» не было. Для обозначения такого рода произведений позднее появился термин «сентиментальная песня» или «сентиментальный романс». В XIX веке песня, написанная без оглядки на фольклор, стала называться чаще всего просто «песня», без всякого определяющего слова, в отличие от «русской песни», близкой к фольклору. Это особенно отчетливо обозначилось в журналах 20—30-х годов. Нередко поэт, публикуя ряд своих песен, одним из них дает заглавие «песня», а другим — «русская песня». Впоследствии эта отчетливость теряется, и термин «русская песня» постепенно исчезает.

Из огромного числа таких песен только незначительная часть стала популярными песнями. Наряду с этим поражает большое количество произведений, сделавшихся песнями помимо намерения их авторов. Популярнейшая песня «Хас-Булат удалой!..» была названа ее автором не «песней», а «элегией», а не менее популярная «Славное море, священный Байкал...» — «думой». Песнями стали многие из элегий и баллад, а также отрывки из поэм и описательных стихотворений. Знаменитая «Тройка» Федора Глинки первоначально входила как часть в длинное стихотворение «Сон русского на чужбине». Стихотворения, где говорится о песнях, очень часто сами становятся песнями, например пушкинский «Зимний вечер» и множество стихотворений о тройке, так как представление о тройке почти всегда ассоциировалось с песней ящика.

Популярность песни, ее вхождение в массовый

репертуар зависят прежде всего от народности ее содержания, близости ее широким кругам, подхватывающим песню и обеспечивающим ей жизнь на многие десятилетия.

Успех песни зависит и от того, насколько удачно положен текст ее на голос. Кроме того, большое значение имеют и исполнители. Многие песни обязаны началом своей популярности тем или иным исполнителям, отдельным певцам и певицам или какому-нибудь известному хору. Некоторые песни сохранились в памяти потомства не в связи с их авторами, а в связи с их исполнителями. Так, некоторые песни XVIII века сделались популярными потому, что их пели Нарышкина или Сандунова.

Настоящая популярность начинается тогда, когда песню поют не певцы-профессионалы, а когда ее напевают в частном быту, когда знают текст и при случае цитируют почти как пословицы и поговорки. Поют только то, что нравится. Правда, нравится может каждая новинка. Быстролетный интерес еще мало говорит в пользу произведения, но если оно прошло испытание временем, если оно нравилось ряду поколений — значит, текст песни обладает какими-то притягательными достоинствами.

Почти всегда можно сказать, почему та или другая песня стала популярной. Труднее бывает определить социальные границы популярности, и чем ближе к нашему времени, тем труднее. В XVIII веке эти границы намечались гораздо отчетливее. С течением времени связь между горо-

дом и деревней становилась все сильнее и сильнее. Городская песня все более и более проникала в деревню. Произведения Пушкина и Лермонтова вообще в большом количестве бытуют в песенном обиходе города, но интересно, что они пользовались широкой популярностью и в крестьянской среде. Судя по записям фольклористов, первое место среди произведений Пушкина занимает его «Узник» («Сижу за решеткой в темнице сырой...»). Из произведений Лермонтова очень популярным оказалось «Отворите мне темницу...». Другими словами, из богатого поэтического наследия этих поэтов массы выбрали то, что соответствовало их настроению, их жажде свободы.

Часто имеют успех не те произведения поэта, которые наиболее характерны для его творческого лица, а как раз наоборот, менее характерные. Так, Алексей Толстой, поэт отнюдь не революционный, написал стихотворение, которое сделалось популярной песней среди политических ссыльных, это — «Колодники». То же следует сказать про «Полосу» Всеволода Крестовского, автора известных «Петербургских трущоб». Стихотворение написано было в пору его студенчества, когда он был близок к демократическим кругам.

Крестьянские массы, хранители устного песенного творчества, всегда отрицательно относились к «подлаживанию» под народное понимание, к излишнему упрощенчеству, стилизации под крестьянскую речь. И наоборот, творчество поэтов, далеких от этого «подлаживания», оказывалось приемлемым и для широких масс, часто даже без всяких

переделок. Такова, например, песня XVIII века поэта Хованского «Я вечер в лугах гуляла...» («Незабудочки»).

Поэтом, всего лучше осознавшим, что нужно для народа, был Некрасов. Он создал ряд таких произведений, которые и по содержанию, и по языку, и по напевности вполне отвечали песенным потребностям широких народных масс.

Здесь на первом месте стоит его поэма «Коробейники», два отрывка из которой — «Коробушка» и «Катеринушка» — почти без каких-либо изменений широко и прочно вошли и в городской и в крестьянский фольклор. Затем еще надо выделить его «Огородника» («Не гулял с кистенем я в дремучем лесу...»). Что общего между этими произведениями? Герой одного из них — огородник лихой, готовый идти на каторгу из-за любимой; герой «Коробейников» — разбитной, жизнерадостный парень. Это действительно «удалые добрые молодцы», излюбленные герои народной песни. Но поэт-реалист Некрасов чужд песенной архаике, и потому вместо общего обозначения «добрый молодец» у него «парень» Ванюха.

Для определения популярности в быту какой-нибудь книжной песни существуют следующие источники: 1) записи фольклористов; 2) письменные или устные свидетельства о популярности; 3) печатные источники, в первую очередь песенники, а также хрестоматии, антологии, собрания стихотворений авторов и т. д.

Самым надежным, конечно, является первый источник, но, к сожалению, до последнего времени

как раз книжные песни обычно игнорировались при записях. Исключая их из области фольклора, собиратели песен или совершенно умалчивали о бытовании тех песен, которые являлись книжными, или упоминали о переделках как об «искажениях» литературных песен, выражая при этом негодование или сожаление по поводу упадка традиций настоящей «деревенской» старинной песни. Считалось, что здесь сказывается тлетворное влияние города.

Только немногие собиратели не гнушались приводить подобные «искаженные» песни и переделки при описании, например, быта ссыльных и каторжных. Иногда записанный фольклористом материал такого рода при издании сборников песен отменялся в сторону. В лучшем случае фольклористы интересовались только переделками, а между тем огромное количество книжных песен бытует и пользуется популярностью в самых широких массах, не подвергаясь (или почти не подвергаясь) никаким переделкам.

Укажем, например, «Мой костер в тумане светит...» («Песня цыганки») Полонского, «Коробушку» и «Катеринушку» Некрасова. На вопрос, что поют город и деревня, в первую очередь приходится указывать подобного рода произведения. Поэтому записи фольклористов прежнего времени, интересовавшихся только тем, что собирателям казалось «истинно крестьянским» или «истинно народным», давали совершенно неверное представление о том, что действительно пелось. Только после Великой Октябрьской социалистической революции записи изменили свой характер.

Курьезно, что собиратели прежнего времени, так резко разграничивавшие песню устную и песню литературного происхождения, часто сами попадали впросак и принимали за самую подлинную народную песню то, что оказывалось потом книжной песней. Резкое разграничение песен «народных» от «книжных» не имеет смысла. Если народ принял и освоил какую-нибудь книжную песню, тем самым она уже становится «народной».

Второй источник — письменные или устные свидетельства — также очень важен. В мемуарах мы можем иногда найти указания, что там-то и тогда-то пелась такая-то песня. Так, например, в книге Бурнашова «Воспоминания о моей частной и служебной деятельности 1834—1850 годов» мы встречаем указания на исполнение хором популярных «народных» песен: «Вниз по матушке по Волге», «Солнце на закате» и т. д. Отметим при этом, что мемуарист не подозревал, конечно — как не подозревают этого многие фольклористы и до сих пор, — что вторая из этих песен не является продуктом устного творчества.

Третий источник — песенники — менее надежен, чем два указанных. Из того, что в песеннике помещена та или другая песня, вовсе не следует, что эта песня действительно бытовала в песенной практике. Только в тех случаях, когда песня упорно встречается в десятках песенников, можно говорить об ее популярности.

Также очень мало надежен такой источник, как хрестоматии и антологии. Из того, что песня много

раз перепечатывалась, не следует, что она стала популярной.

Совершенно другая картина получится, если мы зададим себе вопрос: кого, помимо современников, знает и потомство? кто продолжает жить не именем, а своим произведением в песенном быту? В числе авторов популярнейших до сих пор произведений явится целый ряд новых имен, о которых часто не знают составители антологий и очень мало — литературоведы. Тут будут В. Богданов — автор «Дубинушки»; Дмитрий Давыдов — сибирский поэт, краевед и этнограф, автор песни «Славное море, священный Байкал...»; авторы песен о Степане Разине Навроцкий («Есть на Волге утес...») и Садовников («Из-за острова на стрежень...») и многие, многие другие авторы. На долю этих поэтов выпало большое счастье — их произведения до сих пор живут в устах миллионов.

2

Первый, кто стал разрабатывать песню, считавшуюся низшим видом литературы, был А. П. Сумароков.

Любовная лирика Сумарокова вызвала ряд подражателей и имела необычайный успех в свое время. Его песни пели знатные дамы при дворе, пели под аккомпанемент лютни, тогда модного инструмента; конечно, это были типичные романсы, перепечатывавшиеся в песенниках, но в широкие массы они, по-видимому, не проникали. От всего песенного творчества Сумарокова дожило до на-

шего времени буквально только несколько строк, да и то видоизмененных.

Создатель монументального стиля торжественных од, Ломоносов пренебрежительно отзывался о Сумарокове, который, по его мнению, своими песенками искал себе популярности среди легкомысленной молодежи. Сам Ломоносов писал песни только как упражнение в поэтике. Его перевод песни из Анакреона появился как приложение к теории в его «Риторике». Но интересна судьба этой песни («Ночную темнотою...»), которую Ломоносов, конечно, вовсе не предназначал для широких масс. Она до сих пор нередко встречается в крестьянском фольклоре, но в сильно измененном виде. Греческая мифология была отброшена, песня была переделана в реалистическом духе. «Милый друг» промок, продрог и стучится к своей милой, чтобы провести с ней ночь.

Сумароковским периодом в истории книжной песни называют или весь XVIII век начиная с Сумарокова, или от Сумарокова до песенников Чулкова (1770) и Новикова (1780), которые как бы подвели итоги сумароковскому периоду. Конец века может быть назван периодом расцвета сентиментальной песни, представленной такими поэтами, как Дмитриев, Карамзин, Нелединский-Мелецкий.

Для литературы XVIII века характерна безымянность песенного творчества. Ни Чулков, ни Новиков не считали нужным подписывать фамилии авторов даже в тех случаях, когда они их наверное знали. Лишь в конце XVIII века два произведения — «Стонет сизый голубочек...» Дмитриева и

«Выйду я на реченьку...» Нелединского — имели такой исключительный успех, какой можно сравнивать только с успехом «Бедной Лизы» Карамзина. И все знали, кто авторы.

Если не считать сатиры «Чужой толк», то надо сказать, что Дмитриев особенный успех имел в двух жанрах: баснях и песнях. Песни его, так же как и басни, должны были удовлетворять требованиям «хорошего вкуса» сентиментально настроенных читателей. Положенные на музыку песни распевались во всех гостиных.

Мастерство Дмитриева в песнях выразилось в чистоте языка, выдержанности размеров, чередовании рифм. Нет сумароковских вульгаризмов и славянизмов, но зато исчезло разнообразие сумароковской ритмики и строфики. В этом отношении Дмитриев поразительно однообразен.

Если Дмитриев славой своей обязан не только песням, то Нелединский — исключительно им. Кроме песен, он ничего почти не сочинял. Отзывы о его песнях были обычно одобрительны. По мнению Батюшкова, «вдохновенные песни Нелединского — блестящие произведения дарования и остроумия — более или менее приближались к желанному совершенству и все — нет сомнения — принесли пользу языку стихотворному, образовали его, очистили, утвердили». Пушкин ставил Нелединского как поэта выше Дмитриева. Даже Белинский, строго относившийся ко многим кумирам прошлого, признавал, что в песнях Нелединского «сквозь румяны сентиментальности проглядывало иногда чувство и блески таланта».

На рубеже XVIII и XIX веков уже ясно обозначился тот лирический жанр, который получил название «русская песня» и расцвел в 20—30-х годах. Первыми крупными представителями «русской песни» были два автора — Митрофанов и Мерзляков.

Причины, почему Митрофанов до сих пор не обратил на себя внимания историков литературы, те же, что и причины недостаточного внимания к такому замечательному поэту, как Цыганов. Эти авторы сочиняли свои песни не для читателей, но для того, чтобы песни выполняли свое прямое назначение, то есть пелись. И первыми певцами были сами авторы. И распространялись их произведения путем устной передачи (факт напечатания их песен имел второстепенное значение); распространялись же потому, что нравились, потому, что отвечали существовавшим потребностям. От внимания фольклористов поэты такого типа, как Цыганов или Митрофанов, также ускользали; их песни или квалифицировались как книжные и потому казались мало интересными с точки зрения фольклора, или воспринимались как «народные», то есть безымянные, и установление авторства казалось несущественным.

Песни Цыганова вышли отдельной книжкой только после смерти поэта. Митрофанов хотя и выпустил при жизни книгу своих песен, но без полного обозначения фамилии, а только под буквой М. (предисловие, впрочем, подписано С. Мтрфнв, что легко устанавливает фамилию).

Из старших современников Пушкина Вяземский,

переживший не только Пушкина и Лермонтова, но и Некрасова, мало интересовался русским народным творчеством. Термин «русская песня» ему был совершенно чужд, но за свою долголетнюю литературную деятельность он очень много своих стихотворений озаглавливал «песня» и часто с каким-нибудь уточнением: «Вакхическая песня», «Сельская песня», «Матросская песня», «Дунайские песни», иногда с указанием, что это перевод: «Португальская песня (из Байрона)», «Сицилийская песня (из Гете)». Нередко он проявлял склонность к юмору, например «Песня зеваки». Ряд стихотворений в четыре или восемь строк неправильно названы «песнями». Это скорее стихи для альбомов. Из всего написанного Вяземским только одна «Тройка» («Тройка мчится, тройка скачет...») в очень измененном виде стала популярной народной песней.

3

Романтизм на знамени своем поставил «народность». Это не могло не отразиться на судьбе лирических жанров и не повести к некоторой демократизации поэзии. Свергший владычество оды романтизм дал права гражданства жанру, который считался официально «низким», а фактически был излюбленным, — песням. Впервые это было подчеркнуто в первом издании стихотворений Жуковского (1815—1816). Появляется раздел «Романсы и песни», где три произведения озаглавлены по жанровому признаку — «Песня».

Однако, будучи деятельным и прекрасным переводчиком, Жуковский не обнаружил глубокого понимания русской народности. Этого понимания не было у всех тех поэтов, которые держались охранительных тенденций, не восставали против крепостного права и самодержавия. Они идеализировали русскую старину, как, например, Загоскин, в песне своей заявлявший: «В старину живали деды веселей своих внучат» и т. д. Они игнорировали то обстоятельство, что в народной поэзии выражались чаяния народа, что особой популярностью в народе пользовались тюремные и бунтарские песни, что любимым героем у народа был Степан Разин.

Иначе подошли к русской старине и народной поэзии декабристы. Их привлекали в русской истории примеры героизма, стойкости и самоотверженности, что должно было иметь воспитательное значение. Таковы «Думы» Рылеева. Декабристов интересовали народные разбойничьи песни. Они сочиняли агитационные песни, стараясь приблизиться к народной речи («Ах, тошно мне...» и т. д.).

Но в понимании русской народности Пушкин превзошел декабристов. Он лучше всех отразил освободительные мотивы.

Находясь в Михайловском, он первый из русских поэтов создает песни на запрещенную тему о Степане Разине, не пропущенные Бенкендорфом к печатанию.

Непочтительное отношение к попам, выразившееся в ряде народных сказок, Пушкин отобразил в своей замечательной сказке о работнике Балде. Но

интерес Пушкина к народному творчеству этим не ограничился.

Он был также первым русским поэтом, который сам начал записывать и собирать народные песни. Его собственные песни могут быть разделены на две категории: те, где он являлся поэтом-этнографом и подражал русской народной лирике: «Девуцы-красавицы...», «Песни о Стеньке Разине», и те, в которых он использовал мотивы песни какого-либо другого народа. Стихотворений первой группы у него меньше; за редкими исключениями, он их не опубликовал, и они не приобрели популярности. Для Пушкина характерен интерес к фольклору разных народов, особенно народов, живших в России. У него есть и черкесская песня «В реке бежит гремучий вал...», и молдавские «Старый муж, грозный муж...» и «Черная шаль», и песни других народов.

Своеобразие Пушкина в области песенного фольклорного творчества заключается, между прочим, в том, что, в то время как другие поэты (в том числе Дельвиг, Цыганов) вдохновлялись главным образом «протяжными», грустными песнями и игнорировали плясовые и веселые, Пушкин поступал как раз наоборот: его больше всего привлекали оптимизм и жизнерадостность, присущие народной поэзии.

Знаменательно, что лицеист Пушкин уже обращался к фольклору. Показательна судьба двух его стихотворений. Его «Казак» 1814 года стал песней еще до опубликования. Его романс «Под вечер, осенью ненастной...», не включенный Пушкиным

в собрание стихотворений, также стал широко популярен в фольклоре.

Из стихотворений, которые Пушкин счел достойными включения в собрание своих стихотворений, наибольший успех в фольклоре имели два — «Черная шаль» (1820) и «Узник» (1822). Первое сейчас же вызвало подражания. Самое удачное из них — «Уральский казак» С. Т. Аксакова — тоже проникло в фольклор, и даже гораздо прочнее, чем пушкинская «Черная шаль»; оно бытует и сейчас и вызвало в свою очередь ряд подражаний. Самым популярным из стихотворений Пушкина стал в фольклоре «Узник». Свобода — вот та тема, на которой объединялись передовая интеллигенция и народные массы. И песня Федора Глинки «Неслышно шуму городского...» («Песня узника»), и «Узник» Пушкина, и «Отворите мне темницу...» («Узник») Лермонтова, и «Арестант» Огарева («Ночь темна. Лови минуты!...») — все это находило дружный отклик в народе и осваивалось. Эти тюремные песни, а также песни о ссыльных — «Колодники» А. Толстого, «Славное море, священный Байкал...» («Думы беглеца на Байкале») Давыдова — мы можем признать едва ли не самой излюбленной темой в фольклоре, начиная от Пушкина и вплоть до Октябрьской социалистической революции.

Из поэтов, ближайших к Пушкину, Баратынский в своем творчестве чужд фольклору и мог давать только тексты для романсов; Дельвиг — типичный и один из лучших представителей жанра «русской песни»; Языков, стоявший всего ближе к фольк-

лору и, как Пушкин, тоже собиравший народные песни, в своих собственных «песнях» не старался подражать им. «Песни» писал он в молодости для товарищей-студентов, и две из них — «Нелюдимо наше море...» («Пловец») и «Из страны, страны далекой...» — приобрели широкую популярность.

Показательным и интересным в пушкинскую эпоху было появление ряда поэтов-самоучек из крестьян и мещан. Тут и Федор Слепушкин из ярославских крестьян, сначала крепостной, потом получивший свободу и ставший торговцем, и крестьянин Егор Алипанов, первый поэт из рабочих, и Михаил Суханов, из архангельских государственных крестьян. Первые двое песен почти не писали, зато третий писал в жанре «русской песни» и остался несколькими песнями в фольклоре.

Мастерами жанра «русской песни» считаются Мерзляков, Дельвиг, Цыганов. Старший из них. Мерзляков — профессор Московского университета. родом из мелкого провинциального купечества, — писал в разных лирических жанрах. Много у него идет от XVIII века. Есть у него и «стихотворения духовные» и «оды торжественные», но успех имели только его «песни и романсы», только они пережили поэта. Часть их вошла в фольклор. Наиболее популярная, дожившая до нашего времени, — «Среди долины ровныя...»

Своеобразие песен Мерзлякова всего яснее обнаруживается путем сопоставления с песнями его предшественников. Как представитель совершенно иного социального слоя, Мерзляков о страданиях любящего сердца говорит иначе, чем Нелединский

или Дмитриев. У Нелединского, например, причинами страданий являются разлука, отсутствие взаимности, измена, противоречие между чувством и сознанием долга и т. д. — все это из области взаимоотношений двух сердец, но никаких указаний на причины, вызывающие эту разлуку, охлаждение и т. д., никаких бытовых черт, никакой реальной обстановки, — как будто существуют только двое: он и она.

Не то у Мерзлякова: у него, кроме двух сердец, есть еще люди («добрые люди» или «злые люди»), есть намеки на бытовую обстановку, есть вмешательство третьего лица в жизнь двух любящих. Герои и героини большинства песен Мерзлякова — люди подневольные и зависимые. Впрочем, нередко Мерзляков писал песни и в духе Нелединского и Дмитриева.

Цыганов и Дельви́г были почти ровесники по годам, оба рано умерли, тридцати с небольшим лет, но обстановка их творчества и отношение к жанру «русской песни» были у них различны. Как и Митрофанов, так и Дельви́г и Цыганов сами пели свои песни, сами себе аккомпанировали, но Митрофанов — на балалайке, Цыганов — на гитаре, а Дельви́г — на рояле. Эта разница очень характерна. Цыганов — сын крепостного, получившего вольную и ставшего после этого приказчиком у волжского хлебопромышленника. Он был самоучка. Шестнадцати лет от роду он поступил в провинциальную труппу актеров, а потом был мелким актером в московском Малом театре, где пользовался покровительством Мочалова, тоже сочиняв-

шего русские песни. Мать Цыганова после смерти сына жила в доме актера Щепкина; с благотворительной целью в ее пользу была издана в 1834 году книжка «Русские песни Н. Цыганова», очень быстро разошедшаяся.

В журнале «Молва» появилась анонимная рецензия, где песни Цыганова признавались «полными простоты, типично русскими, почти народными», но тут же указывалось, что автор их окончил жизнь свою в безвестности, едва замеченный немногими. Некоторые его песни положены были на музыку Варламовым и Верстовским. Наибольший успех имели песни «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...», «Брезжит месяц молодой...», «Ах, чарка моя!...».

Песни Мерзлякова и Цыганова по своему содержанию и стилю народнее, чем песни Дельвига. У Дельвига часто встречается рассудочность, несвойственная народной песне, например:

Свежий запах каждой травки полевой
Вреден девице вечернею порой.

Встречаются у него и такие выражения, как «друга юных дней», «негой так и веет», «белой груди чем-то сладким тяжело». Бытовая обстановка, в которой действуют его «добрые молодцы» и «красные девицы», мало интересует Дельвига, но некоторые намеки на нее («злые люди», военная служба) у него есть.

Расцвет жанра «русской песни» относится к концу 1820-х и к первой половине 1830-х годов.

В 1823 году выходит книга «Басни, песни и разные стихотворения крестьянина Михаила Суханова», куда вошло 29 русских песен, из которых две-три перешли в фольклор и вызвали подражания. В 1829 году вышло издание стихотворений Дельвига, где помещено 9 русских песен. В 1830 году, в год смерти Мерзлякова, выходят его «Песни и романсы», из которых некоторые давно уже пользовались широкой известностью.

Целиком посвящена одному жанру уже упомянутая книжка «Русские песни Н. Цыганова». Она содержит 39 песен. Наконец, в 1835 году появляются «Стихотворения Алексея Кольцова», еще не вполне осознавшего свой жанр и потому чередующего стихотворения песенного характера с такими, какие нельзя петь, как, например, «Видение наяды». Только три произведения назвал он песнями: «Ты не пой, соловей...», «Песня старика» и «Песня пахаря». Не без влияния Белинского, Кольцов вскоре затем ограничил себя только двумя жанрами — «песнями» и «думами», причем одни из песен он озаглавливал «русская песня», другие — просто «песня».

По сравнению с Мерзляковым, Дельвигом и Цыгановым здесь и новая тематика и новый тон. Относительно тематики давно установилось справедливое мнение, что в песнях Кольцова все вполне реально, все верно жизни практической, положительной. Его «молодцы» не изнывают в беспредметной тоске, не льют горьких слез «на свой бархатный кафтан», а работают: косят траву,

пашут землю. Ленъ вызывает порицание: «Что ты спишь, мужичок!»

Антикрепостнического протеста совсем не было в песнях Мерзлякова, Дельвига, Цыганова. У Кольцова этот протест не мог достаточно оформиться в идейном отношении, но все же имеется. Его бедняк прекрасно сознает, кто его враги. Это барин, иногда поп, иногда купец, иногда староста, вообще — богатей. Если эти люди мешают личному счастью, у доброго молодца возникает желание нарушить благоденствие этих людей (см. «Хуторок»). Есть у Кольцова и выпады против царизма, например в песне, где царь Иван Грозный назван «царем-ханжой» и выведен кровопийцей.

Но самым замечательным выражением протеста является у Кольцова его песня о Степане Разине. Из всех современных Кольцову поэтов только он один, а раньше его только Пушкин решились взяться за изображение этого самого любимого народом героя народных песен. Необходимо отметить, что Кольцов очень дорожил своей песней, отмечая в ней «силу духа».

С Пушкиным сближает Кольцова и присущий им обоим оптимизм, в отличие от многих их современников, представителей отживающего дворянства, которым, как Баратынскому, свойственно разочарование, отсутствие веры в будущее. Основной тон большей части песен Кольцова бодрый, жизнеутверждающий: «Иль у сокола крылья связаны? Иль пути ему все заказаны?», «Что шутя задумал — пошла шутка в дело» и т. д.

Никто из русских поэтов XVIII и XIX веков

не прославился так в качестве творца песен, как Кольцов, никто так часто не переиздавался и не перекладывался на музыку, никто и не имел такой поддержки со стороны прогрессивной критики. Его пропагандировали и Белинский и Добролюбов.

В журналах и альманахах конца 20-х и начала 30-х годов «русские песни» встречались очень часто, но лермонтовское поколение поэтов уже охладевает к этому жанру. Сам Лермонтов пробовал свои силы в этой области; он написал «Песню о купце Калашникове» в былинном духе и песню контрабандистов в «Тамани», в фольклор не вошедшую. Зато рифмованная, следовательно не в стиле «русской песни», «Казачья колыбельная песня» быстро попала в песенники.

Лермонтовское поколение дало только одного поэта-песенника — А. Тимофеева, который в 1835 году под буквами «Т. М. Ф.» выпустил свою книгу «Песни», но многие из помещенных там стихотворений не оправдывают этого заглавия: это произведения скорее декламационного, чем песенного характера.

4

На песенном творчестве русских поэтов второй половины XIX века отразился социальный сдвиг 60-х годов, приход в литературу разночинцев, идеология революционной демократии, ведущим поэтом которой явился Некрасов.

Некрасов совершенно отказался от термина «русская песня», — какие же другие песни могут быть

у русского поэта, как не русские, раз он говорит о русском народе.

Некрасову была органически присуща напевность. Его произведения, ставшие популярными песнями, могут быть разделены на две категории. Первая — это песни, которые имели агитационное значение. Такова «Песня Еремушки», которая, по свидетельству современников, в 60-х годах распевалась среди учащейся молодежи, и отрывок из «Размышления у парадного подъезда», широко популярный среди студенчества и в революционных кружках; причем первое слово этого отрывка было изменено: у Некрасова — «Назови мне такую обитель», а пелось: «Укажи мне такую обитель».

Другую категорию составляют сюжетные стихотворения на тему о любви в крестьянском быту. Здесь и новая обработка распространенной темы народных песен о социальном неравенстве любящих — в «Огороднике». На излюбленную тему русского песенного творчества «тройка» Некрасов пишет и свою «Тройку» — «Что ты жадно глядишь на дорогу...». (Эти два стихотворения написаны еще в 40-е годы.) Но высшее достижение Некрасова и русского песенного творчества вообще в смысле приближения поэта к народности — это безусловно два отрывка из поэмы «Коробейники», известные в песенном быту под названием «Коробушка» и «Катеринушка». Они освоены были народом целиком, без каких-либо поправок, чего, пожалуй, до этого почти никогда не бывало.

Некрасов не обращался к жанру революционных тюремных песен, но на эту тему создан ряд песен

другими поэтами 60—70-х годов: «Слу-шай!» И. Гольц-Миллера, «Что мне она! — не жена, не любовница...» («Узница») Полонского и др.

В духе Некрасова пишут стихи, ставшие песнями, популярными среди революционно настроенных кругов, Всеволод Крестовский, Л. Трефолев. Впоследствии Всеволод Крестовский откровенно перешел в лагерь реакции, но в молодости он создал такие произведения, как «Владимирка» и «Полоса». Далеко от революционности был Алексей Толстой, но его «Колодники» получили широкую популярность. Некоторые старые песни пушкинской эпохи были также приспособлены к новым настроениям. Концовка известной студенческой песни Н. Языкова «Из страны, страны далекой...» была исправлена на призыв: «Первый тост — за наш народ, за святой девиз «вперед».

В 1860—1880-е годы в печати появляется очень много песен о Степане Разине. Из них наибольшую популярность приобрели «Есть на Волге утес...» («Утес Стеньки Разина») А. Навроцкого и «Из-за острова на стрежень...» Д. Садовникова. Это были песни легальные, но были и подпольные революционные песни, которые пелись с оглядкой, только в своем кругу. Позднее такие песни пелись на рабочих маевках, но вообще вышли они на улицу только в 1905 году. Тут были и похоронные песни бойцам за свободу, как «Не плачьте над трупами павших борцов...» («Requiem») И. Пальмина и «Замучен тяжелой неволей...» Г. Мачтета. Наибольшую распространенность имели революционные песни «Смело, товарищи, в ногу!...» Л. Ради-

на и знаменитая «Дубинушка» с текстом Ольхина (были и другие «Дубинушки»). Ярко революционной была заключительная строфа «Дубинушки»:

Но настанет пора — и проснется народ,
Разогнет он могучую спину.
И на бар и царя, на попов и господ
Он отыщет покрепче дубину.

Революционность третьей строчки на практике из предосторожности часто несколько смягчалась. Слово «царь» не произносилось, но смысл оставался ясен:

И на бар и господ в заповедных лесах
Он покрепче подымет дубину.

Обращает на себя внимание, что большинство авторов популярных песен, кроме Некрасова, — или случайные, или второстепенные поэты. Мачтет — беллетрист, Радин — ученый-химик, Ольхин — юрист. Все они не поэты-профессионалы и, кроме названных произведений, ничем в поэзии себя не проявили. В этой непрофессиональности большинства авторов сказался дух времени. Тяга к сближению с народом не могла не отразиться и на усилении интереса к песням, так как народ воспринимал поэзию преимущественно в форме песен.

Наоборот, поэты, чуждые или даже враждебные революционной демократии, не искавшие сближения с народом, писали только такие стихи, которые иногда могли стать текстом для романса, но не для песни. Таковы были Тютчев, Фет.

Другое крупное явление во второй половине

XIX века в области песенного творчества, кроме революционизирования его, заключается в появлении не одиночек, не отдельных поэтов, вышедших из среды народа, а большого количества их, причем они понемногу перестают нуждаться в покровительстве и поддержке со стороны передовой интеллигенции, чем пользовались поэты из народа пушкинской эпохи, как Слепушкин. Тут надо назвать воронежского мещанина Ивана Никитина с незаконченным семинарским образованием и поэта-самоучку из ярославских крестьян Ивана Сурикова. Никитин почти не выезжал из родного Воронежа, почти ни с кем из литераторов не был знаком и в последние годы своей жизни пытался создать маленький культурный центр у себя в провинции. Как Кольцов, он не сразу нашел свои жанры и темы. Но Кольцову много помогали указания Белинского, взлелеявшего, можно сказать, его дарование, Никитин же вполне осознал себя после резко отрицательного отзыва о его первой книге (1856) Чернышевского. Последующие две книги: «Стихотворения» (1859) и поэма «Кулак» (1858) были сочувственно приняты Н. Добролюбовым.

Бросается в глаза, что Никитин менее тяготеет к песням, чем Кольцов. Он ни разу в своей книге не применяет употребляемого Кольцовым размера — пятистопника с ударением на третьем слоге, типа «Не шуми ты, рожь»; только один раз встречается у него и другой излюбленный Кольцовым размер типа «Хуторка» — двустопный анапест. Только пристрастие к хорям сближает его с обычными поэтами-песенниками. Но словом

«песня» он обозначил в книге 1859 года только одно стихотворение — «Песня бобыля». Потом были и другие («Зашумела, разгулялась...») Передовая молодежь сочувственно отнеслась к его песне «Медленно движется время...». Наиболее популярными его песнями стали предсмертное стихотворение «Вырыта заступом яма глубокая...» и особенно попавшее в репертуар Н. В. Плевицкой (1910) со слегка измененным текстом «Ехал из ярмарки ухарь-купец...».

По популярности в песенном быту, в народе, Никитина превзошел Суриков. Целый раздел в его сборниках стихотворений (при жизни поэта было три издания: 1871, 1875 и 1877 годов) занимают песни. Из них вошли в песенный быт «Эх ты, доля, эх ты, доля...», «День я хлеба не пекла...», «Сиротой я росла...», «Я ли в поле да не травушка была...», «У могилы матери», «Казнь Стеньки Разина». В настоящее время очень популярна его «Рябина».

Суриков сделал первую попытку объединить писателей из народа. Он тщательно их разыскивал через газетные объявления и в 1872 году издал на артельных началах первый сборник произведений писателей-самоучек под характерным заглавием «Рассвет». Цель сборника была, как говорилось в предисловии, «показать читающей публике, что наш народ... сам собою развивается». Сборник был враждебно встречен реакционной критикой, особенно газетой «Московские ведомости», которая возмущалась, что самоучки посягнули «на святыню искусства мужицкими стихами».

Из младших современников Сурикова наибольшее внимание как поэт обратил на себя крестьянин Тверской губернии Спиридон Дрожжин. Он писал много песен. Существует более 80 музыкальных переложений на его слова. Его песни неоднократно исполнялись со сцены, некоторые были напеты на грамофонные пластинки, но в фольклор проникли немногие.

Из поэтов-песенников более позднего поколения следует отметить Николая Панова, сына крепостного крестьянина Самарской губернии. В его творчестве песни занимают очень большое место. В 1896 году он издал сборник под характерным названием «Гусли звончаты. Песни, были и разные стихотворения». Его нельзя считать поэтом-самоучкой. Он учился в реальном училище, но курса не кончил из-за недостатка материальных средств; готовился на аттестат зрелости, чтобы поступить в университет, но и это не удалось по той же причине.

Панов пытался создать новый стиль народных песен, стараясь использовать богатство русского языка. У него встречаем такие неизбитые выражения народной речи, как «голытьба отбойная», «баба-неделаха», «окрутили девку с парнем-чужаком». Припев или рефрен почти обязателен в каждой его песне, и некоторые из них очень выразительны, например:

Ой вы, дни ненастные, ноченьки беззвездные,
Тишина могильная да степная ширь,
Тяжкая неволюшка, кандалы железные.
Ой ты, злая мачеха, каторга-Сибирь!

Буржуазная критика того времени не обратила внимания на Панова. Ее внимание привлекли новые поэты, представители того класса, который «злой нужды не знал», — поэты-декаденты, упадочники и формалисты, щеголявшие своей «энциклопедической образованностью» и демонстративно отрекавшиеся от народа.

5

В 1898 году появилась в печати «Песня о соколе» Горького, предвозвестившая новый этап в развитии русской литературы. Песней фактически она не стала, но впечатление от нее было огромное. Ею и другими произведениями Горького поднято было общественное настроение, и унылые песни эпигонов Сурикова начали терять смысл. Вера в будущее, призыв к борьбе, лозунг «безумство храбрых — вот мудрость жизни» зазвучали и в песнях других авторов. На рубеже XX века возникла песня «Солнце всходит и заходит...», вставленная М. Горьким в пьесу «На дне» (первое представление в 1902 году). Эта песня, приобретшая широкую популярность, завершает собой длинный ряд популярных песен литературного происхождения на тему «узник», начало которому положили Пушкин и Федор Глинка («Сижу за решеткой в темнице сырой...», «Не слышно шуму городского...») в эпоху декабризма.

Если оглянуться на тематику наиболее популярных песен литературного происхождения в XIX веке, невольно напрашивается несколько выводов.

Во-первых, среди песен любовного содержания наиболее живучими, не потерявшими до сих пор своего обаяния, оказались песни первой половины XIX века, положенные на музыку тремя замечательными, до сих пор недостаточно оцененными русскими композиторами: Варламовым, Алябьевым и Гурилевым. Из композиторов второй половины XIX века ближе всех к духу народной песни оказался Балакирев. Кроме песен любовного содержания, нередко композиторов вдохновляли песни на тему о тоске-кручине доброго молодца; гениальный Глинка явился автором музыки к ряду песен, ставших популярными, например «Не осенний мелкий дождичек. . .» на слова Дельвига, и еще больше автором популярных романсов (на слова Баратынского, Кукольника и др.). Композиторы второй половины XIX века Даргомыжский, Чайковский на избранные ими стихотворные тексты поэтов предпочитали писать не песни, а романсы, что, конечно, связано было с содержанием полюбившихся им текстов. Такого широкого распространения, как песни, романсы никогда не имели. Это был жанр менее демократический.

Во-вторых, патриотизм русского народа выразился в XIX веке всего осязательнее в военно-исторических песнях, но очень немногие из них имели сколько-нибудь прочный успех. Большинство из них связано с оборонительной войной, с защитой родины в 1812 году, когда все слои населения охватила патриотический подъем. Самое характерное и самое яркое из произведений, написанных во время войны — «Певец во стане русских воинов», —

имело исключительный успех среди образованного дворянства, но в народ не проникло. Зато песня, сочиненная Николаем Ильиным, которого некоторые его современники упрекали за его тягу к простому народу, песня, посвященная бородинской битве — «Ночь темна была и немесячна...», — вошла в народ и имела в песенной практике разные варианты. Героем песни является Кутузов. Другая песня, имевшая большой успех, — шуточная, появилась при отступлении Наполеона — «За горами, за долами...» Коваленского. Две строки обратились в поговорку: «Бонапарту не до пляски: растерял свои подвязки». Посрамление самонадеянности Наполеона явилось темой и ряда позднейших песен («Два великана» Лермонтова, «Он» Н. Солодова). Из севастопольских песен наибольшего внимания заслуживает песня, сочиненная Львом Толстым с товарищами, откуда широко популярными стали две строки: «Ладно было на бумаге, да забыли про овраги».

Война 1877—1878 годов еще менее оставила следов в нашем песенном творчестве. Появилась урапатриотическая песня Перельгина, по профессии преподавателя рисования, которую одо время распевали по приказу начальства в учебных заведениях, начинавшаяся так:

Ликуйте, россы! Плевна пала!
И храбрый взят Осман-паша,
И славу новую стяжала
России правая война...

и т. д.

В народ такая песня не пошла.

В-третьих, необходимо отметить, что гораздо больший успех, чем военно-патриотические песни, имели в XIX веке те песни, где русский человек чувствовал свою родину, ее ширь и простор, чувствовал силы своей души и желание развернуться. Отсюда две популярнейших темы песен XIX века: тройки и Волга. Недаром Гоголь сравнивал Русь с тройкой, которая несется неведомо куда, но непременно вперед. Так казалось людям с еще неразвитым революционным сознанием. Тройка легко ассоциировалась и с необъятными пространствами родины, и с русской удалью, и с ямщицкими народными песнями, где так много невысказанного горя. Отсюда бесконечное число популярных песен о тройках (в конце концов выродившихся в купеческие, ресторанные песни, часто с бессмысленным и пошлым содержанием). Нельзя не подчеркнуть и особой популярности темы о Волге и в фольклоре и у поэтов. Самой прославленной и любимой русской народной песней можно считать «Вниз по матушке по Волге...». Волга фигурирует и во многих популярных песнях, начиная с языковской «Из страны, страны далекой...». Огромное количество русских поэтов являются уроженцами Волги: Державин, Дмитриев, Карамзин, Радищев, Языков, Цыганов, Некрасов, Разоренов, Трефолев, Суриков, Садовников, Панов и, наконец, Горький. Общественное движение отражалось на отношении поэтов к Волге. Некрасовская Волга — совсем не то, что языковская. Языков видел только волжское при-

волье, а Некрасов услышал стон над великою русской рекой.

В-четвертых, постепенно все большее и большее значение приобрели свободолюбивые темы, сначала легальные: песни о многочисленных узниках и бродягах и исторические о Степане Разине. В песнях литературного происхождения под узником обычно мыслился политический узник. Жажда вырваться на свободу обычно понималась расширительно: тюрьмой мог считаться существующий ненавистный политический строй. Прогрессивное значение таких песен несомненно. Народные песни о Степане Разине после пугачевского восстания долго были под запретом. Пушкину не удалось опубликовать своих песен о Разине. А в народной поэзии это был самый популярный исторический герой. Только когда в литературу вошла революционная демократия, появилось много песен о Разине. Волга стала не рекой горя народного, а рекой народного восстания. Три песни стали широко популярны: Навроцкого, Сурикова и особенно Садовникова.

В-пятых, и это самое важное в эволюции русских песен литературного происхождения, — появление в эпоху декабристов революционных песен, а потом все большее и большее увеличение их числа. Можно установить четыре этапа: первый — агитационные песни декабристов; второй — песни, которые пропагандировали в начале 60-х годов Герцен и Огарев, стараясь продолжить дело декабристов; третий — песни, созданные в связи с революционным движением 70-х и 80-х годов, и, наконец,

песни, выражающие пролетарское революционное сознание. Песни, отражающие пролетарский период революционного движения, начали появляться в 90-х годах, и чем ближе к 1905 году, тем все в большем количестве. Авторами являлись сами участники революционного движения: Г. М. Кржижановский, Л. Радин, Евг. Тарасов и др. Песни Кржижановского «Варшавянка» («Вихри враждебные веют над нами...»), «Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами...», «Красное знамя», песни Л. Радина «Смело, товарищи, в ногу...» и другие пользовались огромной популярностью в среде рабочих и в кружках революционных социал-демократов. А. И. Ульянова-Елизарова вспоминает, что В. И. Ленин в ссылке научился польским революционным песням «отчасти по-польски, отчасти в русском переводе их, сделанном Кржижановским. Таковы были: «Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами...», «Вихри враждебные...», «Красное знамя».

В 1905 году революционные песни, которые пелись раньше в революционных кружках, в студенческих каморках, на рабочих маевках, шумным потоком прорвались на улицы. Первая революция была подавлена, но песни остались и продолжали быть революционным оружием. В эпоху Октябрьской революции они зазвучали по-новому, как никогда не звучали. Изменен был стих «Дубинушки»: «Но настанет пора — и проснется народ». Стали петь: «Но настала пора — и проснулся народ», и дальше: не «разогнет» спину, а «разогнул он могучую спину».

Великая победа народа в Октябре 1917 года выдвинула песню — самый демократический жанр — на первый план в области поэзии. Песня приобрела не только новое содержание, но и новые условия создания (текст и музыка часто сочиняются одновременно и согласованно поэтом и композитором) и новые способы распространения (кино, радио), что ведет к большей устойчивости авторского текста.

Исаковский и другие замечательные советские поэты-песенники — это не поэты, говорящие от имени народа, это уже сам народ с его яркой талантливостью, свободный, далеко шагнувший вперед, несущий всему миру новое слово. Такова советская песня. Она заслуживает особого сборника.

**ПЕСНИ
РУССКИХ ПОЭТОВ**

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Все люди для покюю
Сомкнули уж глаза.

Внезапно постучался
У двери Купидон,
Приятный перервался
В начале самом сон.

«Кто так стучится смело?» —
Со гневом я вскричал.
«Согрей обмерзло тело, —
Сквозь дверь он отвечал. —

Чего ты устранился?
Я мальчик, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмок весь и дрожу».

Тогда мне жалко стало,
Я свечку засветил,
Не медлиши нимало,
К себе его пустил.

Увидел, что крылами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.

Жалея о несчастье,
Огонь я разложил
И, при таком несчастье,
К камину посадил.

Я теплыми руками
Холодны руки мьял,
Я крылья и с кудрями
Досуха выжимал.

Он чуть лишь ободрился,
«Каков-то, — молвил, — лук?
В дожде, чать, повредился», —
И с словом стрéлил вдруг.

Тут грудь мою пронзила
Преострая стрела
И сильно уязвила,
Как злобная пчела.

Он громко рассмеялся
И тотчас заплясал.
«Чего ты испугался? —
С насмешкою сказал. —

Мой лук еще годится,
И цел, и с тетивой;
Ты ж будешь век крушиться
Отнынь, хозяин мой».

1747

Молчите, струйки чисты,
И дайте мне вещать;
Вы, птички голосисты,
Престаньте воспевать.

Пусть в рощах раздаются
Плачевные слова,
Ручьями слезы льются
И стонут деревья.

Ты здесь, моя отрада,
Любезный пастушок,
Со мной ходил от стада
На крутой бережок.

Я здесь с тобой свикалась
От самых лет молодых
И часто наслаждалась
Любовных слов твоих.

Уж солнышко спустилось
И село за горой,
И поле окропилось
Вечернею росой.

Я в горькой скуке трачу
Прохладные часы
И наедине плачу,
Лишась твоей красы.

Целую те пруточки,
С которых ты срывал
Прекрасные цветочки
И мне пучки вязал;

Слезами обливаю
Зеленые листья,
В печали презираю
Приятные плоды.

Я часто вижу властно
Тебя во древесях;
Бегу туда напрасно,
Хочу обнять в слезах.

Но только тень пустая
Меня, несчастну, льстит;
Смущаюся, теряя
Приятный мне твой вид.

Лишь только ветер листьями
Тихонько потрясет,
Я тотчас меж кустами
Тебя ищу, мой свет.

От всякой перемены
Всечасно я крушусь
И, муча слабы члены,
На всякий слух стремлюсь.

1748

ПЕСНЯ

В роще девки гуляли —
Калина ли моя, малина ли моя —
И весну прославляли.
Калина ли моя, малина ли моя.
Девку горесть морила.
Калина ли моя, малина ли моя.
Девка тут говорила: —
Калина ли моя, малина ли моя —
«**Я** лишилася друга, —
Калина ли моя, малина ли моя —
Вянь, трава чиста луга, —
Калина ли моя, малина ли моя —
Не всходи, месяц ясный, —
Калина ли моя, малина ли моя —
Не свети ты, день красный, —
Калина ли моя, малина ли моя —
Не плещите вы, воды, —
Калина ли моя, малина ли моя.
Не пойду в хороводы, —
Калина ли моя, малина ли моя —
Не нарву я цветочков, —
Калина ли моя, малина ли моя —

Не сплету я веночков, —
Калина ли моя, малина ли моя —
Я веселья не знаю.
Калина ли моя, малина ли моя.
Друг, тебя вспоминаю —
Калина ли моя, малина ли моя —
Я и денно и ночью. —
Калина ли моя, малина ли моя —
В день и ночь сердцу тошно.
Калина ли моя, малина ли моя.
Я любила сердечно —
Калина ли моя, малина ли моя —
И любить буду вечно.
Калина ли моя, малина ли моя.
Сыщешь ты дорогую, —
Калина ли моя, малина ли моя —
Отлучившись, другую —
Калина ли моя, малина ли моя —
Сыщешь милу, прекрасну —
Калина ли моя, малина ли моя —
И забудешь несчастну.
Калина ли моя, малина ли моя.
Та прекраснее будет, —
Калина ли моя, малина ли моя —
Да тебя позабудет.
Калина ли моя, малина ли моя.
Ах, а я не забуду, —
Калина ли моя, малина ли моя —
Сколько жить я ни буду.
Калина ли моя, малина ли моя.
Не пойдут быстры реки —
Калина ли моя, малина ли моя —

Ко источнику ввеки, —
 Калина ли моя, малина ли моя —
Так и мне неудобно —
 Калина ли моя, малина ли моя —
Быть неверной подобно.
 Калина ли моя, малина ли моя».

1760-е годы(?)

ПЕСНЯ

Пятнадцать мне минуло лет,
Пора теперь мне видеть свет:
В деревне все мои подружки
Разумны стали друг от дружки.
 Пора теперь мне видеть свет!
 Пора теперь мне видеть свет!

Пригожей все меня зовут.
Мне надобно подумать тут,
Как должно в поле обходиться,
Когда пастух придет любиться.
 Мне надобно подумать тут!
 Мне надобно подумать тут!

Он скажет: «Я тебя люблю».
Любовь и я ему явлю,
И те ж ему скажу три слова,
В том нет урона никакого.
 Любовь и я ему явлю!
 Любовь и я ему явлю!

Мне случай этот вовсе нов,
Не знаю я любовных слов,

Попросит он любви задаток —
Что дать? Не знаю я ухваток,
Не знаю я любовных слов!
Не знаю я любовных слов!

Дала б ему я посох свой —
Мне посох надобен самой,
И, чтоб зверей остерегаться,
С собачкой мне нельзя расстаться.
Мне посох надобен самой!
Мне посох надобен самой!

В пустой и скучной стороне
Свирелки также нужны мне;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада.
Свирелки также нужны мне!
Свирелки также нужны мне!

Я помню, как была мала,
Пастушка поцелуй дала:
Неужли пастуху в награду
За прежнюю его досаду?
Пастушка поцелуй дала!
Пастушка поцелуй дала!

Какая прибыль от того,
Я в том не вижу ничего:
Не станет верить он обману,
Когда любить его не стану.
Я в том не вижу ничего!
Я в том не вижу ничего!

Любовь, владычица сердец,
Как быть научит наконец,
Любовь своей наградой платит
И даром стрел своих не тратит.
 Как быть научит наконец!
 Как быть научит наконец!

Пастушка говорит тогда:
Пускай пастух придет сюда;
Чтоб не было убытка стаду,
Я сердце дам ему в награду.
 Пускай пастух придет сюда!
 Пускай пастух придет сюда!

КРУЖКА

Краса пирующих друзей,
Забав и радостей подружка.
Предстань пред нас, предстань скорей,
Большая серебряная кружка!

 Давно уж нам в тебя пора

 Пивца налить

 И пить...

 Ура! ура! ура!

Ты дочь великого ковша,
Которым предки наши пили;
Веселье — их была душа;
В пирах они счастливо жили.

 И нам, как им, давно пора

 Счастливым быть

 И пить...

 Ура! ура! ура!

Бывало, старики в вине
Свое всё потопляли горе;
Дрались храбро на войне;
Ведь пьяным по колени море!

Забить и нам всю грусть пора,
Отважным быть
И пить...
Ура! ура! ура!

Бывало, дольше длился век,
Когда диет не наблюдали;
Был здоров и счастлив человек,
Как только пили да гуляли.
Давно гулять и нам пора,
Здоровым быть
И пить...
Ура! ура! ура!

Бывало, пляска, резвость, смех
В хмелю друг друга обнимают;
Теперь, наместо сих утех,
Жеманством, лаской угощают.
Жеманство нам прогнать пора
Но просто жить
И пить...
Ура! ура! ура!

В садах, бывало, средь прохлад
И жены с нами куликают;
А ныне клуб да маскарад
И жен уж с нами разлучают.
Французить нам престать пора,
Но Русь любить
И пить...
Ура! ура! ура!

Бывало, друга своего —
Теперь карманы посещают;
Где вист, да банк, да макао,
На деньги дружбу там меняют.
На карты нам плевать пора,
А скромно пить
И пить...
Ура! ура! ура!

О, сладкий дружества союз,
С гренками пивом пенна кружка!
Где ты нам услаждаешь вкус,
Мила там, весела пирушка.
Пребудь ты к нам всегда добра:
Мы станем жить
И пить...
Ура! ура! ура!

ПЧЕЛА

Пчелка золотая,
Что ты жужжишь?
Всё вокруг летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
В желтых власах,
Розы ль огнисты
В алых устах,
Сахар ли белый
Грудь у нея?

Пчелка золотая,
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
«К меду прилипнув,
С ним и умру».

1796

НЕЗАБУДОЧКИ

Я вечер в лугах гуляла,
Грусть хотела разогнать
И цветочков там искала,
Чтобы к милому послать.

Долго-долго я ходила,
Погасал уж солнца свет;
Все цветочки находила,
Одного лишь нет как нет!

Нет! Цветочка дорогого
Я в долинах не нашла;
Без цветочка голубого
Я домой было пошла.

Шла домой с душой унылой;
Недалеко от ручья
Вижу вдруг цветочек милой,
Вмиг его сорвала я!

Незабудочку сорвала, —
Слезы покатались вдруг.
Я вздохнула и сказала:
Не забудь меня, мой друг!

Не дари меня ты златом,
Подари лишь мне себя;
Что в подарке мне богатом?
Ты скажи: люблю тебя!

1793

С. Митрофанов

Солнце на закате,
Время на утрате —
Сем-ка, девки, на лужок,
Где муравка, где цветок,
Где мы вечером резвились,
В хороводе веселились;
Ну-тка, примемтесь опять
Ту ж игорку продолжаты!
Собирались, разыгрались,
На лужку все расплясались
При приятной тишине,
Под березками одне.
Вдруг стал слышен голосок —
Раздалось эхо в лесок:
«Ах! красавица милая!
Светик, радость, дорогая!
Где ты, где ты? ах, ау!
Без тебя я здесь умру;
Твой глазок меня не видит;
Знать, он ныне ненавидит».
Вдруг все девки спохватились,
И домой все торопились;
Лишь Анютушка-дружок
Тут присела на лужок.

Из цветов венки вила,
Будто милого ждала.

 Не успела склать в пучочки,
 Как выходит из-за речки
Парень милый, красячок,
Милый Аннушкин дружок;
 Подошел, к ручке прилег —
 У Анюты сердце ёк.

Щечки розаном покрылись,
Сердце сердцу покорилось.

 Ах! любовь — счастье одно,
 От природы нам дано.

ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Братья, рюмки наливайте!
Лейся через край, вино!
Всё до капли выпивайте,
Осушайте в рюмках дно!

Мы живем в печальном мире,
Всякий горе испытал —
В бедном рубище, в порфире,
Но и радость бог нам дал.

Он вино нам дал на радость.
Говорит святой мудрец:
Старец в нем находит младость,
Бедный — горестям конец.

Кто всё плачет, всё вздыхает,
Вечно смотрит сентябрем,
Тот науки жить не знает
И не видит света днем.

Всё печальное забудем,
Что смущало в жизни нас;
Петь и радоваться будем
В сей приятный, сладкий час!

Да светлеет сердце наше,
Да сияет в нем покой,
Как вино сияет в чаше,
Осребряемо луной!

1791

ПРОСТИ

Кто мог любить так страстно,
Как я любил тебя?
Но я вздыхал напрасно,
Томил, крушил себя!

Мучительно плениться,
Быть страстным одному!
Насильно полюбиться
Не можно никому.

Не знатен я, не славен:
Могу ль кого прельстить?
Не весел, не забавен:
За что меня любить?

Простое сердце, чувство
Для света ничего.
Там надобно искусство —
А я не знал его!

(Искусство величаться,
Искусство ловким быть,
Умнее всех казаться,
Приятно говорить.)

Не знал — и, ослепленный
Любовию своей,
Желал я, дерзновенный,
И сам любви твоей!

Я плакал, ты смеялась,
Шутила надо мной, —
Моею забавлялась
Сердечною тоской!

Надежды луч бледнеет
Теперь в душе моей...
Уже другой владеет
Навек рукой твоей!..

Будь счастлива, покойна,
Сердечно весела,
Судьбой всегда довольна,
Супругу — век мила!

Во тьме лесов дремучих
Я буду жизнь вести,
Лить токи слез горючих,
Желать конца... Прости!

Стонет сизый голубочек,
Стонет он и день и ночь:
Миленький его дружок
Отлетел надолго прочь.

Он уж больше не воркует
И пшенички не клюет;
Всё тоскует, всё тоскует
И тихонько слезы льет.

С одной ветки на другую
Перепархивает он
И подружку голубую
Ждет к себе со всех сторон.

Ждет ее... увы! но тщетно, —
Знать, судил ему так рок!
Сохнет, сохнет неприметно
Страстный, верный голубок.

Он ко травке прилегает,
Носик в перья завернул,
Уж не стонет, не вздыхает —
Голубок навек уснул!

Вдруг голубка прилетела,
Приуныв, издалека.
Над своим любезным села,
Будит, будит голубка.

Плачет, стонет, сердцем ноя,
Ходит милого вокруг —
Но... увы! прелестна Хлоя!
Не проснется милый друг!

Ах! когда б я прежде знала,¹
Что любовь родит беды,
Веселясь бы не встречала
Я полуночной звезды!
Не лила б от всех украдкой
Золотого я кольца;
Не была б в надежде сладкой
Видеть милого льстеца!

К удалению удара
В лютой, злой моей судьбе,
Я слила б из воска яра
Легки крылышки себе
И на родину вспорхнула
Мила друга моего,
Нежно, нежно бы взглянула
Хоть однажды на него.

Я потом бы улетела
Со слезами и тоской;
Подгорюнившись бы села
На дороге я большой;

¹ Эта песня есть точное подражание старинной просто-народной песне.

Возрыдала б, возопила:
Добры люди! Как мне быть?
Я неверного любила. . .
Научите не любить.

1792

Тише, ласточка болтлива,
Тише, тише, полно петь!
Ты с зарею вновь счастлива, —
Ах, а мне пришло терпеть!
Я расстаться должен с милой!
На заре, к моим слезам...
О луна, твой свет унылый
Краше солнышка был нам!

Тише, ласточка болтлива,
Тише, тише, полно петь!
Ты с зарею вновь счастлива, —
Ах, а мне пришло терпеть!
Знать, и сонная мечтала
О любви ты своей:
Ты к утехам рано встала,
А я к горести моей!

Тише, ласточка болтлива,
Тише, тише, полно петь!
Ты с зарею вновь счастлива, —
Ах, а мне пришло терпеть!
О, когда б и ты имела
Участь, равную со мной,
Ты б молчала и не пела
И встречала день с тоской.

Всех цветочков боле
 Розу я любил;
Ею только в поле
 Взор мой веселил.
С каждым днем милее
 Мне она была;
С каждым днем алее
 Всё как вновь цвела.
Но на счастье прочно
 Всяк надежду кинь;
К розе, как нарочно,
 Привилась полынь.
Роза не увяла —
 Тот же самый цвет;
Но не та уж стала:
 Аромата нет!..
Хлоя! Как ужасен
 Этот нам урок!
Сколь, увы, опасен
 Для красы порок!

1795

ПЕСНЯ

Выйду я на реченьку,
Погляжу на быстрюю —
Унеси мое ты горе,
Быстра реченька, с собой!

Нет, унести с собой не можешь
Лютой горести моей;
Разве грусть мою умножишь,
Разве пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью твоему:
Мысль за мыслью так стремится
Всё к предмету одному.

Ноет сердце, изнывает,
Страсть мучительну тая.
Кем страдаю, тот не знает,
Терпит что душа моя.

Чем же злую грусть рассею,
Сердце успокою чем? —
Не хочу и не умею
В сердце быть властна моем.

Милый мой им обладает:
Взгляд его — весь мой закон.
Томный дух пусть век страдает,
Лишь бы мил всегда был он.

Лучше век в тоске пребуду,
Чем его мне позабыть.
Ах, коль милого забуду,
Кем же стану, кем же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему.
Сердца каждое биенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А в душе всегда ношу!
Ты, кем вижу, кем внимаю,
Кем я мыслю, кем дышу!

Не почувствуй ты досады,
Как дойдет мой стон к тебе,
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбе.

Если ж ты найдешь возможным,
Силу чувств моих измерь,
Словом ласковым — хоть ложным —
Ад души моей умерь.

1790-е годы

ПЕСНЯ

Милая вечер сидела
Под кустом у ручейка.
Песенку она запела;
Я внимал издалика.
Будто с ней перекликался
Ближней рощи соловей.
Голос милой раздавался:
Отдался в душе моей.

Мне зефиры приносили
Иногда ее слова.
Иногда слова глушили
Вкруг шумящи дерева.
Смолкни всё! Престань мешаться
Ты, завистный соловей!
Пусть один в душе раздастся
Голос милой лишь моей.

1790-е годы

А. Ф. Мерзляков

Среди долины ровная,
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка —
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявые,
Ни ивки близ него;
Ни кустики зеленые
Не вьются вокруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много серебра, золота —
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей —
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми:
Поклон — да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими:
Поклон — да пара слов.

Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня.
Все друзья, все приятели
До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не вьются вокруг малюточки,
Тихохонько резвясь!

Возьмите же всё золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

1810-е годы

Чернобровый, черноглазый,
Молодец удалый,
Вложил мысли в мое сердце,
Зажег ретивое!
Нельзя солнцу быть холодным,
Светлому погаснуть;
Нельзя сердцу жить на свете —
И не жить любовью!
Для того ли солнце греет,
Чтобы травке вянуть?
Для того ли сердце любит,
Чтобы горе мыкать?
Нет, не дам злодейке-скуке
Ретивого сердца!
Полечу к любезну другу
Осеннею пташкой.
Покажу ему платочек,
Его же подарок:
Сосчитай горючи слезы
На алом платочке.
Иссуши горючи слезы
На белой ты груди
Или сладкими их сделай,
Смешав со своими...
Воет сыр-бор за горою,
Метелица в поле;

Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.
Оставайся, бедна птичка,
Запертая в клетке!
Не отворишь ты слезами
Отеческой терем;
Не увидишь дорогова,
Ни прежнего счастья!
Не ходить бы красной девке
Вдоль по луту-лугу;
Не искать было глазами
Пригожих, удалых!
Не любить бы красной девке
Молодого парня;
Поберечь бы красной девке
Свое нежно сердце!

1810-е годы

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

1808—1812

ПЕСНЯ

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;
С моим кольцом я счастье
Земное погубил.

Мне, дав его, сказала:
«Носи! не забывай!
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»

Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать:
Кольцо юркнуло в воду;
Искал... но где сыскать?!

С тех пор мы как чужие!
Приду к ней — не глядит!
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит!

О ветер полуночный,
Проснися! будь мне друг!
Схвати со дна колечко
И выкати на луг.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня в слезах!
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах!

Ко мне подсела с лаской,
Мне руку подала;
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла!

На что твоя мне ласка!
На что мне твой привет?!
Любви, любви хочу я...
Любви-то мне и нет!

Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...
А мне — мое колечко
С надеждою моей.

РАЗЛУКА

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял;
Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая он сказал:
«Не плачь, красавица, слезами
Кручине злой не пособить.
Клянуся честью и усами —
Любви не изменить!
Любви непобедима сила.
Она — мой верный щит в войне;
Булат в руке, а в сердце Лила, —
Чего страшиться мне?
Не плачь, красавица, слезами
Кручине злой не пособить.
А если изменю... усами
Клянусь — наказан быть!
Тогда, мой верный конь, споткнися,
Летя во вражий стан стрелой;
Уздечка бранная, порвися,
И стремя под ногой!
Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,

И я, бледнея весь от страха,
 Явлюсь перед тобой!»
Но верный конь не спотыкался
Под нашим всадником лихим;
Булат в боях не изломался,
 И честь гусара с ним.
А он забыл любовь и слезы
Своей пастушки дорогой
И рвал в чужбине счастья розы
 С красавицей другой.
Но что же сделала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицам — игрушка,
 А клятвы их — слова.
Всё здесь, друзья, изменой дышит,
Теперь нет верности нигде.
Амур, смеясь, все клятвы пишет
 Стрелою на воде.

За горами, за долами
Бонапарте с плясунами
Вздумал вровень стать,
Вздумал вровень стать.

Конь куда с копытом мчится,
Рак туда ж с клешней тащится
И давай плясать,
И давай плясать.

Невпопад пошел англезу,
Вздумал, бросив экосезу,
Польскую пройтить,
Польскую пройтить.

Не выдавши пыли русской,
Кверху вздернул нос французский
И давай кружить,
И давай кружить.

А сарматы-пустословы
Подыграть ему готовы:
Гостик дорогой!
Гостик дорогой!

Скрипки, басы заревели,
Звонки трубы загремели.
То-то пир горой!
То-то пир горой!

Скоро польским он наскучил,
Музыкантов перемучил —
«Сам на Русь пойду!
Сам на Русь пойду!

Там я «Барыню» пройдуся,
Фертом в боки подопруся,
Пляску заведу!
Пляску заведу!»

Бородинские заботы
Не отбили в нем охоты
В матушку Москву,
В матушку Москву.

«Там мне есть где разойтисься,
А чтобы повеселиться,
Барынь позову,
Барынь позову».

Побывать-то удалось,
Да не так отозвалось, —
Не с кем поплясать,
Не с кем поплясать.

Только проложил дорогу,
Занозил скоренько ногу,
 Пришлось отдыхать!
 Пришлось отдыхать!

Князь Кутузов помнил словцо:
Хоть не скоро, да здорово.
 Старый воробей!
 Старый воробей!

Знавши выверты французски,
Заиграть велел по-русски
 Музыке своей,
 Музыке своей.

Наши грянули по-свойски;
«Мы не знаем по-заморски,
 Ну-тка казачка!
 Ну-тка казачка!»

Чуть прослышал Корсиканец —
«Провались, проклятый танец!
 Даст он мне толчка!
 Даст он мне толчка!

То ли дело по-немецки,
Танцевать по-молодецки
 Старый алеманд,
 Старый алеманд!

Эта пляска мне сходнее,
И для ног моих сноснее;
Ну, назад, назад!
Ну, назад, назад!»

«Видно, хват ты из французов, —
Говорит ему Кутузов. —
Нет, брат, погоди!
Нет, брат, погоди!

Шаркать мастер ты ногою,
Сем попляшем мы с тобою,
Ну-тка выходи!
Ну-тка выходи!

Захотел плясать по-русски,
Приседай-ка по-французски
Ты, Наполеон!
Ты, Наполеон!»

Бонапарту не до пляски,
Растерял свои подвязки,
Хоть кричать пардон!
Хоть кричать пардон!

Стал он в стороны кидаться,
Мелким бесом извиваться;
Дрогнула нога!
Дрогнула нога!

Его музыки не стало,
Скрипок будто не бывало:
Пляска дорога!
Пляска дорога!

Морганул он Коленкуру:
«Сем-ка выкинем фигуру
На цыганский лад!
На цыганский лад!»

Бросив пышные ухватки,
По-цыгански, без оглядки,
Шаркнули назад,
Шаркнули назад.

Не соваться было в воду,
Не спросяся прежде броду,
Хвать богатырю!
Хвать богатырю!

Мать Российская Держава,
Силы много! — Слава! Слава
Белому царю!
Белому царю!

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Ночь темна была и немесячна,
Рать скучна была и нерадостна;
Все солдатушки призадумались;
Призадумавшись, горько всплакали.
Велико чудо совершилося:
У солдат слезы градом сыпались.
Не люта змея, кровожадная,
Грудь сосала их богатырскую,
Что тоска грызла ретивы сердца,
Ретивы сердца молодецкие;
Не отцов родных оплакивали,
И не жен молодых, и не детушек,
Как оплакивали родимую,
Мать родимую, мать-кормилицу,
Златоглавую Москву милую,
Разоренную Бонапартием.
Тут как вдруг они встрепенулися,
Словно вихрь — орлы взор окинули
Во все стороны и воскликнули
Все в один голос, как в злату трубу:
«Молодцы-братцы, удалы друзья,
Неизменные чада русские!
Что дадим, братцы, клятву кровную,

Клятву кровную, задушевную,
Чтоб не взвидеть нам и домов своих,
Ни отцов родных, ни молодых нам жен,
Малых детушек, роду-племени,
Ни самой души красной девицы,
Не побив силы Бонапартовой,
Не отмстив врагу за родну Москву!
Отсечем ему мы возвратный путь,
И мы примемся по-старинному,
По-старинному, по-суворовски;
Закричим: ура! и пойдем вперед;
На штыках пройдем силы вражия;
Перебьем мы их, переколем всех;
Кто пяток убьет, кто десяточек,
А лютой боец до пятнадцати.
Не дадим, друзья! люта промаху;
Постараемся все, ребяташки,
Чтобы сам злодей на штыке погиб,
Чтоб вся рать его здесь костями легла,
Ни одна б душа иноверная
Не пришла назад в свою сторону».

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Вечерком красна девица
На прудок за стадом шла;
Черноброва, белолица,
Так гуськов домой гнала:
 Тига, тига, тига,
 Вы, гуськи мои, домой!

Не ищи меня, богатый:
Ты немил моей душе.
Что мне, что твои палаты?
С милым рай и в шалаше!
 Тига, тига, тига,
 Вы, гуськи мои, домой!

Нас одних для нас довольно:
Всё любовь нам заменит.
А сердечны слезы больно
Через золото ронить.
 Тига, тига, тига,
 Вы, гуськи мои, домой!

1815

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Во поле березонька стояла,
Во поле березонька стояла,
Люли, люли стояла,
Люли, люли стояла.
В чистом кудрява бушевала,
В тереме девица горевала,
Люли, люли горевала,
Люли, люли горевала.
Девицу со милым разлучают,
Девицу с постылым обручают,
Люли, люли обручают,
Люли, люли обручают.

Нелюб не умом взял, не приятством,
Взял большой роднею и богатством.
Милый беспоместен, беспороден;
Он душой богат и благороден.
Не в мешках любовь, не в родословных —
В жертвах добровольных, безусловных.
С милым мы глазами сговорились,
С милым мы сердцами подарилась.
Скоро ли, ах, милый! не дождуся,
Я с тобой свиданьем наслаждуся,
От докуч нелюба свобожуся?

1815

Д. П. Глебов

Скучно, матушка, мне сердцем жить одной,
Скучно, скучно, что не едет дорогой.
Где сокрою я кручинушку свою?
Лучше выйду, на крылечке постою.
Посмотрю, кто вдоль по улице прошел,
Посмотрю, не пролетит ли мой сокол.
Вдоль по улице метелица метет,
А с метелицей и милый мой идет.
Машет издали мне аленьким платком,
Подошедши, говорит он мне тайком:
«Ах, постой, постой, любезная моя!
Дай мне, радость, наглядеться на тебя!
С той поры, как разлучились мы с тобой,
Потерял я и здоровье и покой». —
«Друг сердечный, — отвечала я ему, —
Или ты смеешься горю моему?
Такова ли я до сей поры была,
Таковою ли красавицей слыха?
На лице поблекли алые цветы;
Без тебя, мой друг, лишилась красоты!»

1817

УРАЛЬСКИЙ КАЗАК

(Истинное происшествие)

Настала священная брань на врагов
И в битву помчала Урала сынов.

Один из казаков, наездник лихой,
Лишь год один живши с женой молодой,

Любя ее страстно и страстно любим,
Был должен расстаться с блаженством своим.

Прощаясь с женою, сказал: «Будь верна!»
«Верна до могилы!» — сказала она.

Три года за родину бился с врагом,
Разил супостатов копьем и мечом.

Бесстрашный наездник всегда впереди,
Свидетели — раны, и все на груди.

Окончились битвы; он едет домой,
Всё страстный, всё верный жене молодой.

Уже достигают Урала берегов
И видят навстречу идущих отцов.

Казак наш объемлет отца своего
Но в тайной печали он видит его.

«Поведай, родимый, поведай ты мне
О матери милой, о милой жене!»

Старик отвечает: «Здорова семья;
Но, сын мой, случилась беда у тебя:

Тебе изменила младая жена,
Зато от печали иссохла она.

Раскаянье видя, простили мы ей;
Прости ее, сын мой: мы просим о ней».

Ни слова ответа. Идет он с отцом
И вот уже входит в родительский дом.

Упала на грудь его мать в слезах,
Жена молодая лежала в ногах.

Он мать обнимает; иконам святым,
Как быть, помолился с поклоном земным.

Вдруг сабля взвилась могучей рукой...
Глава покатилась жены молодой.

Безмолвно он голову тихо берет,
Безмолвно к народу на площадь идет.

Свое преступленье он всем объявил
И требовал казни, и казнь получил

1821

В низ по Волге-реке,
С Нижня Новгорода,
Снаряжен стружок,
Как стрела летит.

Как на том на стружке,
На снаряженном,
Удалых гребцов
Сорок два сидят.

Как один-то из них,
Добрый молодец,
Призадумался,
Пригорюнился.

«Ах, о чем же ты,
Добрый молодец,
Призадумался,
Пригорюнился?» —

«Я задумался,
Пригорюнился
Об одной душе
Красной девице.

Эх вы, братцы мой,
Вы товарищи,
Сослужите вы мне
Службу верную.

Киньте, бросьте меня
В Волгу-матушку,
Утопите в ней
Грусть-тоску мою.

Лучше быть мне в реке
Утопимому,
Чем на свете жить
Нелюбимому!»

1832

ПЕСНЯ УЗНИКА

Не слышно шуму городского,
На невских башнях тишина,
И на штыке у часового
Горит двурогая луна.

Но бедный юноша, ровесник
Младым, цветущим деревьям,
В глухой тюрьме заводит песню,
Передает тоску волнам.

«Прости, мой дом, мой кров любезный,
Прости навек, моя семья;
Здесь, за решеткою железной,
Уже не свой вам больше я!

Прости, отец, прости, невеста,
Сломись, венчальное кольцо;
Отныне здесь мое уж место,
Не быть мне мужем и отцом!

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска;
И мне сносить такую долю
Взяла сама моя рука...»

И ночь прошла; с рассветом ясным
За ней день новый воссиял;
А бедный узник в каземате
Всё ту же песню повторял.

1826

ТРОЙКА

(Русская песня)

Вот мчится тройка удалая
В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,
Гудёт уныло под дугой.

Ямщик лихой — он встал с полночи, —
Ему сгрустнулося в тиши,
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души.

«**В**ы, очи, очи голубые,
Вы сокрушили молодца;
Зачем, о люди, люди злые,
Вы их разрознили сердца?»

Теперь я горький сиротина!
И вдруг махнул по всем по трем,
И тройкой тешился детина —
И заливался соловьем.

1831

СМЕРТЬ ЕРМАКА

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали, близ дубравы.
«О, спите, спите, — мнил герой, —
Друзья, под бурею ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!»

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит.

Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны, —
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых брегах,
Вздыхались седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег казачьи челны.
С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна,
На их гибель, не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны.
Душа отвагою полна,
Но далеко от берега челны!
Иртыш волнуется сильнее —
Ермак все силы напрягает,
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшной, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя —
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.

Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

1821

Царь наш, немец прусский,
Носит мундир узкий.
 Ай да царь, ай да царь,
 Православный государь!
Царствует он где же?
Целый день в манеже.
 Ай да царь, ай да царь.
 Православный государь!
Прижимает локти,
Забирает в когти.
 Ай да царь, ай да царь,
 Православный государь!
Судьи все — жандармы,
Школы все — казармы.
 Ай да царь, ай да царь,
 Православный государь!
Князь Волконский баба —
Начальником Штаба.
 Ай да царь, ай да царь,
 Православный государь!

1823

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.
Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.
Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.
А жена пред дворцом
Разъезжала верхом
Лихо.
Как курносый злодей
Воцарился по ней —
Горе!
Но господь, русский бог,
Бедным людям помог
Вскоре.

1824

А х, тошно мне
И в родной стороне;
 Всё в неволе,
 В тяжкой доле,
 Видно, век вековать.
Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
 И людьми,
 Как скотами,
 Долго ль будут торговать?
Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил,
 И над нами,
 Бедняками,
 Будто с плетью посадил?
По две шкуры с нас дерут;
Мы посеём — они жнут;
 И свобода
 У народа
 Силой бар задушена.
А что силой отнято,
Силой выручим мы то.
 И в приволье,
 На раздолье
 Стариною заживем.

А теперь господа
Грабят нас без стыда,
 И обманом
 Их карманом
 Стала наша мошна.
Баре с земским судом
И с приходским попом
 Нас морочат
 И волочат
 По дорогам да судам.
А уж правды нигде
Не ищи мужик в суде;
 Без синюхи
 Судьи глухи,
 Без вины ты виноват.
Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
 За бумагу,
 За отвагу,
 Ты за всё, про всё давай!
Там же каждая душа
Покривится из гроша.
 Заседатель,
 Председатель
 Заодно с секретарем.
Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь;
 То дороги,
 То налоги,
 Разорили нас вконец.
А под царским орлом
Ядом потчуют с вином.

И народу
Лишь за воду
Велят вчетверо платить.
Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.
Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет.
Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой-ой-ой!
А до бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

1624

У ж как шел кузнец
Да из кузницы —
Слава!
Нес кузнец
Три ножа —
Слава!
Первый нож
На бояр, на вельмож —
Слава!
Второй нож
На попов, на святѣш --
Слава!
А молитву сотворя,
Третий нож на царя —
Слава!

КАЗАК

Раз полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

Черна шапка набекрене,
Весь жупан в пыли,
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две-три избышки,
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы, —
Думал хват Денис, —
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались».

Шевельнул донец уздою,
Шгорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна сребрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девица-краса.

Храбрый видит красну деву,
Сердце бьется в нем;
Конь тихонько клеву, клеву —
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Выдь, коханочка, скорее,
Напой коня». —

«Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мне из дому,
Коню дать воды». —

«Ах, небось, девица красна,
С милым подружись!» —
«Ночь красавицам опасна». —
«Радость! не страшись!

Верь, коханочка, пустое!
Ложный страх отбрось.
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзого; с тобою
В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай!»

Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась,
Счастлив стал казак.

Поскакали, полетели,
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.

РОМАНС

Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Всё было тихо — лес и горы,
Всё спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинное творенье,
Вздохнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих.
Откроешь очи и, тоскуя,
Ко груди не прильнешь моей,
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь!..
Стыд вечный мне — вина моя, —
Меня навеки ты забудешь;
Тебя не позабуду я;
Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!»

Ты спросишь: «Где ж мои родные?»
И не найдешь семьи родной.

Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей!
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокий,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокий...
Прости, прости тогда меня!

Ты спишь — позволь себя, несчастный,
К груди прижать в последний раз
Закон неправедный, ужасный
К страданью присуждает нас.
Пока лета не отогнали
Беспечной радости твоей —
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна...
С волнением сына ухватила
И к ней приблизилась она;
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил.

Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей.

«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».

Я дал ему злата и проклял его
И верного позвал раба моего.

Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моления, текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь.

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

ЧЕРКЕССКАЯ ПЕСНЯ

В реке бежит гремучий вал;
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копие стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.

Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой:
Чеченец ходит за рекой.

На берегу заветных вод
Цветут богатые станицы;
Веселый пляшет хоровод.
Бегите, русские певички,
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой.

1821

УЗНИК

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляет лишь ветер... да я!..»

1822

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.

Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!

Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

ПЕСНЯ ДЕВУШЕК

(Из III главы романа «Евгений Онегин»)

Девицы, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, девицы,
Разгуляйтесь, милые!
Затяните песенку,
Песенку заветную,
Заманите молодца
К хороводу нашему.
Как заманим молодца,
Как завидим издали,
Разбежимтесь, милые,
Закидаем вишеньем,
Вишеньем, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Песенки заветные,
Не ходи подсматривать
Игры наши девичьи.

1824

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалай
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;

Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

1825

ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

1

Как по Волге-реке по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна;
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвил грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила,
За меня ли, молодца, не дремала,
Казаков моих добром наделила.
Что ничем еще тебя мы не дарили».
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

Ходил Стенька Разин
 В Астрахань-город
 Торговать товаром.
 Стал воевода
 Требовать подарков.
 Поднес Стенька Разин
 Камки хрущатые,
 Камки хрущатые —
 Парчи золотые.
 Стал воевода
 Требовать шубы.
 Шуба дорогая,
 Полы-то новы,
 Одна боброва,
 Другая соболья.
 Ему Стенька Разин
 Не отдает шубы.
 «Отдай, Стенька Разин,
 Отдай с плеча шубу.
 Отдашь — так спасибо;
 Не отдашь — повешу
 Что во чистом поле,
 На зеленом дубе,
 На зеленом дубе,
 Да в собачьей шубе».
 Стал Стенька Разин
 Думати думу:
 «Добро, воевода.
 Возьми себе шубу.
 Возьми себе шубу,
 Да не было б шуму».

Что не конский топ, не людская молвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливаётся,
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю по синему:
«Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буйан.
Ты садись на ладьи свои скорые,
Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю по синему.
Пригоню тебе три кораблика:
На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица».

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одна:

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерно круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля, смолкнул мой ящик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

1826

ТАЛИСМАН

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,

В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман. . .

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

1827

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?»

Ворон ворону в ответ:
«Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милбго,
Не убитого, живого».

1828

БЕСЫ

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй! пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи,
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;

Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали. . . «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин. . .
Вижу: духи собрались
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре. . .
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна

Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

1830

Воротился ночью мельник...
«Женка! Что за сапоги?» —
«Ах ты, пьяница, бездельник!
Где ты видишь сапоги?
Иль мутит тебя лукавый?
Это ведра». — «Ведра? Право?
Вот уж сорок лет живу,
Ни во сне, ни наяву
Не видал до этих пор
Я на ведрах медных шпор».

1835

ТРОЙКА

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт;
Колокольчик звонко плачет,
И хохочет, и визжит.

По дороге голосисто
Раздается яркий звон;
То вдали отбрякнет чисто,
То застонет глухо он.

Словно леший ведьме вторит
И аукается с ней
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.

Русской степи, ночи темной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной,
И раздолья много есть.

Прянул месяц из-за тучи,
Обогнул свое кольцо
И посыпал блеск зыбучий
Прямо путнику в лицо.

Кто сей путник и отколе,
И далек ли путь ему?
Поневоле иль по воле
Мчится он в ночную тьму?

На веселье иль кручину,
К ближним ли под кров родной,
Или в грустную чужбину
Он спешит, голубчик мой?

Сердце в нем ретиво рвется
В путь обратный или вдаль?
Встречи ль ждет он не дождется,
Иль покинутого жаль?

Ждет ли перстень обручальный,
Ждут ли путника пиры,
Или факел погребальный
Над могилою сестры?

Как узнать? Уж он далеко;
Месяц в облако нырнул,
И в пустой дали глубоко
Колокольчик уж заснул.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

А х ты, ночь ли,
Ноченька!
А х ты, ночь ли
Бурная!
Отчего ты
С вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звездами,
Не сияешь
Месяцем?
Всё темнеешь
Тучами?
И с тобой, знать,
Ноченька,
Как со мною,
Молодцем,
Грусть-злодейка
Сведалась!
Как заляжет
Лютая

Там глубоко
На сердце —
Позабудешь
Девичам
Усмехаться,
Кланяться;
Позабудешь
С вечера
До глубокой
Полночи,
Припевая,
Тешиться
Хороводной
Пляскою!
Нет, взрыдаешь.
Всплачешься,
И, безродный
Молодец,
На постелю
Жесткую,
Как в могилу,
Кинешься!

До 1820

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Пела, пела пташечка
И затихла;
Знало сердце радости
И забыло.

Что, певунья-пташечка,
Замолчала?
Как ты, сердце, сведалось
С черным горем?

Ах! убили пташечку
Злые вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!

Полететь бы пташечке
К синю морю;
Убежать бы молодцу
В лес дремучий!

На море валы шумят,
А не вьюги,
В лесе звери лютые,
Да не люди!

До 1820

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночьку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах —
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у молодой
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у молодой
Жар-колючко на руке,
У меня ли у молодой
В сердце миленький дружок, —
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,

В зимнюю ночь на руке
Распаялось кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

До 1820

Не осенний мелкий дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман —
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.

«Полно, брат-молодец!
Ты ведь не девица,
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

— Но тоска, друзья-товарищи,
В грудь запала глубоко, —
Дни веселия, дни радости
Отлетели далеко.

«Полно, брат-молодец!
Ты ведь не девица,
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

— И как русский любит родину,
Так люблю я вспоминать
Дни веселия, дни радости,
Как пришлось мне горевать.

«Полно, брат-молодец!
Ты ведь не девица,
Пей, тоска пройдет,
Пей, пей, тоска пройдет!»

До 1820

ПЕСНЯ

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради славного труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.

Помним холмы, помним доли,
Наши храмы, наши селы.
И в краю, краю чужом
Мы пируем пир веселый
И за родину мы пьем.

Пьем с надеждою чудесной
Из стаканов полновесных.
Первый тост — за наш народ,
За святой девиз «вперед».

Вперед, вперед, вперед, вперед.
вперед!

1827

ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный,
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней;
Будет буря! Мы поспорим
И помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой! . .
Смело, братья! Бурей полный,
Прям и крепок парус мой!

1829

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон, —
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унылый надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

ПЕСНЯ

Что не ветер шумит во сыром бору —
Муравьев идет на кровавый пир...
С ним черниговцы идут грудью стать,
Сложить голову за Россию-мать!

И не бурей пал долу крепкий дуб,
А изменник-червь подточил его.
Закатилась воля-солнышко —
Смертна ночь легла в поле бранное...

Как на поле том бранный конь стоит;
На земле пред ним витязь млад лежит.
«Конь, мой конь! скачи в святой Киев-град;
Там товарищи, там мой милый брат.

Отнеси ты к ним мой последний вздох
И скажи: цепей я нести не мог...
Пережить нельзя мысли горестной,
Что не мог купить кровью вольности!»

1827

СЛАВЯНСКИЕ ДЕВЫ

Нежны и быстры ваши напевы!
Что ж не поете, ляхские девы,
В лад ударя легкой стопой?
Сербские девы! песни простые
Любите петь; но чувства живые
В диком напеве блещут красой.

Кто же напевы чехинь услышит,
Звучные песни сладостных дев —
Дышит любовью, славою дышит,
Помня всю жизнь и песнь и напев.
Девы! согласно что не поете
Песни святой минувших времен,
В голос единый что не сольете
Всех голосов славянских племен?

Боже, когда же сольются потоки
В реку одну? Как источник один
Да потечет сей поток-исполин,
Ясный как небо, как море широкий,
И, увлажая полмира собой,
Землю украсит могучей красой!

Старшая дочь в семействе славяна
Всех превзошла величием стана, —
Славой гремит, но грустно живет;
В тереме дни проводит, как ночи,
Бледно чело, заплаканы очи,
И заунывно песни поет.

Что же не выйдешь в чистое поле.
Не разгуляешь грусти своей?
Светло душе на солнышке-воле,
Сердцу тепло от ясных лучей!
В поле спеши с меньшими сестрами
И хоровод весь веди за собой;
Дружно сплетая руки с руками.
Радостно песнь свободы запой!

Боже, когда же сольются потоки
В реку одну? Как источник один
Да потечет сей поток-исполин,
Ясный как небо, как море широкий.
И, увлажая полмира собой,
Землю украсит могучей красой!

1829 или 1830

САРАФАНЧИК

Мне наскучило, девице,
Одинешенькой в светлице
Шить узоры серебром
И без матушки родимой
Сарафанчик мой любимый
Я надела вечерком —
Сарафанчик мой любимый,
Расстеганчик!

В разноцветном хороводе
Я играла на свободе
И смеялась, как дитя
И в светлицу до рассвета
Воротилась; только где-то
Разорвала я, шутя,
Сарафанчик,
Расстеганчик!

Долго мать меня журила
И до свадьбы запретила
Выходить за ворота;

Но за сладкие мгновенья
Я тебя без сожаленья
Оставляю навсегда,
Сарафанчик,
Расстеганчик!

1834

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Ай, ахти! ох, ура,
Православный наш царь,
Николай государь,
В тебе мало добра!
Обманул, погубил
Ты миллионы голов, —
Не сдержал, не свершил
Императорских слов!
Ты припомни, что мы,
Не жалея себя,
Охранили тебя
От большой кутерьмы, —
Охранили, спасли
И по братним телам
Со грехом пополам
На престол возвели!
Много, много сулил
Ты солдатам тогда;
Миновала беда —
И ты всё позабыл!
Помыкаешь ты нас
По горам, по долам,
Не позволишь ты нам
Отдохнуть ни на час!

От стальных тесаков
У нас спины трещат,
От учебных шагов
У нас ноги болят!
День и ночь наподряд,
Как волов, наповал
Бьют и мучат солдат
Офицер и капрал.
Что же, белый отец,
Своих черных овец
Ты стираешь с земли?
Иль мы, кроме побой,
Ничего пред тобой
Заслужить не могли?
Или думаешь ты
Нами вечно играть
И что
Лучше доброй молвы?
Так
Православный наш царь,
Николай государь
Ты болван наших рук:
Мы склеили тебя —
И на тысячу штук
Разобьем, разлюбя!

П. П. Ершов

Вдоль по улице широкой
Молодой кузнец идет;
Ох! идет кузнец, идет,
Песни с посвистом поет.

Тук, тук! в десять рук
Приударим, братцы, вдруг!

Соловьем слова раскатит,
Дробью речь он поведет;
Ох! речь дробью поведет,
Словно меду поднесет.

Тук, тук! в десять рук
Приударим, братцы, вдруг!

«Полюби, душа Параша,
Ты лихого молодца;
Ох! лихого молодца,
Что в Тобольске кузнеца».

Тук, тук! в десять рук
Приударим, братцы, вдруг!

«Как полюбишь, разголубишь,
Словно царством подаришь,
Ох! уж царством подаришь,
Енералом учинишь».

Тук, тук! в десять рук
Приударим, братцы, вдруг!

1835

Ох, болит
Да щемит
Ретиво сердечко —
Всё по нем,
По моем
По милѡм дружочке!

Он сердит,
Не глядит
На меня, девицу,
Всё корит
Да бранит,
Вносит небылицу.

Будто днем
Соловьем
По садам летаю,
Не об нем —
Об ином
Звонко распеваю;

Ничего,
Никого
Ночью не боюся,

И не с ним,
Всё с иным —
Милым веселюся.

Не расти,
Не цвести
Кусту сухому;
Не любить,
Не сгубить
Девушку иному!

Не себе —
Всё тебе
Красота блюдетя...
Ах, ничьей —
Всё твоей
С горя изведетя.

1820-е годы

«**Н**е шей ты мне, матушка,
Красный сарафан,
Не входи, родимушка,
Попусту в изъян!

Рано мою косыньку
На две расплетать!
Прикажи мне русую
В ленту убирать!

Пушай, не покрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкие
Веселит собой!

То ли житье девичье,
Чтоб его менять,
Торопиться замужем
Охать да вздыхать.

Золотая волюшка
Мне милей всего, —
Не хочу я с волюшкой
В свете ничего!» —

«Дитя мое, дитяtko,
Дочка милая!
Головка победная,
Неразумная!

Не век тебе пташечкой
Звонко распевать,
Легкокрылой бабочкой
По цветам порхать:

Заблекнут на щеченьках
Маковы цветы,
Прискучат забавушки,
Стоскуешься ты!

А мы и при старости
Себя веселим:
Младость вспоминаючи,
На детей глядим.

И я молодешенька
Была такова,
И мне те же в девушках
Пелися слова!»

А х, чарка моя,
Серебряная,
На золотом блюде
Поставленная!

Кому тебя пить?
Кому подносить?
Друзьями ты, чарка,
Оставленная;

В забытьи стоишь,
К себе не манишь,
Вина зеленого
Не налитая!

Бывала ли ты
Полным дополна,
Как в водополь речка,
С краями равна?

Светилась ли,
Честилась ли
В веселой беседе
В запрошлые дни?

Ходила ль кругом,
Поила ль вином,
Приятною речью
Приправленная?

Знакомы ль тебе
В счастливой судьбе
Веселые взгляды,
Ласкающие?

Встречались ли,
Случались ли
Приятельски руки,
Сжимающие?

Давно ли бедой
И злой чередой
Лежишь ты на блюде
Спрокинутая?

Роями друзей,
К печали моей,
Как улей пчелами,
Покинутая?

Не стало вина —
Забыта она...
Друзья отшатнутся
От чистого дна!

Спросись старины,
Коснись новизны,
Так есть и бывало —
Быль с сказкой сходны!

1834

При долинушке береза
Белая стояла;
При березоньке девица
Плакала, рыдала...

Ах, с вершинушки березу
Ветром колыхает,
С корешка мою кудряву
Водой подмывает!

Скоро белая береза
С корешка свалится, —
Перестанут к веткам пташки,
Распевая, виться!

И проложится дорожка
Мимо той березы,
И проедут по дорожке
Да пойдут обозы...

Станом станут у березы
Коней попоити;
Обсушиться, обогреться,
Каши поварити;

И сожгут, спалят березу
Даже до сучочка —
И не молвят про березу
Ниже ни словечка!..

Так-то мне, молодой младеньке,
На чужой чужбинке
Спать в сырой земле забытой,
Словно сиротинке!

Что безродной без родимой,
Без отца родного,
Что бездольной без прилуки,
Без дружка милого!

1834

ПЕСНЯ

Я пойду косить
На зеленый луг;
Ты, коса моя,
Коса острая,
Не тупися ты
О младу траву!

Не влюбляйся ты,
Сердце бедное;
Как коса моя
О горелый пень,
Горемычное,
Расшибешься ты.

Красны девицы
Переменчивы;
Обещанья их —
Словно ласточки:
Повестит весну,
Да и спрячется.

Так и девица
Нам сулит любовь

И с ней счастье:
Оглянешься ты —
В черном облаке
Унеслося всё.

Х о р

Нам, брат, песнями
Не кормить коней:
За погодушкой
Скосим луг скорей;
Там пускай себе
Косы тупятся!

Добра молодца
Не уймешь никак
Песней жалобной;
Долго будет он
Поджидать милой
В ночь осеннюю.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ты не плачь, не тоскуй,
Под окном не сиди,
На дорогу не гляди,
Из далекия сторонки
Друга милого не жди.

Слышишь: трубы звучат,
Пыль клубится вдали,
Из чужбины притекли
Со знаменами отчизны
Вои русския земли.

Их сверкают щиты,
Также знамя шумит.
Что же грудь твоя дрожит?
Ах! под знаменем кровавым
Милый друг твой не стоит.

Сокрушили его
Вражьи копья, мечи.
Пред иконой в ночи
Ты не жги до бела утра
Воску ярого свечи.

Ты не плачь, не тоскуй,
Под окном не сиди,
На дорогу не гляди,
Из далекия сторонки
Друга милого не жди.

1827

ПЕСНЯ

«Что ты, девица, невесело сидишь?
Что ты, красная, печалишься, грустишь?
От тоски ты изменилась вся в лице.
Или тужишь об удалом молодце?
Ты напрасно перестань себя губить,
Пользы нет тебе неверного любить.
Вспомни, девица, родные у тебя,
Они любят тебя более себя.
Ты одна как солнце красное у них,
Опечалишь ты тоской своих родных». —
«Я бы рада перестала тосковать
И родных своих тоскою огорчать —
Но что ж делать? Как мне друга позабыть?
Я умру — но буду милого любить!»

1828

ПЕСНЯ

Не велят Ване по улице ходить,
Не велят ему красавицу любить.

Вечер Ванюшка задумавшись сидел
И частехонько на улицу глядел.

Дожидался мила друга своего
И кручинился, не видевши его.

«Ах, ужель меня сердечный друг забыл? —
Он, вздыхая, сам с собою говорил. —

Нет, не хочет красоты своей казать!
Без меня она не хочет здесь играть!

Не выходит в резвый сельский хоровод,
Не вмешается в гуляющий народ.

Знать, ей скучно, знать, печаль одна со мной!
Ах! Скорее покажись, друг милый мой!»

1828

ПЕСНЯ

Красна девица сидела под окном,
Утирала слезы белым рукавом.
Пришла весточка нерадостная к ней,
Что сердечный друг не верен больше ей,
Что задумал он иную замуж взять.
Как тут девице не плакать, не вздыхать?
Стали девицу подружки утешать:
«Полно сердцем о неверном тосковать.
Ты в селе у нас всех лучше красотой,
Наши молодцы любят тебя тобой.
Всякий девице желает угодить;
Ты властна из них любого полюбить». —
«Пусть их много, — красна девица в ответ, —
Сердце милого другого не найдет!»

1828

И. И. Лажечников

Сладко пел душа-соловушка
В зеленѣм моем саду;
Много-много знал он песен,
Слаще не было одной.

Ах! та песнь была заветная,
Рвала белу грудь тоской;
А всё слушать бы хотелось,
Не расстался бы век с ней.

Вдруг подула с полуночи,
Будто на сердце легла,
Снеговая непогодушка
И мой садик занесла.

Со того ли со безвременья
Опустел зеленый сад;
Много пташек, много песен в нем,
Только милой не слышать.

«Слышите ль, мои подруженьки,
В зеленѣм моем саду
Не поет ли мой соловушко
Песнь заветную свою?» —

«Где уж помнить перелетному, —
Мне подружки говорят, —
Песню, может быть, постылую
Для него в чужом краю?»

Нет, запел душа-солсвушко
В чужой-дальней стороне;
Он всё горький сиротинушка,
Он всё тот же, что и был;

Не забыл он песнь заветную,
Всё про край родной поет,
Всё поет в тоске про милую,
С этой песней и умрет.

ПЕСНЯ РАЗБОЙНИКОВ

Что отуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что ты задумалась, девушка красная,
Очи блеснули слезой?

Жаль мне покинуть тебя, черноокою!
Певень ударил крылом,
Крикнул... Уж полночь!.. **Дай** чару
глубокую,
Вспень поскорее вином!

Время! Веди мне коня ты любимого,
Крепче держи под уздцы!
Едут с товарами в путь из Касимова
Муромским лесом купцы!

Есть для тебя у них кофточка шитая,
Шубка на лисьем меху!
Будешь ходить ты, вся златом облитая,
Спать на лебяжьем пуху!

Много за душу свою одинокую,

Много нарядов куплю!

Я ль виноват, что тебя, черноокою,

Больше, чем душу, люблю!

1831

Гой ты, Днепр ли мой широкий,
Лейся быстрою волной,
Днепр широкий и глубокий,
Ты кормилец мой родной.
Я забыл свою кручину
На волнах твоих седых,
Горемыку-сиротину
Ты укачивал на них.
Бесприютный, одинокий,
Я живу одним тобой,
Днепр широкий и глубокий,
Ты кормилец мой родной...

1833

В старину живали деды
Веселей своих внучат;
Как простую пили воду
Мед и крепкое вино;
Веселились, потешались,
Пировали круглый год!
Вот как жили при Аскольде
Наши деды и отцы!

1833

Заходили чарочки по столику!
Заплясали молодцы по горенке!
Гей, жги, говори,
Договаривай!

Старые деды вприсядку пошли,
А старухи подрумянились!
Гей, жги, говори,
Договаривай!

ВЫБОР ЖЕНЫ

Не женись на умнице,
На лихой беде!
Не женись на вдовушке,
На чужой жене!
Женишься на вдовушке —
Старый муж придет;
Женишься на умнице —
Голову свернет.

Не женись на золоте,
Тестевом добре!
Не женись на почестях,
Жениной родне!
Женишься на золоте —
Сам продашь себя;
Женишься на почестях —
Пропадай жена!

Много певчих пташечек
В божьих лесах;
Много красных девушек
В царских городах.

Загоняй соловушку
В клеточку твою;
Выбирай из девушек
Пташечку-жену.

1830

СВАДЬБА

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами;
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных!
Венчала нас полночь
Средь мрачного бора;
Свидетелем были
Туманное небо
Да тусклые звезды;
Венчальные песни
Пропел буйный ветер
Да ворон зловещий;
На страже стояли
Утесы да бездны;
Постель постилали
Любовь да свобода!..

Мы не звали на праздник
Ни друзей, ни знакомых;
Посещали нас гости
По своей доброй воле!
Всю ночь бушевали
Гроза и ненастье;
Всю ночь пировали

Земля с небесами.
Гостей угощали
Багровые тучи.
Леса и дубравы
Напились допьяна,
Столетние дубы
С похмелья свалились;
Гроза веселилась
До позднего утра.

Разбудил нас не свекор,
Не свекровь, не невестка,
Не неволюшка злая:
Разбудило нас утро!
Восток заалелся
Стыдливым румянцем;
Земля отдыхала
От буйного пира;
Веселое солнце
Играло с росой;
Поля разрядились
В воскресное платье;
Леса зашумели
Заздравною речью;
Природа в восторге,
Вдохнув, улыбнулась...

ТОСКА

«**О**седлаю коня, коня быстрого;
Полечу, понесусь легким соколом
От тоски, от змеи в поле чистое;
Размечу по плечам кудри черные.
Разожгу, распалю очи ясные —
Ворочусь, пронесусь вихрем, выюгою;
Не узнает меня баба старая!

Заломлю набекрень шапку бархатну;
Загужу, забренчу в гусли звонкие;
Побегу, полечу к красным девушкам —
Прогуляю с утра до ночной звезды,
Пропирую с звезды до полуночи,
Прибегу, прилечу с песней, с посвистом;
Не узнает меня баба старая!» —

«Полно, полно тебе похвалиться, князь!
Мудрена я, тоска, не схоронишься:
В темный лес оберну красных девушек,
В гробовую доску — гусли звонкие,
Изорву, иссушу сердце буйное,
Прежде смерти сгоню с света божьего;
Изведу я тебя, баба старая!»

Не постель постлана в светлом тереме —
Черный гроб там стоит с добрым молодцем;
В изголовье сидит красна девица,
Горько плачет она, что ручей шумит,
Горько плачет она, приговаривает:
«Погубила тоска друга милова!
Извела ты его, баба старая!»

1830

ПЕСНЯ ИЛЬНИШНЫ

(Из драмы «Князь Холмский»)

Ходит ветер у ворот:
У ворот красотку ждет.
Не дождешься, ветер мой,
Ты красотки молодой!
 Ай-люли, ай-люли,
 Ты красотки молодой!

С парнем бегаёт, горит,
Парню шепчет, говорит:
«Догони меня, дружок,
Нареченный муженек!
 Ай-люли, ай-люли,
 Нареченный муженек!»

Ой ты, парень удалой,
Не гоняйся за женой!
Ветер дунул и затих:
Без невесты стал жених.
 Ай-люли, ай-люли,
 Без невесты стал жених.

Ветер дунул — и Авдей
Полюбился больно ей;
Стоит дунуть в третий раз —
И полюбится Тарас!
 Ай-люли, ай-люли,
 И полюбится Тарас!

1840-е годы

ЖАВОРОНОК

Между небом и землей
Песня раздается,
Неисходною струей
Громче, громче льется.

Не видать певца полей,
Где поет так громко
Над подружкой своей
Жаворонок звонкой?

Ветер песенку несет,
А кому — не знает.
Та, к кому она, поймет,
От кого — узнает.

Лейся ж, песенка моя,
Песнь надежды сладкой. . .
Кто-то вспомнит про меня
И вздохнет украдкой.

1840-е годы

С. Н. Стромиллов

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит;
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.

Извела меня кручина,
Подколотная змея! ..
Догорай, моя лучина, —
Догорю с тобой и я!

Не житье мне здесь без милой.
С кем теперь идти к венцу?
Знать, судил мне рок с могилой
Обручаться, молодцу.

Расступись, земля сырая,
Дай мне, молодцу, покой,
Приюти меня, родная,
В тесной келье гробовой.

Мне постыла жизнь такая,
Съела грусть меня, тоска...
Скоро ль, скоро ль гробовая
Скроет грудь мою доска!

1840-е годы

Зачем сидишь до полуночи
У растворенного окна?
Кого ты ждешь, по ком страдаешь,
Заветных песен не поешь,

Кого ты ждешь, по ком страдаешь,
Заветных песен не поешь?
Зачем ты утренней порою
Одна выходишь на крыльцо,

Зачем ты утренней порою
Одна выходишь на крыльцо,
Зачем горячею слезою
Ты моешь тусклое кольцо?

1840-е годы

СЕРЕНАДА

Закинув плащ, с гитарой под полою,
К ее окну пойдем в тиши ночной,
Не возмутим мы песней удалою
Роскошный сон красавицы молодой.
О, не страшись ты нас, младая дева!
Не возмутим твоих мы ясных снов
Неистовством бурсацкого напева
Иль повестью студенческих грехов.

Мы здесь поем и тихо и смиренно,
Лишь для того, чтоб слышала нас ты,
И наша песнь — как фимиам священный
Пред алтарем богини красоты.
Звезда любви — Эмилия младая,
В тебе мила неправильность речей,
И уст твоих улыбка неземная,
И стройный стан, и темный шелк кудрей.

Мы здесь поем в тиши весенней ночи,
И, пробудясь от шума голосов,
Сомкнешь ты вновь мечтательные очи
И не поймешь ты песни бурсаков;

Но, может быть, услышав серенаду,
Невольно ты хоть что-нибудь поймешь
И, может быть, ночным певцам в награду
Их имена впросонках назовешь.

1830-е годы

АЛЛАВЕРДЫ

С времен, давным-давно отжитых,
Преданьем иверской земли,
От наших предков знаменитых
Одно мы слово сберегли;
В нем нашей удали начало,
Преданье счастья и беды,
Оно всегда у нас звучало:
Аллаверды!

Аллаверды — «господь с тобою»,
Вот слову смысл, и с ним не раз
Готовился отважно к бою
Войной взволнованный Кавказ;
Ходили все мы к схваткам новым,
Не дожидаясь череды.
Хвала умершим... а здоровым —
Аллаверды!

Когда, досуг кавказский теша,
Простор давая бурдюкам,
В кружке усердном азарпеша
Гуляет звонко по рукам,
Неугомонно ходит чаша,

И вплоть до утренней звезды
Несется голос тулумбаша:
— Аллаверды!

Одной природой мы богаты,
У нас под тенью каждой хаты
Есть уголок для кунака.
Нам каждый гость дарован богом,
Какой бы ни был он среды,
Хотя бы в рубище убогом...
Аллаверды! Мой друг, аллаверды...

1871

Русский император
В вечность отошел:
Ему оператор
Брюхо распорол.
Плачет государство,
Плачет весь народ:
Едет к нам на царство
Константин-урод.
Но царю вселенной,
Богу высших сил,
Царь благословенный
Грамотку вручил.
Грамотку читая,
Сжалился творец:
Дал нам Николая.
Сукин сын! Подлец!

1833

РУССКАЯ ПЕСНЯ

«**М**атушка-голубушка,
Солнышко мое!
Пожалей, родимая, —
Я дитя твое!
Словно змея лютая,
Так грудь и сосет,
И целую ноченьку
Мне спать не дает.
Всё мне что-то грезится,
Будто наяву,
Уж когда ложуся я,
Молитву творю.
То залетной пташечки
Песенка слышна!
Сердце замирает,
Так сладка она!
То мне что-то видится,
Размечуся я;
Сердечко востоскуется —
В огне лежу я!
Ни игры-забавушки
Не веселы мне:
Всё тоска-кручинушка

Въяве и во сне.
Что это, родимушка,
Сталось со мной?
Стало, приключился мне
Злой недуг какой?
Али нет, родимая,
Зелья пособить?» —
«Знать, приспело, дитятко,
Времечко любить!»

1838

Е. П. Гребенка

КАЗАК НА ЧУЖБИНЕ

(Украинская мелодия)

Поехал далеко казак на чужбину
На добром коне вороном.
Свою он Украину навеки покинул,
Ему не вернуться в отеческий дѣм!
Напрасно казачка его молодая
И утро и вечер на север глядит,
Всѣ ждет да пождет, из полночного края
К ней милый когда прилетит.

Далеко, откуда к нам веют метели,
Где страшно морозы трещат,
Где сдвинулись дружно и сосны и ели,
Казацкие кости лежат.
Казак и просил и молил, умирая,
Насыпать курган в головах:
«Пускай на кургане калина родная
Красуется в ярких плодах,
Пусть вольные птицы, садясь на калине,
Порой прощечут и мне,
Мне, бедному, весть на холодной чужбине
О милой, родной стороне!»

1838

ПЕСНЯ

Молода еще девица я была,
Наша армия в поход куда-то шла.

Вечерело. Я стояла у ворот,
А по улице всё конница идет.

К воротам подъехал барин молодой,
Мне сказал: «Напой, красавица, водой!»

Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал...

Он уехал... Долго я смотрела вслед;
Жарко стало мне, в очах мутился свет.

Целу ноченьку мне спать было невмочь:
Раскрасавец барин снился мне всю ночь.

Вот недавно — я вдовой уже была,
Четырех уж дочек замуж отдала —

К нам заехал на квартиру генерал...
Весь простреленный, так жалобно стонал...

Я взглянула — вострепелася душой:
Это он, красавец барин молодой!

Тот же голос, тот огонь в его глазах,
Только много седины в его кудрях.

И опять я целу ночку не спала,
Целу ночку молодой опять была...

1841

А. П. Сребрянский

Быстры, как волны,
Дни нашей жизни;
Что час, то короче
К могиле наш путь.

Напьем янтарной
Струю бокалы!
И краток и дорог
Веселый наш миг.

Будущность темна,
Как осени ночи;
Прошедшее гибнет
Для нас навсегда;

Ловите ж минуты
Текущего быстро, —
Как знать, что осталось
Для нас впереди?

Умрешь — похоронят,
Как не был на свете;
Сгниешь — не восстанешь
К беседе друзей.

Полнее ж, полнее
Забвения чашу!
И краток и дорог
Веселый наш миг.

1830-е годы

ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел о нем рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковую
Русский витязь отвечал;
Посмотрел, тряхнул главою —
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

1832

ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит;
Увы! он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой,
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

1832

ТРОСТНИК

Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
И перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул,
Один конец зажал он,
В другой конец подул.
И, будто оживленный,
Тростник заговорил —
То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня!
Рыбак, рыбак прекрасный,
Терзаешь ты меня!
И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,
И много слез горючих
Невинно я лила,
И раннюю могилу
Безбожно я звала.

И был сынок-любимец
У мачехи моей:
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на берег крутой —
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.
Моей любви просил он —
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он —
Я денег не брала;
Несчастную сгубил он,
Ударив в грудь ножом,
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом.
И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей молодой.
Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь же свой тростник.
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык!»

БОРОДИНО

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!»

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы.

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
 Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
 Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
 Постой-ка, брат мусью,
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
 За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
 Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
 Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
 Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
 Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведаль враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась, как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой..

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять..
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет, весел и игрив,
Хвост по ветру распустил. . .

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;

Только слышно: за дверями
Звучномерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

1837

СОСЕДКА

Не дожждаться мне, видно, свободы,
А тюремные дни — будто годы;
И окно высоко над землей,
И у двери стоит часовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно.

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду.
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подымется вдруг.

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок.

Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она, долго вздыхая, —
Видно, буйную думу тая,
Всё тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка!..
Захоти лишь — отворится клетка,
И, как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.

Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;

Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;

Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;

Но отец твой — старый воин,
Закален в бою:

Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время.
Бранное житье;

Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.

Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать,
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой,
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят.
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок;
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится,
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один.

Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок.

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

1840

СОН

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

1841

ТАМАРА

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила,
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон коварна и зла.

И там, сквозь туман полуночи,
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всеильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя. Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавались там, —

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла,
Гремя, нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести:
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: «Прости!»

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

1841

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть! —

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб, всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

А. В. Кольцов

По-над Доном сад цветет,
Во саду дорожка;
На нее б я всё глядел,
Сидя, из окошка...

Там с кувшином за водой
Маша проходила.
Томный взор потупив свой,
Со мной говорила.

«Маша, Маша! — молвил я. —
Будь моей сестрою!
Я люблю... любим ли я,
Милая, тобою?»

Не забыть мне никогда,
Как она глядела!
Как с улыбкою любви
Весело краснела!

Не забыть мне, как она
Сладко отвечала,
Из кувшина, в забытьи,
Воду проливала...

Сплю и вижу всё ее
Платье голубое,
Страстный взгляд, косы кольцо,
Лентой первитое.

Сладкий миг мой, возвратись!
С Доном я прощаюсь...
Ах, нигде уж, никогда
С ней не повстречаюсь!..

ПЕСНЯ СТАРИКА

Оседлаю коня,
Коня быстрого,
Я помчусь, полечу
Легче сокола,

Чрез поля, за моря,
В дальнюю сторону:
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь — и явлюсь
Прежним молодцем,
И приглянусь опять
Красным девицам!

Но, увы, нет дорог
К невозвратному!
Никогда не взойдет
Солнце с запада!

1830

НЕ ШУМИ ТЫ, РОЖЬ

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мне не для чего
Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!

Прочил молодец,
Прочил доброе,
Не своей душе —
Душе-девице.

Сладко было мне
Глядеть в очи ей,
В очи, полные
Полюбовных дум!

И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

1834

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ

Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
С телом износилась.

От кручины-думы
В сердце кровь застыла;
Что любил, как душу, —
И то изменило.

Как былинку, ветер
Молодца шатает;
Зима лицо знобит;
Солнце сожигает.

До поры до время
Всем я весь изжился;
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился!

Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:
Разойдусь с бедою —
С горем повстречаюсь!

На крутой горе
Рос зеленый дуб,
Под горой теперь
Он лежит, гниет...

1837

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА

Сяду я за стол
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга вернова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую;

Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.

Сяду я за стол
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

1837

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА

С радости-веселья
Хмелем кудри вьются;
Ни с какой заботы
Они не секутся.

Их не гребень чешет —
Золотая доля,
Завивает в кольца
Молодецка удаль.

Не родись богатым,
А родись кудрявым:
По щучью веленью
Всё тебе готово.

Чего душа хочет —
Из земли родится;
Со всех сторон прибыль
Ползет и валится.

Что́ шутя задумал —
Пошла шутка в дело;
А потрянул кудрями —
В один миг поспело.

Не возьмут где лоском,
Возьмут кудри силой;
И что худо — смотришь,
По воде поплыло!

Любо жить на свете
Молодцу с кудрями,
Весело, на белом,
С черными бровями.

Вовремя да в пору
Медом речи льются;
И с утра до ночи
Песенки поются.

Про те речи-песни
Девушки все знают;
И о кудрях зиму
Ночь не спят, гадают.

Честь и слава кудрям!
Пусть их волос вьется;
С ними всё на свете
Ловко удается!

Не под шапку горе
Голове кудрявой!
Разливайтесь, песни!
Ходи, парень, браво!

1837

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз, поскорей,
Поцелуй горячей.
Что печально глядишь?
Что на сердце таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Из очей слез не лей;
Мне не надобно их,
Мне не нужно тоски...
Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня...
На полгода всего
Мы расстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутом берегу:
Там отец мой живет,
Там родимая мать
Сына в гости зовет;
Я поеду к отцу,
Поклонюся родной;
И согласие возьму
Обвенчаться с тобой.

Мучит душу мою
Твой печальный убор,
Для чего ты в него
Нарядила себя?
Разрядись: уберись
В свой наряд голубой;
И на плечи накинь
Шаль с каймой расписной;
Пусть пылает лицо,
Как поутру заря,
Пусть сияет любовь
На устах у тебя;
Как мне мило теперь
Любоваться тобой!
Как весна, хороша
Ты, невеста моя!
Обойми ж, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз, поскорей,
Поцелуй горячей!

СТЕНЬКА РАЗИН

Не страшна мне, добру молодцу,
Волга-матушка широкая,
Леса темные, дремучие,
Вьюги зимние, крещенские...

Уж как было: по темным лесам
Пировал я зимы круглые;
По чужим краям, на свой талан,
Погулял я, поохотился.

А по Волге, моей матушке,
По родимой, по кормилице,
Вместе с братьями за дóббычью
На край света летал соколом.

Но не Волга, леса темные,
Вьюги зимние, крещенские
Погубили мою голову,
Сокрушили мочь железную...

Среди лета, среди красного,
Что ты грустно, поле чистое?
После дождя благодатного
О чем воешь ты, дремучий лес?

Она в тереме, что зорюшка,
Под окном сидит растворенным:
Поет песни задушевные,
Наши братские-отцовские.

«Ах, душа ль моя, ты душенька!
Что сидишь ты? Что ты думаешь?
Али речь моя не по сердцу?
Али батюшка спесивится?..

Не сиди, не плачь; ты кинь отца;
Ты беги ко мне из терема;
Мы с тобою, птицы вольные,
Жить поедем в Москву красную».

Отвечает ему девица:
«За любовь твою, мой милой друг,
Рада кинуть отца с матерью;
Но боюсь суда я страшного!»

Забушуй же, непогодушка,
Разгуляйся, Волга-матушка!
Ты возьми мою кручинушку,
Размечи волной по бережку...

В некрещеном, славном городе,
На крутом высоком острове
Живет девушка-красавица,
Дочка гостя новгородскова...

ХУТОРОК

За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит.

В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет.

В эту ночь-полуночь
Удалой молодец
Хотел быть, навестить
Молодую вдову...

На реке рыболов
Поздно рыбу ловил.
Погулять, ночевать
В хуторочек приплыл.

«Рыболов мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекор дома сидит, —
Он не любит тебя...

Не сердися, плыви
В свой рыбачий курень;
Завтра ж, друг мой, с тобой
Гулять рада весь день». —

«Сильный ветер подул...
А ночь будет темна!..
Лучше здесь, на реке,
Я проспую до утра».

Опоздился купец
На дороге большой;
Он свернул ночевать
Ко вдове молодой.

«Милый купчик-душа!
Чем тебя мне принять...
Не топила избы,
Нету сена, овса.

Лучше к куму в село
Поскорее ступай;
Только завтра, смотри,
Погостить заезжай!» —

«До села далеко;
Конь устал мой совсем;
Есть свой корм у меня, —
Не печалься о нем.

Я вчера в городке
Долго был — всё купил;

Вот подарок тебе,
Что давно посулил». —

«Не хочу я его! ..
Боль головушку всю
Разломила насмерть;
Ступай к куму в село». —

«Эта боль — пустяки! ..
Средство есть у меня:
Слова два — заживет
Вся головка твоя».

Засветился огонь,
Закурилась изба,
Для гостей дорогих
Стол готовит вдова.

За столом, с рыбаком,
Уж гуляет купец...
(А в окошко глядит
Удалой молодец)...

«Ты, рыбак, пей вино!
Мне с сестрой наливай!
Если мастер плясать —
Петь мы песни давай!

Я с людьми люблю
По-приятельски жить;
Ваше дело — поймать,
Наше дело — купить... .

Так со мною, прошу,
Без чинов — по рукам;
Одну басню твержу
Я всем добрым людям:

Горе есть — не горюй,
Дело есть — работай;
А под случай попал —
На здоровье гуляй!»

И пошел с рыбаком
Купец песни играть,
Молодую вдову
Обнимать, целовать.

Не стерпел удалой,
Загорелась душа!
И — как глазом моргнуть —
Растворилась изба...

И с тех пор в хуторке
Никого не живет,
Лишь один соловей
Громко песни поет...

РАЗЛУКА

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую;
Был у ней в глазах небесный свет;
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дубрава-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечер, ночь-волшебница!

Хороши вы — когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть свою,
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел — расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся».

Вмиг огнем лицо всё вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося, —
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, стой! дай время мне
Задуть грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

1840

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Нынче ночью к себе
В гости друга я жду.
«Без знакомых, один, —
Сказал, — радость! приду.

Месяц будь иль не будь —
Конь дорогу найдет;
Сам лукавый, впотьмах,
С ней его не собьет.

И до ночи метель
Снегом путь весь закрой:
Без дороги — чутьем —
Сыщет домик он твой!»

Нынче ночью к себе
В гости друга я жду;
Он, прощаясь, сказал:
«Хоть умру, а приду.

Что мне крепкий замок,
Караул, ворота?
Воеводская дверь
Мне всегда расперта.

Не любивши тебя,
В селах слыл молодцом,
А с тобою, мой друг,
Города нипочем!»

1842

ПЕСНЯ

Уж как в ту ли ночь,
Что под бурю,
Собирался в путь
Душа-молодец
Не на званый пир,
Не в беседушку, —
Через три села,
В гости к барину,
Допросить, узнать:
«Али весело
Подстрелить ему
Лебедь белую,
Что увезть, отнять
Молоду жену —
Жену молодца
Чернобровую?»
На кудрях его
Шляпы не было,
Дорогой кафтан
Не запахивал,
Соколиный глаз
Не прищуривал.
Уж как в ту ли ночь

Что есть сил скакал
Из гостей домой
Душа-молодец.
У него в лице
Крови не было, —
Рука правая
По локоть в крови...
Как в луга влетит
Да усмехнется,
Через темный лес
Расхохочется —
Али зелен бор
Откликается.

1841

СТАНСЫ

Опять пред тобой я стою очарован,
На черные кудри гляжу, —
Опять я тоской непонятной взволнован,
И жадных очей не свожу.

Я думаю: ангел! какую ценою
Куплю дорогую любовь?
Отдам ли я жизнь тебе с жалкой борьбою,
С томленьем печальных годов?

О нет! — но, святыней признав твою долю,
Я б смел об одном лишь молить:
Ты жизнь мою, жизнь мою — горькую долю
Заставь меня вновь полюбить!

БАЛЛАДА

Перед воеводой молча он стоит;
Голову потупил, сумрачно глядит;
С плеч могучих сняли бархатный кафтан;
Кровь струится тихо из широких ран.
Скован по ногам он, скован по рукам:
Знать, ему не рыскать ночью по лесам!
Думает он думу — дышит тяжело:
Плохо!.. видно, время доброе прошло.
«Что, попался, парень? Долго ж ты гулял!
Долго мне в тенета волк не забегал!
Что же приумолк ты? Слышал я не раз —
Песенки ты мастер петь в веселый час;
Ты на лад сегодня вряд ли попадешь...
Завтра мы услышим, как ты запоешь».
Взговорил он мрачно: «Не услышишь, нет!
Завтра петь не буду — завтра мне не след;
Завтра умирать мне смертью лихой;
Сам ты запоешь, чай, с радости такой!..
Мы певали песни, как из леса шли,
Как купцов с товаром мы в овраг вели...
Ты б нас тут послушал — ладно пели мы;
Да недолго песней тешились купцы...»

Да еще певал я — в домике твоём;
Запивал я песни — всё твоим вином,
Заедал я чарку — хозяйской едой;
Целовался сладко — да с твоей женой».

1841

В ДОРОГЕ

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые.
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные, страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

1843

ДЕРЕВЕНСКИЙ СТОРОЖ

Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий
В воздухе ночном.

Вдоль по улице широкой
Избы мужиков.
Ходит сторож одинокой,
Слышен скрип шагов.

Зябнет сторож; вьюга смело
Злится вокруг него;
На морозе побелела
Борода его.

Скучно! Радость изменила,
Скучно одному;
Песнь его звучит уныло
Сквозь метель и гьму.

Ходит он в ночи безлунной,
Бела утра ждет
И в края доски чугунной
С тайной грустью бьет.

И, качаясь, завывает
Звонкая доска...
Пуще сердце замирает,
Тяжелей тоска.

1840

ДОРОГА

Тускло месяц дальний
Светит сквозь тумана,
И лежит печально
Снежная поляна.

Белые с морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
С голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
Колокольчик звонок;
Напевает тихо
Мой ящик спросонок.

Я в кибитке валкой
Еду да тоскую:
Скучно мне да жалко
Сторону родную.

1841

КАБАК

Выпьем, что ли, Ваня,
С холода да с горя;
Говорят, что пьяным
По колено море.
У Антона дочь-то
Девка молодая:
Очи голубые,
Славная такая!
Да богат он, Ваня!
Наотрез откажет.
Ведь сгоришь с стыда, брат,
Как на дверь укажет.
Что я ей за пара? —
Скверная избушка!..
А оброк-то, Ваня?
А кормить старушку?
Выпьем, что ли, с горя!
Эх, брат! да едва ли
Бедному за чаркой
Позабыть печали!

1841

ИЗБА

Небо в час дозора
Обходя, луна
Светит сквозь узора
Мерзлого окна.

Вечер зимний длится;
Дедушка в избе
На печи ложится,
И уж спит себе.

Помоляся богу,
Улеглася мать;
Дети понемногу
Стали засыпать.

Только за работой
Молодая дочь
Борется с дремотой
Во всю долгу ночь,

И лучина бледно
Перед ней горит.
Всё в избушке бедной
Тишиной томит;

Лишь звучит докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

1842

АРЕСТАНТ

Ночь темна. Лови минуты!
Но стена тюрьмы крепка,
У ворот ее замкнуты
Два железные замка.
Чуть дрожит вдоль коридора
Огонек сторожевой,
И звенит о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

«Часовой!» — «Что, барин, надо?» —
«Притворись, что ты заснул:
Мимо б я, да за ограду
Тенью быстрою мелькнул!
Край родной повидеть нужно,
Да жену поцеловать,
И пойду под шелест дружный
В лес зеленый умирать!..» —

«Рад помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь, чай, тож и я!
Пуля, барин, ничего бы,
Да боюся батожья!
Поседел под шум военный...
А сквозь полк как проведут,

Только ком окровавленный
На тележке увезут!»

Шепот смолк... Всё тихо снова...
Где-то бог подаст приют?
То ль схоронят здесь живого?
То ль на каторгу ушлют?
Будет вечно цепь надета,
Да начальство станет бить...
Ни ножа! Ни пистолета!..
И конца нет сколько жить!

1850

А. Н. Плещеев

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед,
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна разбудим,
И поведем на битву рать!

Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах;
За все дары и блага мира
Мы не падем пред ними в прах!..

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам
И за него снесем гоненье,
Простив безумным палачам.

Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил;
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Пусть нам звездою путеводной
Святая истина горит;
И, верьте, голос благородный
Недаром в мире прозвучит!

Внемлите ж, братья, слову брата,
Пока мы полны юных сил:
Вперед, вперед — и без возврата,
Что б рок вдали нам ни сулил!

Я у матушки выросла в холе
И кручины не ведала злой,
Да счастливой девической доле
Позавидовал недруг людской.

Речи сладкие стал он, лукавый,
Мне нашептывать ночью и днем;
И наскучили смех и забавы,
И наскучил мне матери дом.

Сердце билось испуганной пташкой,
Не давало ни часу заснуть;
Подымалась под тонкой рубашкой
Высоко моя белая грудь.

Я вставала с постели босая,
И, бывало, всю ночь напролет
Под окошком кого-то ждала я —
Всё казалось мне, кто-то идет...

Я ждала и дождалась милóго,
И уж как полюбился он мне!
Молодца не видала такого
Прежде я никогда и во сне.

Очи карие бойко глядели
На меня из-под черных бровей;
Допытать они, видно, хотели,
Что в душе затаилось моей.

Допытали они, что готова
Хоть на гибель для них я была...
И за милым из дома родного
Я, как малый ребенок, пошла.

Был он барин богатый и где-то
Всё в далеких краях проживал;
Слышь, лечился — и только на лето
Он в поместья свои наезжал.

Только лаской его и жила я,
Белый свет с ним казался милей;
Нипочем было мне, что дурная
Шла молва про меня у людей.

Да не думала я, не гадала,
Что любви его скоро конец:
Вдруг постыла милóму я стала —
И с другой он пошел под венец.

Не пригожим лицом, не красою
Приманила дворянка его, —
Приманила богатой казною:
Много взял он за нею всего.

С той поры будто солнышка нету,
Всё глухая, осенняя ночь;
Как ни жди, не дождешься рассвету;
Как ни плачь, а беде не помочь.

И с красой я своей распрощалась!
Не узнала б теперь меня мать:
Ни кровинки в лице не осталось,
Словно зелья мне дали принять.

Ах! изменой своей — не отравой —
Он с лица мне румянец согнал...
Буду помнить я долго, лукавый,
Что ты ночью мне летней шептал!

1860

По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

Когда ж ударит грозный час
И встанут спящие народы —
Святое воинство свободы
В своих рядах увидит нас.

Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,
И, верно, отзыв в нем найдется
На неподкупный голос мой.

ФОНАРИКИ

Фонарики, сударики,
Скажите-ка вы мне,
Что видели, что слышали
В ночной вы тишине?
Так чинно вы расставлены
По улицам у нас,
Ночные караульщики,
Ваш верен зоркий глаз.
Вы видели ль, заметили ль,
Как девушка одна,
На цыпочках, тихохонько
И робости полна,
Близ стенки пробирается,
Чтоб друга увидеть
И шепотом, украдкой
«Люблю» ему сказать?

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль, как юноша
Негерпеливо ждет,
Как сердцем, взором, мыслию
Красавицу зовет? ..
И вот они встречаются —
И радость и любовь;
И вот они назначили
Свиданье завтра вновь.

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль несчастную,
Убитую тоской,
Как будто тень бродящую,
Как призрак гробовой;
Ту женщину безумную,
Заплаканы глаза:
Ее все жизни радости
Разрушила гроза?

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль преступника,
Как, в горести немой,
От совести убежища
Он ищет в час ночной?

Вы видели ль веселого
Гуляку, в сюртуке
Оборванном, запачканном,
С бутылкою в руке?

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль сиротушку,
Прижавшись в уголок,
Как просит у прохожего,
Чтоб, бедной ей, помог;
Как, горемычной, холодно,
Как страшно в темноте?
Ужель никто не сжалятся,
И гибнуть сироте?

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль мечтателя,
Поэта, в час ночной?
За рифмой своенравною
Гоняясь как шальной,
Он хочет муку тайную
И неба благодать
Толпе, ему внимающей,
Звучнее передать.

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Быть может, не заметили. . .
Да им и дела нет;
Гореть им только велено,
Покуда будет свет.
Окутанный рогожею,
Фонарщик их зажег;
Но чувства прозорливости
Им передать не мог. . .

Фонарики, сударики,
Народ всё деловой;
Чиновники, сановники —
Всё люди с головой.
Они на то поставлены,
Чтоб видел их народ,
Чтоб величались, славились,
Но только без хлопот.

Им, дескать, не приказано
Вокруг себя смотреть,
Одна у них обязанность:
Стоять тут и гореть,
Да и гореть, покудова
Кто не задует их.
Так что же и тревожиться
О горестях людских?!

Фонарики, сударики,
Народ всё деловой;
Чиновники, сановники —
Всё люди с головой.

1840(?)

ПЕСНЯ МОРЯКА

Х о р

Что за жизнь моряка!
Как привольна, легка!
О земле не грустим,
Словно птица летим,
По волнам, по морям, —
Нынче здесь, завтра там!

А р т у р

Я моряк — хорош собою,
Мне лишь двадцать лет:
Хочешь быть моей женою? ..
Что ж она в ответ?
Муж моряк — уедет в море,
А жену оставит в горе!
Нет, нет, нет, нет, нет! ..

(Говорит)

А, так ты не хочешь?

(Продолжает петь)

Ветер в поле зашумел,
Парус полный забелел:
Ну, прощай, ну, прощай —
И как звали, поминай!

Х о р

Что за жизнь моряка!
Как привольна, легка!
О земле не грустим,
Словно птица летим,
По волнам, по морям, —
Нынче здесь, завтра там!

А р т у р

Я моряк — хорош собою,
Мне лишь двадцать лет;
Полюби меня душою...
Что ж она в ответ?
Ты, моряк, уедешь в море,
Полюблю другого с горя.
Без любви веселья нет...

(Говорит)

Ты улыбаешься, плутовка? ..

(Продолжает петь)

Ветер в море зашумел,
Парус полный забелел:
Ну, прощай, ну, прощай —
И как звали, поминай!

РУССКИЕ ПЕСНИ

Что за песни, что за песни
Распекает наша Русь!
Уж как хочешь, брат, хоть тресни,
Так не спеть тебе, француз!

Золотые, удалые —
Не немецкие,
Песни русские, живые —
Молодецкие!

Как затянет, как заляется
Православный наш народ,
Ведь откуда что берется, —
Прямо к сердцу так и льнет!..

Запоет про темну ночь
Иль про белые снега,
Про купеческую дочку,
Про шелковые луга;
Запоет про сине море,
Иль про матушку-реку,
Про кручинушку и горе,
Про сердечную тоску;
Да как гаркнет: «Эй, калина,
Не шуми, дремучий бор!» —
Чуешь Руси-исполина
И раздолье и простор!..

Русь и в песне-то могуча,
Широка и глубока,
И свободна, и гремуча,
И привольна, и звонка!
Ай да песни, что за песни
Распевает наша Русь!
Уж как хочешь, брат, хоть тресни,
Так не спеть тебе, француз!
Золотые, удалые —
Не немецкие,
Песни русские, живые —
Молодецкие!

1842

И. Е. Молчанов

Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья!
Мы дралися там со шведом
Под знаменами Петра.

Наш могучий император —
Память вечная ему —
Сам командовал полками,
И как сокол он летал,

Сам командовал полками,
И как сокол он летал,
Сам ружьем солдатским правил,
Сам и пушки заряжал.

Пули облаком носились,
Кровь горячая лилась.
Вдруг злодейка-пуля шляпу
Прострелила сквозь на нем.

Император не смутился,
Взор как молния блистал;
Лишь, вздрогнувши от удара,
Конь быстрее поскакал.

Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья!
Мы дралися там со шведом
Под знаменами Петра.

1840(?)

Н. Анордист

ТРОЙКА

Гремит звонок, и тройка мчится, —
За нею пыль, вихрь столбом;
Вечерний звон помалу длится,
Безмолвье мертвое кругом!

Вот на пути село большое,
Туда ямщик мой поглядел;
Его забилося ретивое,
И потихоньку он запел:

«Твоя краса меня прельстила,
Теперь мне целый свет постыл.
Зачем, зачем приворожила,
Коль я душе твоей немил!

Кажись, мне песнью удаюю
Недолго тешить ездока, —
Быть может, скоро под землюю
Сокроют тело ямщика!

По мне лошадушки сгрустятся,
Расставшись, борзые, со мной,
Они уж больше не помчатся
Вдоль по дорожке столбовой!

И ты, девица молодая,
Быть может, только вздохнешь;
Кладбище часто посещая,
К моей могилке подойдешь.

В тоске, в кручинушке сердечной,
Лицо к сырой земле склоня,
Промолвишь мне: „В разлуке вечной —
С тобой красавица твоя!“».

В глазах тут слезы показались,
Но их бедняк не отирал;
Пока до места не домчались,
Он волю полную им дал.

Уж, говорят, его не стало.
Девица бедная в тоске;
Она безвременно увяла,
Грустя по бедном ямщике.

И. Макаров

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика.

Столько грусти в той песне унылой,
Столько грусти в напеве родном,
Что в душе моей холодной, остылой
Разгорелось сердце огнем.

И припомнил я ночи иные,
И родные поля и леса,
И на очи, давно уж сухие,
Набежала, как искра, слеза.

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка;
И замолк мой ямщик, а дорога
Предо мной далека, далека...

Конец 1840-х годов

ПОГРЕБЕНИЕ РАЗБОЙНИКА

В носилках похоронных
Лежит боец лесов,
И шесть вооруженных
Суровых удальцов
Среди лесов дремучих
Безмолвные идут
И на руках могучих
Товарища несут.

Носилки их простые
Из ружей сложены,
И поперек стальные
Мечи положены.
На них лежит сраженный
Разбойник молодой,
Назад окровавленной
Повиснув головой.

В минуту жаркой битвы
Сразил его свинец!
И кончил дни ловитвы
Бестрепетный боец.

Сочится кровь из раны
По лбу и по вискам
И вниз струей багряной
Бежит по волосам.

Он грозно сдвинул брови,
Храня надменный вид,
Но взор под слоем крови
Врагам уж не грозит;
Он правою рукою
Сдавил свой острый меч
И с ним, уставший с бою,
В могилу хочет лечь.

Меч этот быстро, метко
Удары наносил,
И сбилов он нередко,
Как молния, разил;
Теперь, звуча, влачится
Он вслед за мертвецом;
Как слезы, кровь струится
Холодная по нем.

И в миг борьбы жестокой
Со смертью роковой
Он пояс свой широкий
Схватил другой рукой;
Ремни его колета
Разрублены висят,
Два длинных пистолета
За поясом блестя.

Так спит он, охладельй,
Лесов угрюмый сын,
В кругу ватаги смелой,
Средь темных Апеннин!
Так с ним они печально
Идут в глуши лесной
Для чести погребальной.
Но вот кричат им: «Стой!

И наземь опустили
Носилки с мертвецом,
И дружно приступили
Рыть яму вшестером.
В воинственном уборе,
Как был он завсегда,
Без гроба, на просторе
Кладут его туда.

Засыпали землею...
«Прости, лихой собрат!» —
И медленной ступою
Идут они назад.
Но чу! — сторожевого
Свисток раздался вдруг...
Ватага в лес — и снова
Безмолвно всё вокруг.

ОН

Кипел, горел пожар московский,
Дым расстилался по реке,
На высоте стены кремлевской
Стоял он в сером сюртуке.

Он видел огненное море,
Впервые полный мрачных дум,
Он в первый раз постигнул горе,
И содрогнулся гордый ум!

Ему мечтался остров дикий,
Он видел гибель впереди,
И призадумался великий,
Скрестивши руки на груди;

И погрузился он в мечтанья,
Свой взор на пламя устремил,
И тихим голосом страданья
Он сам себе проговорил:

«Судьба играет человеком;
Она, лукавая, всегда
То вознесет тебя над веком,
То бросит в пропасти стыда.

И я, водивший за собою
Европу целую в цепях,
Теперь поникнул головою
На этих горестных стенах!

И вы, мной созванные гости,
И вы погибли среди снегов, —
В полях истлеют ваши кости
Без погребенья и гробов!

Зачем я шел к тебе, Россия,
В твои глубокие снега?
Здесь о ступени роковые
Споткнулась дерзкая нога!

Твоя обширная столица —
Последний шаг мечты моей,
Она — надежд моих гробница,
Погибшей славы — мавзолей».

1850

ВЫЗОВ

За окном в тени мелькает
Русая головка.

Ты не спишь, мое мученье!
Ты не спишь, плутовка!

Выходи ж ко мне навстречу!

С жаждой поцелуя,
К сердцу сердце молодое
Пламенно прижму я.

Ты не бойся, если звезды

Слишком ярко светят:
Я плащом тебя одену
Так, что не заметят!

Если сторож нас окликнет,

Назовись солдатом;
Если спросят, с кем была ты, —
Отвечай, что с братом!

Под надзором богомолки

Ведь тюрьма наскучит;
А неволя поневоле
Хитрости научит!

1844

ЗАТВОРНИЦА

В одной знакомой улице
Я помню старый дом,
С высокой, темной лестницей,
С завешенным окном.

Там огонек, как звездочка,
До полночи светил,
И ветер занавескою
Тихонько шевелил.

Никто не знал, какая там
Затворница жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла,

И что за чудо-девушка
В заветный час ночной
Меня встречала, бледная,
С распущенной косой!

Какие речи детские
Она твердила мне:
О жизни неизведанной,
О дальней стороне!

Как, не по-детски пламенно,
Прильнув к устам моим,
Она, дрожа, шептала мне:
«Послушай, убежим!

Мы будем птицы вольные —
Забудем гордый свет...
Где нет людей прощающих,
Туда возврата нет!..»

И тихо слезы капали,
И поцелуй звучал,
И ветер занавескою
Тревожно колыхал.

ПЕСНЯ ЦЫГАНКИ

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет, и спозаранок
В степь, далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

1853

УЗНИЦА

Что мне она! — не жена, не любовница
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее доля проклятая
Спать не дает мне всю ночь?
Спать не дает, оттого что мне грезится
Молодость в душной тюрьме,
Вижу я — своды... окно за решеткою,
Койку в сырой полутьме...
С койки глядят лихорадочно-знойные
Очи без мысли и слез,
С койки висят чуть не до полу темные
Космы тяжелых волос.
Не шевелятся ни губы, ни бледные
Руки на бледной груди,
Слабо прижатые к сердцу без трепета
И без надежд впереди...
Что мне она! — не жена, не любовница
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее образ страдальческий
Спать не дает мне всю ночь!

1878

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани;
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орел домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трех ночей,
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны всё гонял?» —

«Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелечку качал!»

1858

ЗАПЕВКА

Ох, пора тебе на волю, песня русская,
Благовестная, победная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, в слезах крещеная-омытая!
Ох, пора тебе на волю, песня русская!
Не сама собой ты спелася-сложилася:
С пустырей тебя намыло снегом-дождиком,
Нанесло тебя с пожарищ дымом-копотью,
Намело тебя с сырых могил метелицей...

1856

А. К. Толстой

Ты не спрашивай, не распытывай,
Умом-разумом не раскидывай:
Как люблю тебя? Почему люблю?
И за что люблю? И надолго ли?
Ты не спрашивай, не распытывай:
Что сестра ль ты мне? Молода ль жена?
Или детище ты мне малое?

И не знаю я и не ведаю,
Как назвать тебя, как прикликати?
И за что люблю? И надолго ли?
Много цветиков во чистом поле,
Много звезд горит по поднебесью,
А назвать-то их нет умения,
Распознать-то их нету силушки!
Полюбив тебя, я не спрашивал,
Не разгадывал, не распытывал!
Полюбив тебя, я махнул рукой,
Очертил свою буйну голову!

1851

Рассеивается, расступается
Грусть под думами под могучими,
В душу темную пробивается
Словно солнышко между тучами!
Ой ли, молодец? Не расступится,
Не рассеется ночь осенняя, —
Скоро сведаешь, чем искупится
Непоказанный миг веселия!
Прикачнулась, привалилася
К сердцу сызнава грусть обычная,
И головушка вновь склонилася,
Бесталанная, горемычная. .

1858

КОЛОДНИКИ

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперед тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут;
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут.

«Что́, братцы, затянемте песню
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!»

И вот повели, затянули,
Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даром минувшие дни,

Поют про свободные степи,
Про дикую волю поют;
День меркнет всё боле — а цепи
Дорогу метут да метут...

1850-е годы

ОГОРОДНИК

Не гулял с кистенем я в дремучем лесу,
Не лежал я во рву в непроглядную ночь, —
Я свой век загубил за девицу-красу,
За девицу-красу, за дворянскую дочь.

Я в немецком саду работал по весне,
Вот однажды сгребаю сучки да пою,
Глядь, хозяйская дочка стоит в стороне,
Смотрит в оба да слушает песню мою.

По торговым селам, по большим городам
Я недаром живал, огородник лихой,
Раскрасавиц девиц насмотрелся я там,
А такой не видал, да и нету другой.

Черноброва, статна, словно сахар бела!..
Стало жутко, я песни своей не допел.
А она — ничего, постояла, прошла,
Оглянулась: за ней как шальной я глядел.

Я слышал на селе от своих молодиц,
Что и сам я пригож, не уродом рожден, —
Словно сокол гляжу, круглолиц, белолиц,
У меня ль, молодца, кудри — чесачый лен!..

Разыгралась душа на часок, на другой...
Да как глянул я вдруг на хоромы ее —
Посвистал и махнул молодецкой рукой,
Да скорей за мужицкое дело свое!

А частенько она приходила с тех пор
Погулять, посмотреть на работу мою,
И смеялась со мной и вела разговор:
Отчего приуныл? что давно не пою?

Я кудрями трягну, ничего не скажу,
Только буйную голову свешу на грудь...
«Дай-ка яблоньку я за тебя посажу,
Ты устал, чай, пора уж тебе отдохнуть». —

«Ну, пожалуй, изволь, госпожа, поучись,
Пособи мужику, поработай часок».
Да как заступ брала у меня, смеючись,
Увидала на правой руке перстенок:

Очи стали темней непогодного дня,
На губах, на щеках разыгралась кровь.
«Что с тобой, госпожа? Отчего на меня
Неприветно глядишь, хмуришь черную
бровь?» —

«От кого у тебя перстенок золотой?» —
«Скоро старость придет, коли будешь всё
знать». —

«Дай-ка я погляжу, несговорный какой!» —
И за палец меня белой рученькой хватя!

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,
Я давал — не давал золотой перстенок...

Я вдруг вспомнил опять, что и сам я пригож,
Да не знаю уж как — в щеку девицу чмок! . .

Много с ней скоротал невозвратных ночей
Огородник лихой. . . В ясны очи глядел,
Расплетал, заплетал русу косыньку ей,
Целовал-миловал, песни волжские пел.

Мигом лето прошло, ночи стали свежей,
А под утро мороз под ногами хрустит.
Вот однажды, как я крался в горенку к ней,
Кто-то цап за плечо, «держи вора!» кричит.

Со стыдом молодца на допрос привели,
Я стоял да молчал, говорить не хотел. . .
И красу с головы острой бритвой снесли,
И железный убор на ногах зазвенел.

Постегали плетьюми, и уводят дружка
От родной стороны и от лапушки прочь,
На печаль и страду! . . Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

ТРОЙКА

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Всё лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед? . .
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровый дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,

Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отвечешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни, — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согреваю грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки
И ящик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

1846

«Здравствуй, родная». — «Как можется,
кумушка?

Всё еще плачешь, никак?
Ходит, знать, по́ сердцу горькая думушка,
Словно хозяин-большак?» —
«Как же не плакать? Пропала я, грешная!
Душенька ноет, болит...
Умер, Касьяновна, умер, сердешная,
Умер, и в землю зарыт!

Ведь наскочил же на экую гадину!
Сын ли мой не был удал?
Сорок медведей поддел на рогатину —
На сорок первом сплошал!
Росту большого, рука — что железная,
Плечи — косая сажень;
Умер, Касьяновна, умер, болезная, —
Вот уж тринадцатый день!

Шкуру с медведя-то содрали, продали.
Деньги — семнадцать рублей —
За душу бедного Саввушки подали,
Царство небесное ей!
Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна, —
Чуть я домой добрела.

Ветер шатает избенку убогую,
Весь развалился овин...
Словно шальная пошла я дорогою:
Не попадетсЯ ли сын?
Взял бы топорик — беда поправимая —
Мать бы утешил свою...
Умер, Касьяновна, умер, родимая, —
Надо ль? топор продаю.

Кто приголубит старуху безродную?
Вся обнищала вконец!
В осень ненастную, в зиму холодную
Кто запасет мне дровец?
Кто, как доносится теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет?
Умер, Касьяновна, умер, голубушка, —
Даром ружье пропадет!

Веришь, родная: с тоской да с заботами
Так опостылел мне свет!
Лягу в каморку, покроюсь тенетами,
Словно как саваном... Нет!
Смерть не приходит... Брожу нелюдимая,
Попусту жалоблю всех...
Умер, Касьяновна, умер, родимая, —
Эх, кабы только не грех...

Ну, да и так... дай бог зиму промаяться,
Свежей травы мне не мять!
Скоро избенка совсем расшатается.
Некому поле вспахать.

В город собирается Марья Романовна,
 По миру сил нет ходить...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна,
 И не велел долго жить!»

1853

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несет им печальный ответ:
«Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце большое сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли как плети,

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою».

МАША

Белый день занялся над столицей,
Сладко спит молодая жена,
Только труженик муж бледнолицый
Не ложится — ему не до сна!

Завтра Маше подруга покажет
Дорогой и красивый наряд...
Ничего ему Маша не скажет,
Только взглянет... убийственный взгляд!

В ней одной его жизни отрада,
Так пускай в нем не видит врага:
Два таких он ей купит наряда.
А столичная жизнь дорога!

Есть, конечно, прекрасное средство:
Под рукою казенный сундук;
Но испорчен он был с малолетства
Изученьем опасных наук.

Человек он был новой породы:
Исключительно честь понимал,
И безгрешные даже доходы
Называл воровством, либерал!

Лучше жить бы хотел он попроще,
Не франтить, не тянуться бы в свет, —
Да обидно покажется теще,
Да осудит богатый сосед!

Всё бы вздор... только с Машей
не сладишь,
Не втолкуешь — глупа, молода!
Скажет: «Так за любовь мою платишь!»
Нет! упреки тошнее труда!

И кипит-поспевает работа,
И болит-надрывается грудь...
Наконец наступила суббота:
Вот и праздник — пора отдохнуть!

Он лелеет красавицу Машу,
Выпив полную чашу труда,
Наслаждения полную чашу
Жадно пьет... и он счастлив тогда!

Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,
Но и самая радость едва ли
Не вредна для усталой души.

Скоро в гроб его Маша уложит,
Проклянет свой сиротский удел
И, бедняжка! ума не приложит:
Отчего он так скоро сгорел.

Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал.
Стонет он по полям, по дорогам,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, —
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,

Иль, судеб повинясь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил? . .

1858

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

«Стой, ямщик! жара несносная,
Дальше ехать не могу!»
Вишь, пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу.

У двора у постоялого
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку
Да, зевая, крестит рот.
Сел я рядом с ней на лесенку;
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,

Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

В люди выдешь, всё с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодцами пригожими
Шутки вольные шутить.

И привольная и праздная
Жизнь покатится шутя...» —
«Эка песня безобразная!
Няня! дай-ка мне дитя!» —

«На, родной! да ты откуда?» —
«Я проезжий, городской». —
«Покачай, а я покудова
Подремлю... да песню спой!» —

«Как не спеть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
«Баю-баюшки баю!»

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт — ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

С ними ты рожден природою —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правою,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

И тогда-то...» Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
Снова песенку свою.

ПОХОРОНЫ

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилася страшная!
Мы такой не знавали вовек:
Как у нас — голова бесшабашная —
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы... — тошнехонько!
Догадались деньжонок собрать:
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам нежданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пеня, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

Без попов!.. Только солнышко знойное,
Вместо ярого воску свечи,
На лицо непробудно-спокойное
Не скупясь наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты.

Поглядим: что ребят набирается!
Покрестились и подняли вой...
Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой, —

Как не плакать им? Диво велико ли?
Своему-то свои хороши!
А по ком ребятишки захныкали,
Тот наверно был доброй души!

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Что тебя доконало, сердешного?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду нездешнего,
Но ты нашу сторонку любил:

Только минут морозы упорные
И весенних гостей налетит —
«Чу! — кричат наши детки проворные. —
Прошлогодний охотник палит!»

Ты ласкал их, гостинцу им нашивал,
Ты на спрос отвечать не сучал.

У тебя порошку я попрашивал,
И всегда ты нескучно давал.

Почивай же, дружок! Память вечная!
Не жива ль твоя бедная мать?
Или, может, зазноба сердечная
Будет таять, дружка поджидать?

Мы дойдем, повестим твою милую:
Может быть, и приедет, любя,
И поплачет она над могилою,
И расскажем мы ей про тебя.

Почивай себе с миром, с любовью!
Почивай! Бог тебе судия,
Что обрызгал ты грешною кровию
Неповинные наши поля!

Кто дознает, какую кручиною
Надрывалось сердце твое
Перед вольной твоею кончиною,
Перед тем, как спустил ты ружье? . .

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные
Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать. . .

ИЗ ПОЭМЫ „КОРОБЕЙНИКИ“

«**О**й, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча,
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завижу черноокою —
Все товары разложу.
Цены сам платил немалые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! — пришла желанная,
Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.

Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

«Ой, легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенек.
Дал ей ситцу штуку целую,
Ленту алую для кос,
Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос, —
Всё поклала ненаглядная
В короб, кроме перстенка:
„Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!“»

1861

ИЗ ПОЭМЫ „КОРОБЕЙНИКИ“

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.
Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь високую,
Слезы в три ручья лила!
Извелась бы, неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная —
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилоя
Молодице невтерпеж,
Под косою трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам.
Стелет лен, а неотвязная
Дума на сердце лежит:
«Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? как засватает

На чужой на стороне?»
И у девки сердце падает:
«Ты женись, женись на мне!
Ни тебе, ни свекру-батюшке
Николи не согрублю.
От свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою!
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себе гуляючи
За работницей женой,
По базарам разъезжаючи,
Веселися, песни пой!
А вернешься с торгу пьяненький —
Накормлю и уложу!
«Спи, пригожий, спи, румяненький!»
Больше слова не скажу.
Видит бог, не осердилась бы!
Обрядила бы коня
Да к тебе и подвалилась бы:
«Поцелуй, дружок, меня!..»
Думы девичьи заветные,
Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Немудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Эной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею —
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — всё равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

1862

ПЕСНЯ

Зашумела, разгулялась
Принакрылась белым снегом
Гладкая дорога.
В поле непогода;

Белым снегом принакрылась,
Не осталось следу,
Поднялася пыль и вьюга,
Не видать и свету.

Да удалому детине
Буря не забота:
Он проложит путь-дорогу,
Лишь была б охота.

Не страшна глухая полночь,
Дальний путь и вьюга,
Если молодца в свой терем
Ждет краса-подруга.

Уж как встретит она гостя
Утренней зарею,
Обоймет его стыдливо
Белою рукою,

Опустивши ясны очи,
Друга приголубит...
Вспыхнет он — и холод ночи
И весь свет забудет.

1853

НАСЛЕДСТВО

Не осталось
Мне от бабушки
Палат каменных,
Слуг и золота;

Он оставил мне
Клад наследственный:
Волю твердую,
Удаль смелую.

С ними молодцу
Всюду весело!
Без казны богат,
Без почета горд.

В горе, в черный день
Соловьем поешь;
При нужде, в беде
Смотришь соколом;

Нараспашку грудь
Против недруга;
Под грозой, в бою
Улыбаешься.

И мила душе
Доля всякая,
И весь белый свет
Раем кажется!

1853

ПЕСНЯ

Отвяжися, тоска,
Пылью поразвейся!
Что за грусть, коли жив —
И сквозь слезы смейся!

Не диковинка — пир
При хорошей доле;
Удаль с горя поет,
Пляшет и в неволе.

Уж ты как ни хвались
Умной головою —
Громовых облаков
Не отвести рукою.

Грусть-забота не спит,
Без беды крушится;
Беззаботной душе
И на камне спится.

Коли солнышка нет —
Ясный месяц светит;
Изменила любовь —
Песня не изменит!

Сердце просит не слез,
А живет отрадой;
Вот умрешь — ну, тогда
Ничего не надо.

1855

Медленно движется время,
Веруй, надейся и жди...
Зрей, наше юное племя!
Путь твой широк впереди.
Молнии нас осветили,
Мы на распутье стоим...
Мертвые в мире почили,
Дело настало живым.

Сеялось семя веками,
Корни в земле глубоко;
Срубишь леса топорами —
Зло вырывать не легко:
Нам его в детстве привили,
Деды сроднились с ним...
Мертвые в мире почили,
Дело настало живым.

Стыд, кто бессмысленно тужит,
Листья зашепчут — он нем!
Слава, кто истине служит,
Истине жертвует всем!
Поздно глаза мы открыли,
Дружно на труд поспешим...
Мертвые в мире почили,
Дело настало живым.

Рыхлая почва готова.
Сейте, покуда весна:
Доброго дела и слова
Не пропадут семена.
Где мы и как их добыли —
Внукам отчет отдадим...
Мертвые в мире почили,
Дело настало живым.

1857

ПЕСНЯ БОБЫЛЯ

Ни кола, ни двора,
Зипун — весь пожиток...
Эх, живи — не тужи,
Умрешь — не убыток!

Богачу-дураку
И с казной не спится;
Бобыль гол как сокол,
Поет-веселится.

Он идет да поет,
Ветер подпевает:
Сторонись, богачи!
Беднота гуляет!

Рожь стоит по бокам,
Отдает поклоны...
Эх, присвистни, бобыль!
Слушай, лес зеленый!

Уж ты плачь ли, не плачь —
Слез никто не видит,
Оробей, загорюй —
Курица обидит.

Уж ты сыт ли, не сыт —
В печаль не вдавайся:
Причешись, распахнись,
Шути, улыбайся!

Поживем да умрем —
Будет голь пригрета...
Разумей, кто умен, —
Песенка допета!

1858

Ехал из ярмарки ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец.
Стал он на двор лошадей покормить,
Вздумал деревню гульбой удивить.
В красной рубашке, кудряв и румян,
Вышел на улицу, весел и пьян.
Собрал он девок-красавиц в кружок,
Выхватил с звонкой казной кошелек.
Потчует старых и малых вином:
«Пей-пропивай! Поживем — наживем! . . .»
Морщатся девки, до донышка пьют,
Шутят, и пляшут, и песни поют.
Ухарь-купец подпеваает-свистит,
Оземь ногой молодецки стучит.

Синее небо, и сумрак, и тишь.
Смотрится в воду зеленый камыш.
Полосы света по речке лежат.
В золоте тучки над лесом горят.
Девичья пляска при зорьке видна,
Девичья песня за речкой слышна,
По лугу льется, по чаще лесной. . .
Там услышал ее сторож седой;
Белый как лунь, он под дубом стоит;
Дуб не шелохнется, сторож молчит.

К девке стыдливой купец пристаёт,
Обнял, целует и руки ей жмет.
Рвется красotka за девичий круг:
Совестно ей от родных и подруг.

Смотрят подруги — их зависть берет,
Вот, мол, упрямице счастье идет.
Девкин отец свое дело смекнул,
Локтем жену торопливо толкнул.
Сед он, и рваная шапка на нем,
Глазом мигнул — и пропал за углом.
Девкина мать расторопна-смела,
С вкрадчивой речью к купцу подошла:
«Полно, касатик, отстань — не балуй!
Девки моей не позорь, не целуй!»
Ухарь-купец позвенел серебром:
«Нет — так не надо... другую найдем!..»
Вырвалась девка, хотела бежать.
Мать ей велела на месте стоять.

Звездная ночь и ясна и тепла.
Девичья песня давно замерла.
Шепчет нахмуренный лес над водой,
Ветром шатает камыш молодой.
Синяя туча над лесом плывет,
Темную зелень огнем обдает.
В крайней избушке не гаснет ночник,
Спит на печи подгулявший старик,
Спит в зипунишке и в старых лаптях,
Рваная шапка комком в головах.
Молится богу старуха жена,
Плакать бы надо — не плачет она.

Дочь их красавица поздно пришла,
Девичью совесть вином залила.
Что тут за диво! и замуж пойдет...
То-то, чай, деток на путь наведет!
Кем ты, люд бедный, на свет порожден?
Кем ты на гибель и срам осужден?

1858

На старом кургане, в широкой степи,
Прикованный сокол сидит на цепи,
Сидит он уж тысячу лет,
Всё нет ему воли, всё нет!
И грудь он когтями с досады терзает,
И каплями кровь из груди вытекает
Летят в синеве облака,
А степь широка, широка!

1861

М. Л. Михайлов

Крепко, дружно вас в объятья
Всех бы, братья, заключил,
И надежды и проклятья
С вами, братья, разделил.

Но тупая сила злобы
Вон из братского кружка
Гонит в снежные сугробы,
В тьму и холод рудника.

Но и там, назло гоненью,
Веру лучшую мою
В молодое поколенье
Свято в сердце сохраню.

В безотрадной мгле изгнанья
Твердо буду света ждать
И в душе одно желанье,
Как молитву, повторять:

Будь борьба успешней ваша,
Встреть в бою победа вас,
И минуй вас эта чаша,
Отравляющая нас.

1861

Смело, друзья! Не теряйте
Бодрость в неравном бою,
Родину-мать защищайте,
Честь и свободу свою!
Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытаются огнем,
Пусть в рудники посылают,
Пусть мы все казни пройдем!
Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых, —
Дело, друзья, отзовется
На поколениях живых!

Стонет и тяжело вздыхает
Бедный, забитый народ,
Руки он к нам простирает,
Нас он на помощь зовет.
Час обновленья настанет —
Воли добьется народ,
Добрым нас словом помянет,
К нам на могилу придет.
Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых, —
Дело, друзья, отзовется
На поколениях живых!

1861

СТАРЫЙ КАПРАЛ

В ногу, ребята, идите.
 Полно, не вешать ружья!
Трубка со мной... проводите
 В отпуск бессрочный меня.
Я был отцом вам, ребята...
 Вся в сединах голова...
Вот она — служба солдата!..
 В ногу, ребята! Раз! Два!
 Грудью подайся!
 Не хнычь, равняйся!..
 Раз! Два! Раз! Два!

Да, я прибил офицера!
 Молод еще оскорблять
Старых солдат. Для примера
 Должно меня расстрелять.
Выпил я... Кровь заиграла...
 Дерзкие слышу слова —
Тень императора встала...
 В ногу, ребята! Раз! Два!
 Грудью подайся!
 Не хнычь, равняйся!..
 Раз! Два! Раз! Два!

Честною кровью солдата
Орден не выслужить вам.
Я поплатился когда-то,
Задали мы королям.
Эх! наша слава пропала...
Подвигов наших молва
Сказкой казарменной стала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Ты, землячок, поскорее
К нашим стадам воротись:
Нивы у нас зеленее,
Легче дышать... поклонись
Храмам селенья родного...
Боже! Старуха жива!..
Не говори ей ни слова...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Кто там так громко рыдает?
А! я ее узнаю...
Русский поход вспоминает...
Да, отогрел всю семью...
Снежной, тяжелой дорогой
Нес ее сына... Вдова
Вымолит мир мне у бога...

В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Трубка, никак, догорела?
Нет, затянусь еще раз.
Близко, ребята. За дело!
Прочь! не завязывать глаз.
Целься вернее! Не гнуться!
Слушать команды слова!
Дай бог домой вам вернуться.
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Долго нас помещики душили,
Становые били,
И привыкли всякому злодею
Подставлять мы шею.
В страхе нас квартальные держали,
Немцы муштровали.
Что тут делать, долго ль до напасти,
Покоримся власти.
Мироеды тем и пробавлялись,
Над нами ломались,
Мы-де глупы, как овечье стадо, —
Стричь да брить нас надо.
Про царей попы твердили миру,
Спьяна или с жиру —
Сам-де бог помазал их елеем,
Как же пикнуть смеем?
Суд Шемякин, до бога высоко,
До царя далеко;
Царь сидит там в Питере, не слышит,
Знай указы пишет.
А указ как бисером нанизан,
Не про нас лишь писан;
Так и этак ты его читаешь —
Всё не понимаешь.
Каждый бутарь звал себя с нахальством
Малым начальством.

Знать, и этих, господи ты боже,
Мазал маслом тоже.
Кто слышал о 25-м годе
В крещеном народе?
Когда б мы тогда не глупы были,
Давно б не тужили.
Поднялись в то время на злодеев
Кондратий Рылеев,
Да полковник Пестель, да иные
Бояре честные.
Не сумели в те поры мы смело
Отстоять их дело,
И сложили головы за братьей
Пестель да Кондратий.
Не найдется, что ль, у нас иного
Друга Пугачева,
Чтобы крепкой грудью встал он смело
За святое дело.

1861

ДУМЫ БЕГЛЕЦА НА БАЙКАЛЕ

Славное море — привольный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка...
Ну, Баргузин, пошевеливай вал...
Плыть молодцу недалечко.

Долго я звонкие цепи носил;
Худо мне было в горах Акатуя.
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волю почуя.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь;
Горная стража меня не видала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка — миновала.

Шел я и в ночь и средь белого дня;
Близ городов я поглядывал зорко;
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.

Весело я на сосновом бревне
Вплавь чрез глубокие реки пускался;
Мелкие речки встречались мне —
Вброд через них пробирался.

У моря струсил немного беглец:
Берег обширен, а нет ни корыта;
Шел я каргой и пришел наконец
К бочке, дресвою залитой.

Нечего думать — бог счастья послал:
В этой посудине бык не утонет;
Труса достанет и на судне вал —
Смелого в бочке не тронет.

Тесно в ней было бы жить омулям;
Рыбки, утешьтесь моими словами:
Раз побывать в Акатуе бы вам —
В бочку полезли бы сами!

Четверо суток верчусь на волне;
Парусом служит армяк дыроватый,
Добрая лодка попалася мне,
Лишь на ходу мешковата.

Близко виднеются горы и лес,
Буду спокойно скрываться под тенью,
Можно и тут погулять бы, да бес
Тянет к родному селенью.

Славное море — привольный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка...
Ну, Баргузин, пошевеливай вал...
Плыть молодцу недалечко!

ЭЛЕГИЯ

«**Х**ас-Булат удалой!
Бедна сакля твоя;
Золотою казной
Я осыплю тебя.

Саклю пышно твою
Разукрашу кругом,
Стены в ней обобью
Я персидским ковром.

Галуном твой бешмет
Разошью по краям
И тебе пистолет
Мой заветный отдам.

Дам старее тебя
Тебе шашку с клеймом,
Дам лихого коня
С кабардинским тавром.

Дам винтовку мою,
Дам кинжал Базалай, —

Лишь за это свою
Ты жену мне отдай.

Ты уж стар, ты уж сед,
Ей с тобой не житье,
На заре юных лет
Ты погубишь ее.

Тяжело без любви
Ей тебе отвечать
И морщины твои
Не любя целовать.

Видишь, вон Ямман-Су
Моет берег крутой,
Там вчера я в лесу
Был с твоею женой.

Под чинарой густой
Мы сидели вдвоем,
Месяц плыл золотой,
Всё молчало кругом.

И играла река
Перекатной волной,
И скользила рука
По груди молодой.

Мне она отдалась
До последнего дня
И аллахом клялась,
Что не любит тебя!»

Крепко шашки сжимал
Хас-Булат рукоять
И, схватясь за кинжал,
Стал ему отвечать:

«Князь! рассказ длинный твой
Ты напрасно мне рек:
Я с женой молодой
Вас вчера подстерег.

Береги, князь, казну
И владей ею сам,
За неверность жену
Тебе даром отдам.

Ты невестой своей
Полюбуйся поди, —
Она в сакле моей
Спит с кинжалом в груди.

Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах,
Поцелуй мой застыл
У нее на губах».

Голос смолк старика,
Дремлет берег крутой,
И играет река
Перекатной волной.

ВЛАДИМИРКА

Ой, дорога ль ты, дороженька пробойная,
Ты пробойная ль дороженька, прогонная!
Уж и много на Руси у нас дороженек,
Что дорог ли широкатных, поисхоженных:
По иным гоняют царских слуг — солдатушек,
По иным бредет убогий богомольный люд,
От Соловок до Киева, по угодничкам,
Что по третьим ли дорожкам шлют красен товар
Всё купцы, да молодцы, да володимирцы.
Широки ль уж те дорожки да укатисты,
А уж шире ль, да длиннее, да утоптанней
Нашей матушки Владимирки — не быть нигде!
Не одни-то по ней поручни притерлися,
Не одни-то быстры ноженьки прималялись,
Что и слез на ней не мало ли проливано,
А и песен про нее ль не мало сложено!
Далеко ты в даль уходишь непроглядную,
Во студеную сторонушку сибирскую,
Ох, дорога ль ты, дороженька пробойная,
Ты пробойная ль дорожка Володимирская.

1858

ПОЛОСА

Полоса ль ты моя, полоса!
Не распахана ты, сиротинка,
И тебе не колосья краса,
Не колосья краса, а былинка...

А кругом-то, кругом поглядишь —
Так и зреют могучие нивы!
И стоит благодагная тишь,
И волнуются ржи переливы.

Но горька мне твоя нагота,
Как взгляну я на ниву-то божью:
Отчего ж ты одна, сирота,
Не красуешься матушкой-рожью?

Знать, хозяин-то твой в кабаке
Загулял не одну уж неделю,
Иль от горя — в гробовой доске
Отыскал на погосте постелю.

А быть может, и то: в кандалах
По Владимирке пахаря гонят,
За широкий, за вольный размах
Богатырскую силу хоронят.

И шагает он в синюю даль,
Сам шагает да слезы глотает:
Всё-то ниву свою ему жаль,
Всё полоску свою вспоминает. . .

Зарастай же, моя полоса,
Частым ельничком ты да березкой,
И пускай же ни серп, ни коса
Не сверкают отсель над полоской!

1861

ВАНЬКА-КЛЮЧНИК

Словно ягода лесная,
И укрыта и спела,
Свет-княгиня молодая
В крепком тереме жила.

У княгини муж ревнивый:
Он и сед и нравом крут;
Царской милостью спесивый,
Ведал думу лишь да кнут.

А у князя Ваня-ключник,
Кудреватый, удалой,
Ваня-ключник — злой разлучник
Мужа старого с женой.

Хоть не даривал княгине
Ни монист, ни кумачу,
А ведь льнула же к детине,
Что сорочка ко плечу.

Целовала, миловала,
Обвивала, словно хмель,
И тайком с собою клала
Что на княжую постель.

Да известным наговором
Князь дознался всю вину, —
Как дознался, так с позором
И замкнул на ключ жену.

И дознался из передней,
От ревнивых от очей,
Что от самой от последней
Сенной девушки своей.

«Гой, холопья, вы подите —
Быть на дыбе вам в огне!
Вы подите приведите
Ваньку-ключника ко мне!»

Ох, ведут к нему Ивашку:
Ветер кудри Ване бьет,
Веет шелкову рубашку,
К белу телу так и льнет.

«Отвечай-ко, сын ты вражий,
Расскажи-ко, варвар мой,
Как гулял ты в спальне княжей
С нашей княжеской женой?» —

«Ничего, сударь, не знаю,
Я не ведаю про то!..» —
«Ты не знаешь? Допытаю!
А застенок-то на что?..»

И работают в застенке —
Только кости, знай, хрустят!

Перешиблены коленки,
Локти скручены назад.

Но молчком молчит Ивашка,
И опять его ведут:
В дырках мокрая рубашка,
Кудри клоцьями встают;

Кандалы на резвых ножках,
А идет он — словно в рай,
Только хлюпает в сапожках
Кровь ручьями через край. . .

Видит два столба кленовых,
Перекладина на них.
Знать, уж мук не будет новых,
Знать, готовят про других, —

Отведу же я, мол, душу,
Распотешусь пред концом:
Уж пускай же, князь, Ванюшу
Хоть вспомянешь ты добром!

«Ты скажи ли мне, Ванюшка,
Как с княгиней жил досель?» —
«Ох, то ведает подушка
Да пуховая постель! . .

Много там было попито
Да поругано тебя,
А и вкрасне-то пожито,
И целовано любя!

На кровати, в волю княжью,
Там полежано у нас
И за грудь ли, грудь лебяжью,
Было хватано не раз!» —

«Ай да сказка!.. Видно хвата!
Исполать, за то люблю!
Вы повесьте-ко, ребята,
Да шелковую петлю!»

Ветер Ванюшку качает,
Что былинку на меже,
А княгиня умирает
Во светлице на ноже.

1862

*Из сборника
„Солдатские песни“
(1862)*

Русскому солдату ¹
Тяжело служить,
Хоть какому хвату
Тошно станет жить!
Бедность одолела,
Командир гнетет,
Он сечет без дела
И без дела бьет.
А скажи хоть слово
За себя в ответ —
Всяку смелость снова
Он в тебя вобьет!
Палочной науки
Школу проходя,
Много всякой муки
Примешь на себя!
И хоть будь начальства
В десять раз умней —
Ихнего нахальства
Осуждать не смей!..

¹ На голос: «Молодцам солдатам
Не с чего тужить».

Половину века
В службе загубя,
В ней за человека
Не считай себя!
А дотянешь с богом
Лямки царской срок,
Клянчи по дорогам
Да иди в острог...
До могилы дружбы
Не забудь с сумой,
Ежели со службы
Не прошел «сквозь строй»!

Жил на свете русский царь,¹
Разнемецкий государь,
Он крестьянскому народу
Волю обещал!
Волю обещал!

Чтобы каждый селянин,
Как теперя дворянин,
От работы подневольной
Век не горевал!
Век не горевал!

Чтоб его ни бить, ни сечь,
Обдирая шкуру с плеч,
Ни помещик, ни чиновник
Более не мог.
Более не мог.

Чтобы он землей владел,
И пошли ему в надел
Те поля, за что платил он
Барину оброк,
Барину оброк!

¹ На голос: «Ездил русский белый царь,
Православный государь,
Из своей страны далеко
Лавры пожинать».

Обещал то царь легко,
Но уехать далеко
На посуле, как на стуле,
Видно, захотел!
Видно, захотел!

Думал: «Глуп мужик: всё съест!»
И составил манифест,
Что ни в толк взять, ни понять
Никто не сумел!
Никто не сумел!

Ну чиновники читать
Да крестьянам толковать,
Что та новая неволя
Волюшка и есть!
Волюшка и есть!

Воля-вольная нищать,
Да под розгами пищать,
Да начальству грош последний
Со слезами несть!
Со слезами несть!

Призадумался народ,
Чует: кто-нибудь да врет,
Иль начальство надувает,
Или самый царь!
Или самый царь!

Что за воля без земли?
Чтобы барщину несли

И оброк крестьяне так же,
Как водилось встарь?
Как водилось встарь?

Это что-нибудь не так —
И попалися впросак
Те крестьяне, что судили
О делах своих,
О делах своих.

По селам без дальних слов,
Как прямых бунтовщиков,
Стала сечь их и тиранить
Стая станových!
Стая станových!

Ну сзывать на них полки
Да водить солдат в штыки,
Чтоб по старому порядку
Всё водилось вновь,
Всё водилось вновь.

Напроказил царь-отец!
На Руси с конца в конец
Из-за царского обмана
Пролилася кровь,
Пролилася кровь.

Надо, значит, для крестьян,
Чтоб народ за волю сам
Дружно — миром, волостям
В одно время встал,
В одно время встал.

Надо, значит, чтоб солдат
Помогал ему как брат
И, не слушая приказа,
В него не стрелял,
В него не стрелял.

*Из сборника
„Свободные русские песни“
(1863)*

ДЕКАБРИСТАМ

Над вашей памятью кровавой
Теперь лежит молвы позор;
Над ней поэт, венчанный славой,
Остановить не смеет взор.

Ваш враг могучий торжествует,
Щадит его судьбы закон,
Лишь власти страсть его волнует
И кажется незыблем трон.

Но вы погибли не напрасно:
Всё, что посеяли, взойдет;
Чего желали вы так страстно,
Всё, всё исполнится, придет.

Иной восстанет грозный мститель,
Иной восстанет мощный род;
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющий народ.

В победный день, в день славной тризны
Свершится роковая месть, —
И снова пред лицом отчизны
Заблещет ярко ваша честь.

ОСЛУШНАЯ ПЕСНЯ ¹

Час ослушной пробил для нас.
Освободим себя со славой!
Злодеи вынудили нас
К расправе дружной и кровавой!

К оружию, друзья!
Сомкнемся в ряды!
Вперед! Вперед! Нас ждет земля
Да воля за труды.

Пусть как единый человек
Вся Русь замученная встанет!
Освободим себя навек!
Земли родной на всех достанет.

К оружию, друзья!
Сомкнемся в ряды!
Вперед! Вперед! Нас ждет земля
Да воля за труды.

Довольно немцам пировать,
Довольно тешиться над нами,

¹ На голос «Марсельезы».

Солдат и земство угнетать
С кнутом, плетью и кандалами!

К оружию, друзья!
Сомкнемся в ряды!
Вперед! Вперед! Нас ждет земля
Да воля за труды.

Нас грабежами до сумы
Они довольно доводили!
Крестьянской кровью вдосталь мы
Родные нивы напоили!

К оружию, друзья!
Сомкнемся в ряды!
Вперед! Вперед! Нас ждет земля
Да воля за труды.

Довольно нас терзали зря,
Довольно стригли нас как стадо...
Не надо больше нам царя,
Чиновной сволочи не надо!

К оружию, друзья!
Сомкнемся в ряды!
Вперед! Вперед! Нас ждет земля
Да воля за труды.

Без полицейских и дворян
С собой управимся мы сами;
Рассудим все дела мирян,
Как встарь — землей да волостями!

К оружию, друзья!
Сомкнемся в ряды!
Вперед! Вперед! Нас ждет земля
Да воля за труды.

Сходись со всех сторон народ,
Всяк, что за волю будет с нами.
Солдаты, к нам! Настал черед
Свободу отстоять штыками!

К оружию, друзья!
Сомкнемся в ряды!
Вперед! Вперед! Нас ждет земля
Да воля за труды.

Славься, свобода и честный наш труд!
Пусть нас за правду в темницу заперут,
Пусть нас пытаются и жгут нас огнем —
Песню свободе и в пытке споем.

Славься же, славься, родимая Русь,
И пред царем и кнутами не трусь;
Встань, ополчися за правду на брань,
Встань же скорее, родимая, встань!

„СЛУ-ШАЙ!“

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночька черна...
Черней этой ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.
Кругом часовые шагают лениво;
В ночной тишине то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шай!..

Хоть плотны высокие стены ограды,
Железные крепки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиков взгляды
И всюду сверкают штыки,
Хоть тихо внутри, но тюрьма — не кладбище,
И ты, часовой, не плошай:
Не верь тишине, берегися, дружище:
— Слу-шай!..

Вот узник вверху за решеткой железной
Стоит, прислонившись к окну,
И взор устремил он в глубь ночи беззвездной,
Весь словно впился в тишину.

Ни звука!.. Порой лишь собака залетит,
Да крикнет сова невзначай,
Да мерно внизу под окном раздаётся:
— Слушай!..

«Не дни и не месяцы — долгие годы
В тюрьме осужден я страдать,
А бедное сердце так жаждет свободы, —
Нет, дольше не в силах я ждать!..
Здесь штык или пуля — там воля святая...
Эх, черная ночь, выручай!
Будь узнику ты хоть защитой, родная!..»
— Слушай!..

Чул!.. Шелест... Вот кто-то упал...
приподнялся...
И два раза щелкнул курок...
«Кто идет?..» Тень мелькнула — и выстрел
раздался,
И ожил мгновенно острог.
Огни замелькали, забегали люди...
«Прощай, жизнь, свобода, прощай!» —
Прорвалось стоном из раненой груди...
— Слушай!..

И снова всё тихо... На небе несмело
Луна показалась на миг
И, словно сквозь слезы, из туч поглядела
И скрыла заплаканный лик.

Ввизу ж часовые шагают лениво;
 В ночной тишине то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
 — Слу-шай!..

1864

ДУБИНУШКА

Много песен слышал я в родной стороне,
Как их с горя, как с радости пели,
Но одна только песнь в память врезалась мне,
 Это — песня рабочей артели:
 «Ухни, дубинушка, ухни!
 Ухни, березова, ухни!
 Ух! ..»

За работой толпа, не под силу ей труд,
Ноет грудь, ломит шею и спину...
Но вздохнут бедняки, пот с лица оботрут
 И, кряхтя, запевают дубину:
 «Ухни, дубинушка, ухни!
 Ухни, березова, ухни!
 Ух! ..»

Англичанин-хитрец, чтоб работе помочь,
Вымышлял за машиной машину;
Ухитрились и мы: чуть пришлось невмочь,
 Вспоминаем родную дубину:
 «Ухни, дубинушка, ухни!
 Ухни, березова, ухни!
 Ух! ..»

Да, дубинка, в тебя, видно, вера сильна,
Что творят по тебе так поминки;
Где работа дружной и усердной нужна,
Там у нас, зная, нельзя без дубинки:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух! ..»

Эта песня у нас уж сложилась давно;
Петр с дубинкой ходил на работу,
Чтоб дружной прорубалось в Европу окно, —
И гремело по финскому флоту:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух! ..»

Прорубили окно... Да, могуч был напор
Бессознательной силы... Все стали
Эту силу ценить и бояться с тех пор.
Наши ж деды одно напевали:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух! ..»

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня пошла по наследству.
Чуть на лад что нейдет, так к дубинушке там
Прибегаем как к верному средству:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух! ..»

Эх, когда б эту песню допеть поскорей!
Без дубины чтоб спорилось дело,
И при тяжком труде утомленных людей
 Моноotonно б у нас не гудело:
 «Ухни, дубинушка, ухни!
 Ухни, березова, ухни!
 Ух! ..»

REQUIEM ¹

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружием в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах!

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!

С врагом их, под знаменем тех же идей,
Ведите их бой до конца!
Нет почести лучшей, нет тризны святей
Для тени достойной борца!

1865

¹ Реквием (лат.).

ДУБИНУШКА

По кремнистому берегу Волги-реки,
Надрываясь, идут бурлаки.
Тяжело им, на каждом шагу устают
И «Дубинушку» тихо поют.
Хоть бы дождь оросил, хоть бы выпала тень
В этот жаркий, безоблачный день!
Всё бы легче народу неволю терпеть,
Всё бы легче «Дубинушку» петь.

«Ой, дубинушка, ухнем!» И ухают враз...
Покатились слезы из глаз.
Истомилась грудь. Лямка режет плечо...
Надо «ухать» еще и еще!
...От Самары до Рыбинска песня одна;
Не на радость она создана:
В ней звучит и тоска — похоронный напев,
И бессильный, страдальческий гнев.
Это праведный гнев на злодейку-судьбу,
Что вступила с народом в борьбу
И велела ему под ярмом, за гроши,
Добывать для других барыши...
«Ну, живее!» — хозяин на барке кричит
И костями на счетах стучит...

...Сосчитай лучше ты, борода-грамотей,
Сколько сложено русских костей
По кремнистому берегу Волги-реки,
Нагружая твои сундуки!

1865

ПЕСНЯ О КАМАРИНСКОМ МУЖИКЕ

Ах ты, милый друг, камаринский
Ты зачем, скажи, по улице бежишь?
мужик,
Народная песня

I

Как на улице Варваринской
Спит Касьян, мужик камаринский.
Борода его всклокочена
И дешевкою подмочена;
Свежей крови струйки алые
Покрывают щеки впалые.

Ах ты, милый друг, голубчик мой Касьян!
Ты сегодня именинник — значит, пьян.
Двадцать девять дней бывает в феврале,
В день последний спят Касьяны на земле.
В этот день для них зеленое вино
Уж особенно пьяно, пьяно, пьяно.

Февраля двадцать девятого
Целый штоф вина проклятого
Влил Касьян в утробу грешную,
Позабыл жену сердешную,

И своих родимых деточек,
Близнецов двух, малолеточек.

Заломивши лихо шапку набекрень,
Он отправился к куме своей в курень.
Там кума его калачики пекла;
Баба добрая, румяна и бела,
Испекла ему калачик горячо
И уважила. . . еще, еще, еще.

II

В это время за лучиною
С бесконечною кручиною
Дремлет-спит жена Касьянова,
Вспоминая мужа пьяного:
«Пресвятая богородица!
Где злодей мой хороводится?»

Бабе снится, что в веселом кабаке
Пьяный муж ее несется в трепаке,
То прискочит, то согнется в три дуги;
Истоптал свои смазные сапоги,
И руками и плечами шевелит. . .
А гармоника пилит, пилит, пилит.

Продолжается видение:
Вот приходят в заведение
Гости, старые приказные,
Отставные, безобразные,
Красноносые алтынники,
Всё Касьяны именинники.

Пуще прежнего веселье и содом,
Разгулялся, расплясался пьяный дом.
Говорит Касьян, схватившись за бока:
«А послушай ты, приказная строка,
У меня брячат за пазухой гроши:
Награжу тебя... Пляши, пляши, пляши!»

III

Осерчало *благородие*:
«Ах ты, хамово отродие!
За такое поношение
На тебя подам прошение,
Накладу еще в потылицу!
Целовальник, дай чернильницу!»

Продолжается всё тот же вещий сон:
Вот явился у чиновных у персон
Лист бумаги с государственным орлом.
Перед ним Касьян в испуге бьет челом,
А обиженный куражится, кричит
И прошение строчит, строчит, строчит.

«Просит... имя и фамилия...
Надо мной чинил насилия
Непотребные, свирепые
И гласил слова нелепые:
Звал *строкой* противно званию...
Подлежит сие к поданию...»

Крепко спит-храпит Касьянова жена,
Видит баба, в вещий сон погружена,

Что мужик ее хоть пьян, а не дурак,
К двери пятится сторонкою, как рак.
Не замеченный чиновником-врагом,
И — опять к куме бегом, бегом, бегом.

У кумы же печка топится,
И кума спешит, торопится,
Чтобы трезвые и пьяные
Калачи ее румяные
Покупали, не торгуясь,
На калачницу любуясь.

Эко горе, эко горюшко, хоть плачь!
Подгорел совсем у кумушки калач.
Сам Касьян был в этом горе виноват:
Он к куме своей явился невпопад,
Он застал с дружкой изменницу-куму,
Потому что, потому что, потому...

«Ах ты, кумушка-разлапушка,
А зачем с тобой Потапушка?
Всех людей считая братцами,
Ты не справилась со святцами.
Для Потапа-безобразника
Нынче вовсе нету праздника!»

Молодецки засучивши рукава,
Говорит Потап обидные слова:
«Именинника поздравить мы не прочь,
Ты куму мою напрасно не порочь!»
А кума кричит: «Ударь его, ударь!
Засвети ему фонарь, фонарь, фонарь!»

IV

Темной тучей небо хмурится.
 Вся покрыта снегом улица;
 А на улице Варваринской
 Спит... мертвец, мужик камаринский,
 И, идя из храма божия,
 Ухмыляются прохожие.

Но нашелся наконец из них один,
 Добродетельный, почтенный господин, —
 На Касьяна сердобольно посмотрел:
 «Вишь налопался до чертиков, пострел!»
 И потыкал нежно тросточкой его:
 «Да уж он совсем... того, того, того!»

Два лица официальные
 На носилки погребальные
 Положили именинника.
 Из кармана два полтинника
 Вдруг со звоном покатались
 И... сквозь землю провалились.

Засияло у хожалых «рождество»:
 Им понравилось такое колдовство,
 И с носилками идут они смелей,
 Будет им ужо на водку и елей;
 Марта первого придут они домой,
 Прогулявши ночь... с кумой, с кумой,
 с кумой.

ЯМЩИК

(Из Владислава Сырокомли)

«Мы пьем, веселимся, а ты, нелюдим,
Сидишь, как невольник, в затворе.
И чаркой и трубкой тебя наградим,
Когда нам поведаешь горе.

Не тешит тебя колокольчик подчас,
И девки не тешат. В печали
Два года живешь ты, приятель, у нас:
Веселым тебя не встречали». —

«Мне горько и так, и без чарки вина,
Немило на свете, немило!
Но дайте мне чарку: поможет она
Сказать, что меня истомило.

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, водилась силенка;
И был я с трудом подневольным знаком,
Замучила страшная гонка.

Скакал я и ночью, скакал я и днем;
На водку давали мне баря.
Рублевик получим и лихо кутнем,
И мчимся, по всем приударя.

Друзей было много. Смотритель не злой;
Мы с ним побратались даже.
А лошади! Свистну — помчатся стрелой...
Держися, седок, в экипаже!

Эх, славно я ездил! Случалось, грехом,
Лошадок порядком измучишь;
Зато как невесту везешь с женихом —
Червонец наверно получишь.

В соседнем селе полюбил я одну
Деву. Любил не на шутку;
Куда ни поеду, а к ней заверну,
Чтоб вместе пробыть хоть минутку.

Раз ночью смотритель дает мне приказ:
«Живей отвези востафету!»
Тогда непогода стояла у нас;
На небе ни звездочки нету.

Смотрителя тихо, сквозь зубы, браня
И злую ямщицкую долю,
Схватил я пакет и, вскочив на коня,
Помчался по снежному полю.

Я еду, а ветер свистит в темноте,
Мороз подирает по коже.
Две версты мелькнули, на третьей версте...
На третьей... О господи боже!

Средь посвистов бури услышал я стон,
И кто-то о помощи просит,
И снежными хлопьями с разных сторон
Кого-то в сугробах заносит.

Коня понукаю, чтоб ехать спасти;
Но, вспомнив зрителя, трушу.
Мне кто-то шепнул: на обратном пути
Спасешь христианскую душу.

Мне сделалось страшно. Едва я дышал;
Дрожали от ужаса руки.
Я в рог затрубил, чтобы он заглушал
Предсмертные слабые звуки.

И вот на рассвете я еду назад.
По-прежнему страшно мне стало,
И, как колокольчик разбитый, не в лад
В груди сердце робко стучало.

Мой конь испугался пред третьей верстой
И гриву вскосматил сердито:
Там тело лежало, холстиной простой
Да снежным покровом покрыто.

Я снег отряхнул — и невесты моей
Увидел потухшие очи...
Давайте вина мне, давайте скорей,
Рассказывать дальше — нет мочи!»

Омулевский (И. В. Федоров)

Светаает, товарищ! ..
Работать давай!
Работы усиленной
Требует край. . .

Работай руками,
Работай умом,
Работай без усталы
Ночью и днем!

Не думай, что труд наш
Бесследно пройдет;
Не бойся, что дум твоих
Мир не поймет. . .

Работай лишь с пользой
На ниве людей,
Да сей только честные
Мысли на ней;

А там уж что будет —
То будет пускай. . .
Так ну же работать мы
Дружно давай —

Работать руками,
Работать умом,
Работать без усталы
Ночью и днем!

1867

УТЕС СТЕНЬКИ РАЗИНА

Есть на Волге утес, диким мохом оброс
От вершины до самого края,
И стоит сотни лет, только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная.
На вершине его не растет ничего,
Там лишь ветер свободный гуляет,
Да могучий орел свой притон там завел
И на нем свои жертвы терзает.
Из людей лишь один на утесе том был,
Лишь один до вершины добрался, —
И утес человека того не забыл
И с тех пор его именем звался.
И хотя каждый год по церквам на Руси
Человека того проклинают,
Но приволжский народ о нем песни поет
И с почетом его вспоминает.
Раз ночью порой, возвращаясь домой,
Он один на утес тот взобрался
И в полуночной мгле на высокой скале
Там всю ночь до зари оставался.
Много дум в голове родилось у него,
Много дум он в ту ночь передумал,
И под говор волны, средь ночной тишины,
Он великое дело задумал.

И задумчив, угрюм от надуманных дум,
Он наутро с утеса спустился,
И задумал идти по другому пути —
И идти на Москву он решился.
Но свершить не успел он того, что хотел,
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой да кровавой рукой
Не помог он народному горю.
Не владыкою был он в Москву привезен,
Не почетным пожаловал гостем,
И не ратным вождем, на коне и с мечом,
Он сложил свои буйные кости.
И Степан будто знал, — никому не сказал,
Никому своих дум не поведал;
Лишь утесу тому, где он был, одному
Он те думы хранить заповедал.
И поныне стоит тот утес, и хранит
Он заветные думы Степана;
И лишь с Волгой одной вспоминает порой
Удалое житье атамана.
Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался, —
Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет,
И утес-великан всё, что думал Степан,
Всё тому смельчаку перескажет.

А. У. Порецкий

«Ах, попалась, птичка, стой!
Не уйдешь из сети,
Не расстанемся с тобой
Ни за что на свете!» —

«Ах, зачем, зачем я вам,
Миленькие дети?
Отпустите полетать,
Развяжите сети!» —

«Нет, не пустим, птичка, нет.
Оставайся с нами:
Мы дадим тебе конфет,
Чаю с сухарями!» —

«Ах, конфет я не люблю,
Не хочу я чаю,
В поле мошек я ловлю,
Зернышки собираю». —

«Там замерзнешь ты зимой
Где-нибудь на ветке,
А у нас-то в золотой
Будешь жить ты клетке». —

«Ах, не бойтесь: в теплый край
Улечу зимою,
А в неволе светлый рай
Будет мне тюрьмою!» —

«Птичка, птичка, как любить
Мы тебя бы стали!
Не позволили б грустить:
Всё б тебя ласкали». —

«Верю, детки, но для нас
Вредны ваши ласки, —
С них закрыла бы как раз
Я навеки глазки!» —

«Верно, верно, птичка, ты
Не снесешь неволю!
Ну так бог с тобой, лети!
И живи на воле!»

1860-е годы

Л. Н. Модзалевский

Слети к нам, тихий вечер,
На мирные поля!
Тебе поем мы песню,
Вечерняя заря.

Темнеет уж в долине,
И ночи близок час:
На маковке березы
Последний луч угас.

Как тихо всюду стало,
Как воздух охладел!
И в сонной роще громко
Уж соловей запел.

Слети к нам, тихий вечер,
На мирные поля!
Тебе поем мы песню,
Вечерняя заря.

1860-е годы

ПЕСНЯ

В зеленóм саду соловушка
Звонкой песней заливается;
У меня, у молодешеньки,
Сердце грустью надрывается.

Знать, тогда мне, когда поп крестил,
Вышла доля несчастливая,
Потому что вся я в матушку
Уродилась красивая.

И росла у ней да нежилась
Я на воле, одинешенька;
Богачи, купцы проезжие,
Звали все меня хорошенькой.

Мое личико румяное
Красной зорькой разгоралось,
И косою моей русою
Вся деревня любовалась.

Да сгубил меня мой батюшка,
Выдал замуж за богатого,
На житье отдал на горькое
За седого, бородатого.

Не живу я с ним, а мучаюсь;
Сердце горем надрывается;
Не водою лицо белое,
А слезами умывается.

Что богатство мне без радости?
Без любви душа измаялась.
Без поры-то я, без времени,
Молодешенька, состарилась!

1864

РЯБИНА

«Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?» —

«С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в поле,
Дуб растет высокий.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листьями
День и ночь шепталась...

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться».

1865

В СТЕПИ

Кони мчат-несут,
Степь всё вдаль бежит;
Вьюга снежная
На степи гудит.

Снег да снег кругом;
Сердце грусть берет;
Про моздокскую
Степь ямщик поет...

Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик;

Как в последний свой
Передсмертный час
Он товарищу
Отдавал приказ:

«Вижу, смерть меня
Здесь, в степи, сразит, —
Не попомни, друг,
Злых моих обид.

Злых моих обид,
Да и глупостей,
Неразумных слов,
Прежней грубости.

Схорони меня
Здесь, в степи глухой;
Вороних коней
Отведи домой.

Отведи домой,
Сдай их бабушке;
Отнеси поклон
Старой матушке.

Молодой жене
Ты скажи, друг мой,
Чтоб меня она
Не ждала домой. . .

Кстати ей еще
Не забудь сказать:
Тяжело вдовой
Мне ее кидать!

Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.

Пусть о мне она
Не печалится;
С тем, кто по сердцу,
Обвенчается!»

Замолчал ямщик,
Слеза катится...
А в степи глухой
Вьюга плачется.

Голосит она,
В степи стон стоит,
Та же песня в ней
Ямщика звучит:

«Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик. .»

1865

У МОГИЛЫ МАТЕРИ

Спишь ты, спишь, моя родная.
Спишь в земле сырой.
Я пришел к твоей могиле
С горем и тоской.

Я пришел к тебе, родная,
Чтоб тебе сказать,
Что теперь уже другая
У меня есть мать;

Что твой муж, тобой любимый
Мой отец родной,
Твоему бедняге-сыну
Стал совсем чужой.

Никогда твоих, родная,
Слов мне не забыть:
«Без меня тебе, сыночек,
Горько будет жить!»

Много, много встретишь горя,
Мой родимый, ты;
Много вынесешь несчастья,
Бед и нищеты!»

И слова твои сбылись, —
Все сбылись они.
Встань ты, встань, моя родная,
На меня взгляни!

С неба дождик льет осенний,
Холодом знобит;
У твоей сырой могилы
Сын-бедняк стоит.

В старом, рваном сюртучишке,
В ветхих сапогах;
Но всё так же тверд, как прежде,
Слез нет на глазах.

Знают то судьба-злодейка,
Горе и беда,
Что от них твой сын не плакал
В жизни никогда.

Нет, в груди моей горячей
Кровь еще горит,
На борьбу с судьбой суровой
Много сил кипит.

А когда я эти силы
Все убью в борьбе
И когда меня, родная,
Принесут к тебе, —

Приюти тогда меня ты
Тут, в земле сырой;
Буду спать я, спать покойно
Рядышком с тобой.

Будет солнце надо мною
Жаркое сиять;
Будут звезды золотые
Во всю ночь блистать;

Будет ветер беспокойный
Песни свои петь,
Над могилой серебристой
Тополью шуметь;

Будет вьюга надо мною
Плакать, голосить...
Но напрасно, — сил погибших
Ей не разбудить.

ПЕСНЯ

Эх ты, доля, эх ты, доля,
Доля бедняка!
Тяжела ты, безотраднa,
Тяжела, горька!

Не твою ли это хату
Ветер пошатнул,
С крыши ветхую солому
Разметал, раздул?

И не твой ли под горою
Сгнил дотла овин,
В запустелом огороде
Повалился тын?

Не твоей ли прокатали
Полосой пустой
Мужики дорогу в город
Летнею порой?

Не твоя ль жена в лохмэтьях,
Ходит босиком?
Не твои ли это детки
Просят под окном?

Не тебя ль в пиру обносят
Чаркою с вином,
И не ты ль сидишь последним
Гостем за столом?

Не твои ли это слезы
На пиру текут?
Не твои ли это песни
Грустью сердце жгут?

Не твоя ль это могила
Смотрит сиротой?
Крест свалился, вся размыта
Дождевой водой.

По краям ее крапива
Жгучая растет,
А зимой над нею вьюга
Плачет и поет.

И звучит в тех песнях горе,
Горе да тоска...
Эх ты, доля, эх ты, доля,
Доля бедняка!

Сиротой я росла,
Как былинка в поле;
Моя молодость шла
У других в неволе.

Я с тринадцати лет
По людям ходила:
Где качала детей,
Где коров доила.

Светлой радости я,
Ласки не видала:
Износилась моя
Красота, увяла.

Износили ее
Горе да неволя, —
Знать, такая моя
Уродилась доля.

Уродилась я
Девушкой красивой,
Да не дал только бог
Доли мне счастливой.

Птичка в темном саду
Песни распевает,
И волчица в лесу
Весело играет.

Есть у птички гнездо,
У волчицы дети —
У меня ж ничего,
Никого на свете.

Ох, бедна я, бедна,
Плохо я одета, —
Никто замуж меня
И не взял за это!

Эх ты, доля моя,
Доля-сиротинка!
Что полынь ты трава,
Горькая осинка!

Я ли в поле да не травушка была,
Я ли в поле не зеленая росла;
Взяли меня, травушку, скосили,
На солнышке в поле иссушили.
 Ох ты, горе мое, горюшко!
 Знать, такая моя долюшка!

Я ли в поле не пшеничушка была,
Я ли в поле не высокая росла;
Взяли меня срезали серпами,
Склали меня на поле снопами.
 Ох ты, горе мое, горюшко!
 Знать, такая моя долюшка!

Я ли в поле не калинушка была,
Я ли в поле да не красная росла;
Взяли калинушку поломали
И в жгутики меня посвязали.
 Ох ты, горе мое, горюшко!
 Знать, такая моя долюшка!

Я ль у батюшки не доченька была,
У родимой не цветочек я росла;
Неволей меня, бедную, взяли
И с немилым, седым повенчали.
 Ох ты, горе мое, горюшко!
 Знать, такая моя долюшка!

КАЗНЬ СТЕНЬКИ РАЗИНА

Точно море в час прибоя,
Площадь Красная гудит.
Что за говор? Что там против
Места лобного стоит?

Плаха черная далёко
От себя бросает тень...
Нет ни облачка на небе...
Блещут главы... Ясен день.

Ярко с неба светит солнце
На кремлевские зубцы,
И вокруг высокой плахи
В два ряда стоят стрельцы.

Вот толпа заколыхалась —
Проложил дорогу кнут:
Той дороженькой на площадь
Стеньку Разина ведут.

С головы казацкой сбриты
Кудри черные как смоль;
Но лица не изменили
Казни страх и пытки боль.

Так же мрачно и сурово,
Как и прежде, смотрит он, —
Перед ним былое время
Восстает, как яркий сон:

Дона тихого приволье,
Волги-матушки простор,
Где с судов больших и малых
Брал он с вольницей побор;

Как он с силою казацкой
Рыскал вихорем степным,
И кичливое боярство
Трепетало перед ним.

Душит злоба удалого,
Жжет огнем и давит грудь, —
Но тяжелые колодки
С ног не в силах он смахнуть.

С болью тяжкою оставил
В это утро он тюрьму:
Жаль не жизни, а свободы,
Жалко волюшки ему.

Не придется Стеньке кликнуть
Клич казацкой голытьбе
И призвать ее на помощь
С Дона тихого к себе.

Не удастся с этой силой
Силу ратную тряхнуть,

Воевод, бояр московских
В три погибели согнуть.

«Как над городом Симбирском
(Думу думает Степан)
Рать казацкая побита,
Не побит лишь атаман.

Знать, уж долюшка такая,
Что не пал казак в бою
И сберег для черной плахи
Буйну голову свою.

Знать, уж долюшка такая,
Что на Дон казак бежал,
На родной своей сторонке
Во поиманье попал.

Не больна мне та обида,
Та истома не горька,
Что московские бояре
Заковали казака;

Что на помосте высоком
Поплачусь я головой
За разгульные потехи
С разудалой голытьбой.

Нет, мне та больна обида,
Мне горька истома та,
Что изменною неправдой
Голова моя взята!

Вот сейчас на смертной плахе
Срубят голову мою,
И казацкой алой кровью
Черный помост я полью. .

Ой ты, Дон ли мой родимый!
Волга-матушка-река!
Помяните добрым словом
Атамана-казака! . .»

Вот и помост перед Стенькой. . .
Разин бровью не повел,
И наверх он, по ступеням,
Бодрой поступью взошел.

Поклонился он народу,
Помолился на собор. . .
И палач, в рубахе красной,
Высоко взмахнул топор. . .

«Ты прости, народ крещеный!
Ты прости-прощай, Москва! . .»
И скатилась с плеч казацких
Удалая голова.

Д. Н. Садовников

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выбегают расписные,
Острогрудые челны.

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись с своей княжной,
Свадьбу новую справляет
И веселый и хмельной.

А княжна, склонивши очи,
Ни жива и ни мертва,
Робко слушает хмельные,
Неразумные слова.

«Ничего не пожалею!
Буйну голову отдам!» —
Раздается по окрестным
Берегам и островам.

«Ишь ты, братцы, атаман-то
Нас на бабу променял!
Ночку с нею провозился —
Сам наутро бабой стал...»

Ошалел... Насмешки, шепот
Слышит пьяный атаман —
Персиянки полоненной
Крепче обнял полный стан.

Гневно кровью налилися
Атамановы глаза,
Брови черные нависли,
Собирается гроза...

«Эх, кормилица родная,
Волга-матушка-река!
Не видала ты подарков
От донского казака!..»

Чтобы не было зазорно
Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою, —
На, кормилица... возьми!»

Мощным взмахом поднимает
Полоненную княжну
И, не глядя, прочь кидает
В набежавшую волну...

«Что затихли, удалые?..
Эй ты, Фролка-черт, пляши!..
Грянь, ребята, хорovouю
За помин ее души!..»

С. С. Синегуб

Мучит, терзает головушку бедную
Грохот машинных колес;
Свет застилается в оченьках крупными
Каплями пота и слез.

Грохот машин, духота нестерпимая,
В воздухе клочья хлопка;
Маслом прогорклым воняет удушливо.
Да, жизнь ткача нелегка!

Эх, да зачем же, зачем же вы льетесь,
Горькие слезы, из глаз?
Делу помеха — основа попортится, —
Быть мне в ответе за вас!

Рученьки, ноженьки ноют, сердечные,
Спинушку ломит, бока...
Грохот машин, духота нестерпимая, —
Да, жизнь ткача нелегка!

1874

МАРСЕЛЬЕЗА

●тречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног,
Нам враждебны златые кумиры,
Ненавистен нам царский чертог.
Мы пойдем к нашим страждущим братьям,
Мы к голодному люду пойдем,
С ним пошлем мы злодеям проклятье,
На борьбу мы его поведем.

Вставай, подымайся, рабочий народ,
Иди на врага, люд голодный.
Раздайся клич мести народной:
Вперед, вперед, вперед!

Богачи, кулаки жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд,
Твоим потом жиреют обжоры,
Твой последний кусок они рвут.
Голодай, чтоб они пировали,
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
Чтоб глумились они над тобой.

Вставай, подымайся, рабочий народ,
Иди на врага, люд голодный.
Раздайся клич мести народной:
Вперед, вперед, вперед!

Тебе отдых — одна лишь могила...
Что ни день — недоимки готовь.
Царь-вампир из тебя тянет жилы,
Царь-вампир пьет народную кровь.
Ему нужны для войска солдаты —
Подавай же ему сыновей.
Ему нужны пиры да палаты —
Так давай ему крови своей.

Вставай, подымайся, рабочий народ,
Иди на врага, люд голодный.
Раздайся клич мести народной:
Вперед, вперед, вперед!

Не довольно ли вечного горя?
Встанем, братья, повсюду зараз:
От Днепра и до Белого моря,
От Поволжья по дальний Кавказ,
На воров, на собак, на богатых,
Да на злого вампира-царя...
Бей, губи их, злодеев проклятых,
Засветись, новой жизни заря!

Вставай, подымайся, рабочий народ,
Иди на врага, люд голодный.
Раздайся клич мести народной:
Вперед, вперед, вперед!

И взойдет за кровавой зарею
Солнце правды и братства людей.
Купим мир мы последней борьбою,
Купим кровью мы счастье детей.
И настанет година свободы,
Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,
И сольются в одно все народы
В вольном братстве святого труда.

Вставай, подымайся, рабочий народ,
Иди на врага, люд голодный.
Раздайся клич мести народной:
Вперед, вперед, вперед!

Г. А. Мачтет

Замучен тяжелой неволей,
Ты славною смертью почил.
В борьбе за народное дело
Ты голову честно сложил.

Служил ты недолго, но честно
Для блага родимой земли,
И мы — твои братья по делу —
Тебя на кладбище снесли.

Наш враг над тобой не глумился,
Кругом тебя были свои...
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиные очи твои.

Не горе нам душу давило,
Не слезы блистали в очах,
Когда мы, прощаясь с тобою,
Землей засыпали твой прах.

Нет, злоба нас только душила,
Мы к битве с врагами рвались
И мстить за тебя беспощадно
Над прахом твоим поклялись.

С тобою одна нам дорога:
Как ты, мы в острогах сгнием,
Как ты, для народного дела
Мы головы наши снесем;

Как ты, мы, быть может, послужим
Лишь почвой для новых людей,
Лишь грозным пророчеством новых
Грядущих и доблестных дней...

Но знаем, как знал ты, родимый,
Что скоро из наших костей
Поднимется мститель суровый,
И будет он нас посильней!..

ДОЛЯ

Эх ты, доля, моя доля,
Доля горькая моя,
Ах, зачем ты, злая доля,
До Сибири довела?

Не за пьянство, за буянство
И не за ночной разбой —
Стороны родной лишился
За крестьянский люд честной.

Год несчастный был, голодный,
Стали подати собирать
И крестьянские пожитки
И скотину продавать.

Я от мира с челобитной
К самому царю пошел,
Да схватили по дороге,
До царя я не дошел.

И по царскому велению
За прошение мужиков
Его милости плательщик
Сподобился кандалов,

Далеко село родное,
А хотелось бы узнать,
Удалось ли односельцам
С шеи подати скачать?

1878

ДУБИНУШКА

Много песен слышал я в родной стороне,
В них про радость, про горе мне пели,
Но из песен одна в память врезалась мне —
Это песня рабочей артели.

Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня идет по наследству,
И как только работать нам станет невмочь,
Мы — к дубине, как к верному средству.

Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

Я слышал эту песнь: ее пела артель,
Поднимая бревно на стропила.
Вдруг бревно сорвалось, и умолкла артель, —
Двух здоровых парней придавило.

Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину.
А наш русский мужик, коль работать невмочь,
Так затянет родную дубину.

Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

Тянем с лесом судно, иль железо куем,
Иль в Сибири руду добываем —
С мукой, болью в груди одну песню поем,
Про дубину мы в ней вспоминаем.

Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

И на Волге-реке, утопая в песке,
Мы ломаем и ноги и спину,
Надрываем там грудь, и, чтоб легче тянуть,
Мы поем про родную дубину.

Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

Говорят, что мужик наш работать ленив,
Ну и хлещут в согнутую спину.
Как же нам позабыть про родимый мотив
И не петь про родную дубину!

Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

Деревенский наш поп обирает приход
И мужицкие деньги сгребает.
А наш дьякон с дьячком в этом деле святом
Всё тому же попу помогают.

Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

Но настанет пора — и проснется народ,
Разогнет он могучую спину.
И на бар и царя, на попов и господ
Он отыщет покрепче дубину.

Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

1870-е годы

ПЕСНЯ

Я хочу вам рассказать,
Как нас стали обирать
Дармоеды-кулаки,
Полицейские крючки.
А министры и цари
На нас смотрят издали —
Указ новый написали,
Чтобы чаще обирали,
Попы пьяные орали,
Народ бедный надували.
Царь наш, батюшка-спаситель,
Вашей шайки предводитель,
Хорошо ты управляешь:
Честных в каторгу ссылаешь,
Суд военный утвердил,
Полны тюрьмы понабил,
Запретил всему народу
Говорить ты про свободу.
Кто осмелится сказать —
Велит вешать и стрелять.

1879

ПОХОРОННЫЙ МАРШ

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали всё, что могли, за него,
За честь его, жизнь и свободу!

Порой изнывали вы в тюрьмах сырых...
Свой суд беспощадный над вами
Судьи-палачи уж давно изрекли;
И шли вы, гремя кандалами.

Идешь ты усталый, а цепи гремят...
Закованы руки и ноги.
Спокойно, но грустно свой взор устремил
Вперед по пустынной дороге.

Нагрелися цепи от знойных лучей
И в тело впились змеями,
И каплет на землю горячая кровь
Из ран, растравленных цепями.

Но ты молчаливо оковы несешь,
За дело любви ты страдаешь,
За то, что не мог равнодушно глядеть,
Как брат в нищете погибает.

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Чертит уж рука роковая:

«Падет произвол, и восстанет народ,
Великий, могучий, свободный!»
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь, благородный!

1880-е годы

Меж крутых бережков
Волга-речка течет,
А на ней, по волнам,
Легка лодка плывет.

В ней сидел молодец,
Шапка с кистью на нем.
Он с веревкой в руках
Волны резал веслом.

Он ко бережку плыл,
Лодку вмиг привязал,
Сам на берег взошел,
Соловьем просвистал.

А на берегу том
Высок терем стоял,
В нем красотка жила,
Он ее вызывал.

Одинокой она
Растворила окно,
Приняла молодца
По веревке умно.

Ночку всю пировал
С ненаглядной душой,
Утром рано с зарей
Возвращался домой.

Муж красавицы был
Воевода лихой,
Молодца повстречал
Он в саду над рекой.

Долго бились они
На крутом берегу,
Не хотел уступить
Воевода врагу.

Но последний удар
Их судьбу порешил
И конец их вражде
Навсегда положил.

Волга в волны свои
Молодца приняла,
По реке, по волнам
Шапка с кистью плыла.

1870-е годы

А. Е. Разоренов

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его:
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилось со мной,
Что так рвется ретивое
И терзается тоской.

Всё оно во мне изныло,
Вся горю я, как в огне,
Всё немило, всё постыло,
И страдаю я по нем.

В ясны дни и темны ночи,
И во сне и наяву,
Слезы мне туманят очи,
Всё летела б я к нему.

Мне не нужны все наряды,
Ленты, камни и парчи,
Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли.

Сжался, сжался же, родная,
Перестань меня бранить:
Знать, судьба моя такая,
Что должна его любить.

1880

УДАЛЕЦ

Живет моя зазноба в высоком терему;
В высокий этот терем нет ходу никому;
Но я неожиданным гостем — настанет только ночь—
К желанной во светлицу пожаловать не прочь!
Без шапки-невидимки пройду я в гости к ней!
Была бы только ночка сегодня потемней!..

При тереме, я знаю, есть сторож у крыльца,
Но он не остановит детину-удальца:
Короткая расправа с ним будет у меня —
Не скажет он ни слова, отведав кистеня!
Эх, мой кистень страшнее десятка кистеней!
Была бы только ночка сегодня потемней!..

Войду тогда я смело и быстро на крыльцо;
Забрякает у двери железное кольцо;
И выйдет мне навстречу, и хилый и седой,
Постылый муж зазнобы, красотки молодой,
И он не загородит собой дороги к ней!
Была бы только ночка сегодня потемней!..

Войдет тогда к желанной лихая голова,
Промолвит: будь здорова, красавица вдова!

Бежим со мной скорее, бежим, моя краса,
Из терема-темницы в дремучие леса!
Бежим — готова тройка лихих моих коней!
Была бы только ночка сегодня потемней!
Едва перед рассветом рассеется туман,
К товарищам с желанной примчится атаман;
И будет пир горою тогда в густом лесу,
И удалец женою возьмет себе красу;
Он скажет: не увидишь со мной ты черных
дней!
Была бы только ночка сегодня потемней!..

Пускается темная ноченька...
Хороша эта ночка в лесу!
Выручай меня, силушка-моченька, —
Я неволи в тюрьме не снесу!
Ой! погнулась решетка оконная,
Задрожали в стене кирпичи...
Тише... Стража окликнула сонная:
«Эй, сорви-голова, не стучи!»
Цепь долой!.. Отдохните же, ноженьки,
Без тяжелых железных колец,
Верой-правдой служите в дороженьке:
Из тюрьмы побежит удалец!
Сердце вольное бьется с тревогою...
В жилах кровь закипела ключом...
Дай-ка снова решетку потрогаю,
Принажму молодецким плечом!
Подается решетка... погнулась...
Сорвалась — и упала, звеня...
Стража в душей тюрьме не проснулась...
Ну... теперь не догонят меня!..

1888

ПЕСНЯ

Разгулялася погодушка
 Не маленькая,
Раскачалась березушка
 Кудрявенькая.

Расцвела в саду калинушка
 С малинушкою,
Там слюбилась сиротинушка
 С детинушкою.

Тихо молвила словечушко
 Заманчивое,
Разожгла она сердечушко
 Разгарчивое.

1888

ЛУЧИНУШКА

Ночь темна-темнешенька,
В доме тишина;
Я сижу, младешенька,
С вечера одна.
Словно мать желанная
По сынке родном,
Плачет неустанная
Буря под окном.
До земли рябинушка
Гнется и шумит...
Лучина-лучинушка
Неясно горит.

Затянуть бы звонкую
Песенку живей,
Благо пряжу тонкую
Прясть мне веселей.
Да боюсь батюшку
Свекра разбудить
И свекровь-то матушку
Этим огорчить.
Муженек-детинушка
Беззаботно спит...

Лучина-лучинушка
Неясно горит.

Хорошо девицею
Было распевать,
Горько молодежию
Слезы проливать.
Отдали, несчастную,
В добрую семью,
Загубили красную
Молодость мою.
Мне лиха судьбинушка
Счастья не сулит...
Лучина-лучинушка
Неясно горит.

Я ли не примерная
На селе жена?
Как собака верная,
Мужу предана.
Я ли не охотница
Жить с людьми в ладу?
Я ли не работница
В летнюю страду?
От работы спинушка
И теперь болит...
Лучина-лучинушка
Неясно горит.

Милые родители,
Свахи и родня!

Лучше бы мучители
Извели меня:
Я тогда не стала бы
Сетовать на вас,
Сладко ли вам жалобы
Слышать каждый раз?
Ах! тоска-кручинушка
Сердце тяготит.
Лучина-лучинушка
Неясно горит.

1890

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

Я живу, не унываю,
Никогда не забываю
Завещание отца:
«Сушит горе молодца,
Сокрушает не работа,
А кручина да забота...
Их осилишь как-нибудь,
Только тужиком не будь.
Всё решай напропалую,
Напевая удалую
Под удары трепака
Эту песню бедняка:
«Семь бед, семь бед, —
Всё равно — один ответ!»

Я подумал: быть героем,
Не страшиться перед боем;
Лучше в битве умереть,
Чем бездействуя стареть.
Я боролся — знает небо —
Из-за жизни, из-за хлеба;
Много веры у меня.
Я решительно и твердо
Шел вперед, вступался гордо

За себя и за других,
Незабвенных, дорогих...
Семь бед, семь бед, —
Всё равно — один ответ!

Не проклятия и ропот —
Из всего я вынес опыт:
Торжествует в мире зло,
Многим очень тяжело...
Там, где чувство невозможно,
Доверяйся осторожно;
Удалец-голова,
Строго взвешивай слова!
Мудреца узнаешь в споре,
Друга истинного — в горе,
Сердце женское — в любви...
И по-моему живи:
Семь бед, семь бед, —
Всё равно — один ответ!

Я богатством не пленяюсь,
За довольством не гонюсь,
Сказка — складка, песня — быль.
Про себя поет бобыль:
Унижаться не умею,
Оттого и не имею
Лишних денег, но живу,
Бедняком хотя слыву;
Мне в углу своем не тесно,
И да будет всем известно:
Люди сильные, я вам
Обижать себя не дам!..

Семь бед, семь бед, —
Всё равно — один ответ!

Себялюбием не болен,
Долей скромною доволен,
Честным людям друг и брат,
Я помочь всегда им рад.
Точно солнышко в ненастье,
Мило мне чужое счастье;
Одиноким, счастливым им,
Этим счастьем чужим. . .
Да, люблю я жизнь, но верьте,
Не боюсь я грозной смерти, —
Силы есть и молод я. . .
Не страшит она меня:
Семь бед, семь бед, —
Всё равно — один ответ!

1890

Г. М. Кржижановский

Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами,
Грозите свирепо тюрьмой, кандалами!
Мы вольны душою, хоть телом попраны.
Позор, позор, позор вам, тираны!

Пусть слабые духом трепещут пред вами,
Торгуют бесстыдно святыми правами;
Телесной неволи не страшны нам раны.
Позор, позор, позор вам, тираны!

За тяжким трудом, в доле вечного рабства,
Народ угнетенный вам копит богатства,
Но рабство и муки не сломят титана!
На страх, на страх, на страх вам, тираны!

Кровавые слезы потоком струятся,
Враги беспощадно над слабым глумятся,
Но рухнут пред сильным коварные планы!
На страх, на страх, на страх вам, тираны!

Сверкайте штыками, грозите плетями,
Ваш собственный страх не сковать вам цепями.
Пределы насилью вашему даны.
И смерть, и смерть, и смерть вам, тираны!

От пролитой крови заря заалела,
Могучая всюду борьба закипела,
Пожаром восстанья объяты все страны.
И смерть, и смерть, и смерть вам, тираны!

1897

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут;
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы неизвестные ждут.

Но мы подыдем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу!

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ! ¹

Мрет в наши дни с голодухи рабочий.
Станем ли, братья, мы дальше молчать?
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?

В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песней победной
Станут священные миллионам людей.

¹ Припев исполняется два раза.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Нам ненавистны тиранов короны,
Цепи народа-страдальца мы чтим,
Кровью народной залитые троны
Кровью мы наших врагов обогрим.

Мечь беспощадная всем супостатам,
Всем паразитам трудящихся масс!
Мщенье и смерть всем царям-плутократам!
Близок победы торжественный час!

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд,
Но день настанет неизбежный,
Неумолимо грозный суд!

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет:
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Пусть слуги тьмы хотят насильно
Связать разорванную сеть, —
Слепое зло падет бессильно,
Добро не может умереть!

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет:

То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Бездушный гнет, тупой, холодный,
Готов погибнуть наконец.
Нам будет счастьем труд свободный,
И братство даст ему венец.

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет:
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Смелей, друзья! Идем все вместе
Рука с рукой и мысль одна!
Кто скажет буре: стой на месте?
Чья власть на свете так сильна?

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет:
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Долой тиранов! Прочь оковы!
Не нужно старых, рабских пут!
Мы путь земле укажем новый —
Владыкой мира будет труд!

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет:
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на чем.

1897

Л. П. Радин

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнув в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
«Братский союз и свобода» —
Вот наш девиз боевой!

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил;
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил!

Время за дело приняться,
В бой поспешим поскорей.
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей?

Всё, чем их держатся троны, —
Дело рабочей руки.
Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки.

С верой святой в наше дело,
Дружно сомкнувши ряды,
В битву мы выступим смело
С игом проклятой нужды.

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда!

1897

Снова я слышу родную «Лучину».
Сколько в ней горя, страданий и слез, —
Видно, свою вековую кручину
Пахарь в нее перенес.

Сидя за прялкой, в осеннюю вьюгу,
Пела, быть может, крестьянка в тиши
И поверяла той песне, как другу,
Жгучую скорбь наболевшей души.

Полно! Довольно про горе ты пела...
Прочь этот грустный, унылый напев, —
Надо, чтоб песня отвагой гремела,
В сердце будила спасительный гнев!

Зреет в народе могучая сила,
Край наш стоит на широком пути,
То, что страдальца-мать выносила,
Сын-богатырь не захочет снести.

Мысли живой не задушит в нем голод,
Сил молодых не надломит борьба.
Смело возьмет он тяжелый свой молот
И разобьет им оковы раба.

Смелей, друзья, идем вперед,
Будя в сердцах живое пламя,
И наше дело не умрет,
Не сломят бури наше знамя!

Победы уж не долго ждать:
Проснулась мысль среди рабочих,
И зреет молодая рать
В немой тиши зловещей ночи.

Она созреет... **И** тогда,
Стряхнув, как сон, свои оковы,
Под красным знаменем труда
Проснется Русь для жизни новой!

1900

П. Г. Горюхов

Измученный, истерзанный
Работой трудовой,
Идет, как тень загробная,
Наш брат мастеровой.

С утра до темной ноченьки
Стоит за верстаком,
В руках пила тяжелая
С пудовым молотком.

Он бьет тяжелым молотом,
Копит купцу казну;
А сам страдает голодом,
Порой несет нужду.

Купец к нему ласкается,
Коль нужен он ему,
А нет — так издевается
И гнет его в дугу.

Придет зима холодная,
Купец дает расчет,
И вся семья голодная
Тут по миру пойдет.

Придешь в семью домашнюю,
Заплачешь, как дитя.
О братцы, жить ведь хочется,
А жить никак нельзя.

1900

ПЕСНЬ ПРОЛЕТАРИЕВ

(На мотив «Марсельезы»)

Мы «Марсельезы» гимн старинный
На новый лад теперь споем,
И пусть трепещут властелины
Перед проснувшимся врагом!
Пусть песни мощной и свободной
Их поразит, как грозный бич,
Могучий зов, победный клич,
Великий клич международный:
 Пролетарии всех стран,
 Соединяйтесь в дружный стан!
 На бой, на бой,
 На смертный бой
 Вставай, народ-титан!
Веками длится бой упорный...
Не раз мятежною рукой
Народ платил за гнет позорный
И разрушал за строем строй...
Но никогда призыв свободный
Такою мощью не дышал,
Такой угрозой не звучал,
Как этот клич международный:

Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан!

Силен наш враг — буржуазия!
Но вслед за ней на страшный суд,
Как неизбежная стихия,
Ее могильщики идут.
Она сама рукой беспечной
Кует тот меч, которым мы,
Низвергнув власть позорной тьмы,
Проложим путь к свободе вечной...

Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан!

Не устршит нас бой суровый...
Нарушив ваш кровавый пир,
Мы потеряем лишь оковы,
Но завоюем целый мир!
Дрожите ж, жалкие тираны!
Уже подхвачен этот зов:
Под красным знаменем борцов
Уж поднимаются все страны!..

Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан!

В стране, подавленной бесправьем, —
Вам слышно ль? — близок ураган:
То в смертный бой с самодержавьем
Вступает русский великан.
Перед зарею пробужденья
Уже бледнеет ваша тень...
Вперед на бой! Пред нами день —
Великий день освобожденья...
 Пролетарии всех стран,
 Соединяйтесь в дружный стан!
 На бой, на бой,
 На смертный бой
 Вставай, народ-титан!

1902

КАМЕНЩИК

«Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?» —
«Эй, не мешай нам, мы заняты делом.
Строим мы, строим тюрьму». —

«Каменщик, каменщик с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?» —
«Верно, не ты и не твой брат, богатый.
Незачем вам воровать». —

«Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?» —
«Может быть, сын мой, такой же рабочий.
Тем наша доля полна». —

«Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нес кирпичи!» —
«Эй, берегись, под лесами не балуй...
Знаем всё сами, молчи!»

1901

ВАРЯГ

Наверх, о товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!

Все вымпелы вьются, и цепи гремят,
Наверх якоря поднимая,
Готовятся к бою орудий ряды,
На солнце зловеще сверкая.

От пристани верной мы в битву идем
Навстречу грозящей нам смерти,
За родину в море открытом умрем,
Где ждут желтолицые черти!

Свистит, и гремит, и грохочет кругом
Гром пушек, шипенье снаряда,
И стал наш бесстрашный, наш верный
«Варяг»

Подобным крошечному аду!

В предсмертных мученьях трепещут тела,
Вкруг грохот, и дым, и стенанья,
И судно охвачено морем огня,
Настала минута прощанья.

Прощайте, товарищи! с богом, ура!
Кипящее море под нами!
Не думали мы еще с вами вчера,
Что нынче уснем под волнами!

Не скажут ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят вовек
Геройскую гибель «Варяга»!

1904

НА РОДИНЕ

От павших твердынь Порт-Артура,
С кровавых Маньчжурских полей
Калека солдат истомленный
К семье возвращался своей.

Спешил он жену молодую
И малого сына обнять,
Увидеть любимого брата,
Утешить родимую мать.

Пришел он... В убогом жилище
Ему не узнать ничего:
Другая семья там ютится,
Чужие встречают его...

И стиснула сердце тревога:
Вернулся я, видно, не в срок...
«Скажите, не знаете ль, братья,
Где мать? .. где жена? .. где сынок? ..» —

«Жена твоя... Сядь... Отдохни-ка...
Небось твои раны болят». —

«Скажите скорее мне правду...
Всю правду!» — «Мужайся, солдат...

Толпа изнуренных рабочих
Решила пойти ко дворцу
Защиты искать... с челобитной
К царю, как к родному отцу...

Надевши воскресное платье,
С толпою пошла и она,
И... насмерть зарублена шашкой
Твоя молодая жена...» —

«Но где же остался мой мальчик?
Сынок мой? ..» — «Мужайся, солдат...
Твой сын в Александровском парке
Был пулею с дерева снят...» —

«Где мать?» — «Помолитесь к Казанской
Давно уж старушка пошла...
Избита казацкой нагайкой,
До ночи едва дожила...» —

«Не всё еще взято судьбою!
Остался единственный брат,
Моряк, молодец и красавец...
Где брат мой?» — «Мужайся, солдат! ..» —

«Неужто и брата не стало?
Погиб, знать, в Цусимском бою?» —
«О нет... Не сложил у Цусимы
Он жизнь молодую свою...»

Убит он у Черного моря,
Где их броненосец стоит...
За то, что вступился за правду,
Своим офицером убит».

Ни слова солдат не промолвил,
Лишь к небу он поднял глаза.
Была в них великая клятва
И будущей мести гроза...

1905

НА ДЕСЯТОЙ ВЕРСТЕ ОТ СТОЛИЦЫ...

(Памяти жертв 9 января)

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И целует болотный туман...
В январе эти птицы видали,
Как солдаты на поле пришли,
Как всю ночь торопливо копали
Полумерзлые комья земли;
Как носилки, одну за другою,
С мертвецами носили сюда,
Как от брошенных тел под землю
Расступалась со свистом вода.
Как холодное тело толкали
Торопливо в рогожный мешок,
Как в мешке мертвеца уминали,
Как сгибали колена у ног...
И видали зловещие птицы
(Не могли этой ночью заснуть),
Как бледнели солдатские лица,
Как вздыхала солдатская грудь...

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И болотный целует туман...
Под глубоким, пушистым налетом
Ослепительно-белых снегов
Мертвецы приютились — счетом
Девяносто рогожных мешков...
Нераздельною, братской семьею
Почиют они в недрах земли:
Кто с пробитой насквозь головою,
Кто с свинцовою пулей в груди...
И зловещие видели птицы,
Как в глубокий вечерний туман
Запыленные, грязные лица
Приходили на этот курган...
Как печально и долго стояли,
И пред тем, как с холма уходить,
Всё угрозы кому-то шептали
И давали обет отомстить! .

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И болотный целует туман...
В мае птицы зловещие эти
У кургана видали народ,
И мельканье противное плети,
И пронзительный пули полет;
Как, измучившись тяжкой борьбой
И неравной, толпа подалась,
Как кровавое знамя родное

Казакom было втоптанo в грязь...
Но зловещие птицы узреют —
И близка уже эта пора! —
Как красавое знамя завает
Над вершиной родного холма!

1905

ДЕРЗОСТИ СЛАВА

Жить в потемках мы устали.
Мы проснулись, мы восстали —
Слишком долго боя ждали,
Жаждем жизни молодой.
Прочь беспомощные страхи,
Глубже взгляды, шире взмахи,
Больше дерзости святой!

Много надо рук упорных,
Чтоб из глыб слепых и черных
В наших домнах, в наших горнах
Полосой сверкнул металл.
Больше страсти, больше жару,
Подставляйте грудь пожару,
Чтоб металлу дать закал.

Выше факел подымайте,
В душах пламя зажигайте,
Ошибайтесь, но дерзайте:
Пролетит веков гряда —
Только то, что силой взято,
Будет живо, будет свято,
Будет взято навсегда.

1905

МЫ КУЗНЕЦЫ...

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы к счастью ключи!
Вздымайся выше, тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи!
Мы светлый путь куем народу,
Мы счастье родине куем...
В горне желанную свободу
Горячим закалим огнем.
Ведь после каждого удара
Редет тьма, слабеет гнет,
И по полям родным и ярам
Народ измученный встает.

1912

А. М. Горький

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно,
Дни и ночи часовые
Стерегут мое окно.

Как хотите стерегите,
Я и так не убегу.
Мне и хочется на волю —
Цепь порвать я не могу.

И-эх вы, цепи, мои цепи.
Вы железны сторожа,
Не порвать мне, не разбить вас
Никому и никогда.

1902

ПРИМЕЧАНИЯ

Сведения о помещенных в сборнике песнях и их авторах даются здесь краткие. Более подробные см. в сборниках: «Песни русских поэтов» (XVIII—первая половина XIX века). Редакция, статья и комментарии Ив. Н. Розанова. «Библиотека поэта». Большая серия. Л., 1936, 626 стр., и «Русские песни XIX века». Составил Ив. Н. Розанов. М., 1944, 435 стр. Даты помещены под стихотворениями. В тех случаях, когда дата написания неизвестна, указана дата первой публикации. Определение степени распространенности и популярности той или другой редакции песни, того или другого напева не входило в задание данного сборника. Эта тема, к сожалению, пока еще слишком мало разработана.

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859) — автор «Семейной хроники» и других произведений. Стихов писал мало. «Уральский казак» является подражанием «Черной шали» Пушкина. Песня проникла в фольклор. Ряд вариантов ее бытует и сейчас.

Аммосов Александр Николаевич (1823—1866) — поэт, почти не выступавший в пе-

чати. Из напечатанных им стихотворений наиболее популярны «Серенада» («Город спит в дали туманной...») и шуточное «Ах, зачем я не бревно...». Его «Элегия» в народной переделке стала популярнейшей песней «Хас-Булат удалой!..».

А н о р д и с т Н. — псевдоним, вероятно анаграмма фамилии Радостин. В 1840 г. вышел в Москве «Альманах на 1840 г. Н. Анордиста». Там помещено четыре стихотворения под одним и тем же заглавием «Тройка». Одной из четырех «Троек» необычайно повезло в фольклоре: первая строфа была выброшена, а начиная со стиха «Вот на пути село большое» стихотворение стало популярной песней (музыка П. П. Булахова).

Архангельский В. Г. Никаких сведений о нем разыскать не удалось. Стихотворение «В дороге» по содержанию напоминает более известное стихотворение А. Толстого «Колодники». Ничего революционного в них не было; они изображали только страдания гонимых на каторгу (у Архангельского «Идет он усталый, и цепи звенят...» и т. д.) О том, как это произведение легло в основу «Похоронного марша», см. в книге М. Друскина «Русская революционная песня». М., 1954. Здесь воспроизводится текст похоронного марша, в котором из стихотворения «В дороге» осталось только три средних строфы.

Б а т ю ш к о в К о н с т а н т и н Н и к о л а е в и ч (1787—1855) — поэт, один из ближайших пред-

шественников А. С. Пушкина. Единственное стихотворение Батюшкова, ставшее широко известной песней, — «Разлука». Музыка, по преданию, принадлежит М. Ю. Вельегорскому. Песня проникла и в лубок и в народную драму.

Бестужев Михаил Александрович (1800—1871) — поэт-декабрист. Песня «Что не ветер шумит во сыром бору...» была написана Бесужевым в каторжной тюрьме; пользовалась большой популярностью среди ссыльных декабристов. Песня посвящена восстанию Черниговского полка и руководителю этого восстания — С. И. Муравьеву-Апостолу.

Богданов Василий Иванович (1838—1886) — врач и поэт, сотрудник сатирических и юмористических журналов, автор легальной «Дубинушки». Припев взят у бурлаков.

Богданович Ипполит Федорович (1743—1803) — поэт, автор поэмы «Душенька». Песенный текст «Пятнадцать мне минуло лет...» значительно отличается от авторского. Например, вместо стиха «Любовь и я ему явлю» в песенном тексте — «Я ничего не посулю».

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924). Из всех стихотворений Брюсова только «Каменщик» стало песней, пользовавшейся широкой популярностью.

Вельтман Александр Фомич (1800—1870) более известен как беллетрист и археолог, но свое литературное поприще начал стихотворными поэмами. В одной из них — «Муромские леса» — есть «Песня разбойников» («Что отуманилась, зоренька ясная...»), которая вошла в фольклор. Положена на музыку А. Е. Варламовым. Песенная практика внесла некоторые мелкие изменения: «затуманилась» вместо «отуманилась» и др.

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — поэт, критик, один из друзей Пушкина. «Тройка» — единственное из его стихотворений, ставшее популярной песней (музыка П. П. Булахова). Поучительно, каким переделкам подверглось оно в песенном быту. Во-первых, оно, состоявшее из 10 четверостиший, было сокращено. Выпущены куплеты, где были слова, не подходящие к народной песне, например «думы томной». Во-вторых, из четырех куплетов (6—9), где дается ряд предположений, зачем и куда идет путник, сохранен только шестой, где самое важное из предположений — «по неволе, иль по воле». В-третьих, добавлен в одном из лучших вариантов переделок бодрый оптимистический конец:

Вот вдали село большое.
Сразу ожил мой ямщик, —
Песней звонкой, удаюю
Залился он в тот же миг.

В-четвертых, прибавлен припев:

Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке моей.

Это может относиться только к ямщику, а не к путнику. В общем, вместо 40 строк, как у Вяземского, песня в одной из лучших народных переделок занимает всего 28 строк, из которых 12 — припев. Текст указанной лучшей переделки см. в сборнике «Русские песни XIX века» (М., 1944, стр. 402—403).

Глебов Дмитрий Петрович (1789—1843). В книге «Элегии и другие стихотворения Дмитрия Глебова» (1827) помещено 6 песен. Из них две — подражание народным. В песенниках часто встречается «Скучно, матушка, мне сердцем жить одной...». Почти совпадающую песню находим в песеннике Н. Львова 1790 г. Глебов слегка ее видоизменил.

Глинка Федор Николаевич (1786—1880) — поэт-декабрист, активный член тайных обществ. Был сослан в Карелию. Из стихотворений Ф. Глинки исключительная судьба выпала на долю его «Тройки». Первоначально эта песня входила как часть в стихотворение «Сон русского на чужбине». В песенники и в быт вошел измененный, а не авторский текст. Три последние строфы авторского текста в песенном быту выбрасываются. «Песня узника» пользовалась популярностью, особенно в Сибири; нередко приписывалась Рылееву, Полежаеву и др. Здесь дается авторский текст.

сокращенный в соответствии с теми изменениями, которые внес народ.

Гольц-Миллер Иван Иванович (1842—1871) — поэт-революционер, участник кружка Зайчневского. Его песня «Слу-шай!» стала революционной. Музыка П. Сокальского.

Горохов Прохор Григорьевич (1869—1925) — поэт из крестьян Калужской губернии. В конце 90-х годов переехал в Москву, где работал мастеровым. В 1903 году стал членом суриковского литературного кружка. Писал песни, печатая их в разных лубочных сборниках. Популярной стала песня «Измученный, истерзанный...»

Горький Алексей Максимович (1868—1936). «Солнце всходит и заходит...» — песня из пьесы «На дне». Авторство Горького устанавливается следующей его записью в одной из записных книжек:

«Из всего сказанного мною широко принята и у всех в памяти песенка:

Как хотите стерегите,
Я и так не убегу.
Мне и хочется на волю —
Цепь порвать я не могу».

Песня приобрела широкую популярность сразу после появления пьесы, а в период революции

1905 г. песня выходила в отдельных изданиях и проникла в деревню.

В песенной практике обычно прибавлялись еще две строфы:

Не гулять мне, как бывало,
По родимым по полям, —
Моя молодость завяла
По острогам и тюрьмам.

Ах ты, ворон, черный ворон,
Что ты вьешься надо мной?
Иль почуял ты добычу?
Черный ворон, я не твой!

Гребенка Евгений Павлович (1812—1848) — украинский и русский беллетрист и поэт. Из его произведений две песни вошли в фольклор: «Молода еще девица я была...» (музыка А. М. Лерме) и «Поехал далеко казак на чужбину...».

Давыдов Дмитрий Павлович (1811—1888). Родился в г. Ачинске Енисейской губернии, занимался педагогической деятельностью и краеведением. Сотрудничал в газете «Золотое руно», издававшейся в Петербурге, в которой в 1858 г. поместил стихотворение «Думы беглеца на Байкале», ставшее в измененном виде популярнейшей песней. Положено на музыку Б. Буниным, В. Шехтером.

Дельви́г Анто́н Анто́нович (1798—1831) — поэт, лицейский товарищ и друг Пушкина. Редактор «Литературной газеты». Склонность к песенной лирике очень заметна в его творчестве и проявилась рано: первая дошедшая до нас «Русская песня» написана Дельвигом в 1812 г. Он сам пел свои песни под аккомпанемент рояля. Два своих стихотворения он назвал «застольными песнями», четыре — просто «песнями», одно — «украинской мелодией», семь — «романсами», двенадцать — «русскими песнями». Наибольший успех имели последние, а среди них особенно «Соловей мой, соловей. . .» (музыка А. А. Алябьева). Авторский текст песни «Не осенний мелкий дождичек. . .» неизвестен, однако М. И. Глинка свидетельствует в своих «Записках», что песня эта была написана для него Дельвигом. «Ах ты, ночь ли. . .» положена на музыку также М. И. Глинкой. Песню «Пела, пела пташечка. . .» положил на музыку А. Г. Рубинштейн.

Державин Гавриил Романович (1743—1816). По указанию Я. К. Грота, «Пчела» «долго пелась по всей России».

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) — поэт, сподвижник Карамзина в формировании русского сентиментализма. В течение своей литературной деятельности И. И. Дмитриев написал 17 стихотворений, которые он обозначил как «песни». Некоторые из них стали популярными песнями-романсами, но исключительный успех вы-

пал на долю самой ранней его песни — «Стонет сизый голубочек...» (положено на музыку Ф. М. Дубянским, Э. Ф. Направником). Песня «Ах! когда б я прежде знала...» положена на музыку А. А. Алябьевым.

Дрожжин Спиридон Дмитриевич (1848—1930) — известный крестьянский поэт, продолжатель традиций Кольцова, Никитина, Сурикова, находившийся под сильным влиянием Некрасова. Родился в Тверской губернии, куда и вернулся после годов скитаний и где стал жить начиная с 1896 г. Занимался не только литературной деятельностью, но и земледельческим трудом.

Ершов Петр Павлович (1815—1869) — автор «Конька-Горбунка». Песней «Вдоль по улице широкой...» начинается его драматический отрывок «Фома-кузнец».

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852). Свои стихотворения нередко озаглавливал «песнями», но только одна из них стала популярной, вошла в песенники и в репертуар шарманок — «Кольцо души-девицы...» (музыка А. А. Алябьева). Кроме того, в песенниках часто встречалось начало баллады «Светлана» — «Раз в крещенский вечерок...» (музыка А. Е. Варламова).

Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852) — исторический романист и драма-

тург. В либретто к опере А. Н. Верстовского «Аскольдова могила» (по своему одноименному роману) Загоскин вставил несколько сочиненных им песен. Необычайный успех оперы сделал популярными эти песни.

Ибрагимов Николай Мисайлович (1778—1818). Служил инспектором Казанской гимназии, а за год до смерти был избран адъюнкт-профессором Казанского университета. Стих «С милым рай и в шалаше» из песни «Вечерком красна девица...» обратился в пословицу. Наибольшую популярность приобрела его песня «Во поле березонька стояла...»

Ильин Николай Иванович (1773—1823) — драматург, автор драмы «Великодушие, или Рекрутский набор», имевшей шумный успех. «Солдатская песня» вошла в фольклор в переработанном виде.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826). Поэт, прозаик, автор «Истории Государства Российского», глава сентиментального направления в поэзии. «Веселый час» — наиболее популярная песня Карамзина.

Клеменц Дмитрий Александрович (1848—1914) — революционер-земледелец. В Сибири, куда он был сослан, стал заниматься этнографией. Песня «Доля» впервые напечатана была в нелегальном «Сборнике новых песен и стихов»

(1873). Позднее в песенной переработке пятая строфа («И по царскому велению» и т. д.) заменена была новой:

Очутился я в Сибири,
В шахте темной и сырой.
Там товарища я встретил:
Здравствуй, друг, и я с тобой!

Коваленский Илья Михайлович (1790—1855). Начальный стих «За горами, за долами» повторяет первый стих популярной в начале XIX века песни С. Митрофанова. В «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (1814), где впервые без указания автора напечатана песня Коваленского, отмечено, что и поется она на тот же голос. И. М. Коваленский — один из предков поэта А. Блока — дружил с водевилистом А. И. Писаревым; в печати почти не выступал. Песня его проникла в лубок. Фраза «Бонапарту не до пляски, растерял свои подвязки» вошла в поговорку.

Козлов Иван Иванович (1779—1840) — поэт-романтик, последователь Жуковского. Из стихотворений его наибольшую популярность приобрел вольный перевод из Томаса Мура «Вечерний звон» (положено на музыку А. А. Алябьевым, А. Т. Гречаниновым и др.).

Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842). В единственном прижизненном

издании «Стихотворений Кольцова» (1835) было помещено 18 произведений. Из них девять, т. е. половина, — песни. Песни Кольцова получили высокую оценку Белинского, а затем Добролюбова и Чернышевского. Белинский особенно высоко ставил «Первую песню Лихача Кудрявича». Здесь он находил «изумительное богатство самых роскошных, самых оригинальных образов в высшей степени русской поэзии». Необычайному успеху песен Кольцова способствовала и музыка таких композиторов, как М. А. Балакирев, А. Е. Варламов, А. Л. Гурилев, М. П. Мусоргский и др.

Коц Аркадий Яковлевич (1872—1943) — автор русского перевода-переделки «Интернационала» Эжена Потье; этот перевод стал гимном партии большевиков. По образованию горный инженер. Будучи в конце прошлого века за границей, близко сошелся с русскими революционерами-эмигрантами. В период революции 1905 г. вел пропагандистскую работу на юге России. В 1907 г. выпустил под псевдонимом «Д-н» сборник «Песни пролетариев», конфискованный царской цензурой. В последние годы много работал над переводами из Э. Потье.

Красов Василий Иванович (1810—1855) — поэт, один из участников «кружка Станкевича». Стихотворения его изданы были после смерти автора П. Шейным, в 1859 г. Книга скоро стала редкой, так как большое количество экземпляров сгорело. В этой книжке 12 стихотворений

названы «песнями», но в большинстве случаев это романсы. Как пример песни, выдержанной по языку в народном духе, характерна «Уж как в ту ли ночь...». Из романсов наибольшую популярность приобрели «Стансы», подвергшиеся некоторой переработке, например первая строка «Опять пред тобой я стою очарован» обычно поется: «Я вновь пред тобою стою очарован», что является более звучным.

Крестовский Всеволод Владимирович (1840—1895) — беллетрист, автор романа «Петербургские трущобы». Его стихотворение «Полоса» стало песней, популярной в революционной среде.

Кржижановский Глеб Максимилианович (род. 1872) — известный революционный деятель, старый большевик. В 1897 г. в Бутырской тюрьме, куда он был заключен по делу ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», перевел польские революционные песни: «Варшавянку» («Вихри враждебные веют над нами...»), написанную В. Свенцицким в 1883 г., «Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами...» и «Красное знамя» (написано Червинским). Музыка к «Варшавянке» и «Беснуйтесь, тираны...» была написана В. Белым. При переводе песни были значительно переделаны Г. М. Кржижановским, поэтому их можно считать песнями русской революционной социал-демократии. Песни Кржижановского пользовались огромной популярностью в революционной среде.

Нет ни одного сборника песен борьбы, в котором они не были бы помещены.

Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868) — драматург, поэт, прозаик. Представитель вульгарного романтизма 30—40-х годов XIX века. Его произведения имели шумный, но недолговечный успех: они были осмеяны за ходульность и забыты. М. И. Глинка положил на музыку некоторые его стихотворения, в том числе — «Ходит ветер у ворот...» и «Жаворонок».

Курочкин Василий Степанович (1831—1875) — революционный поэт и переводчик 60-х гг. XIX века, редактор известного сатирического журнала «Искра».

«Старый капрал» — перевод стихотворения Беранже (положен на музыку А. С. Даргомыжским). «Долго нас помещики душили...» приписывается В. С. Курочкину; впервые напечатано в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия», составленном Н. П. Огаревым и вышедшем в Лондоне в 1861 г. Но до этого стихотворение было положено на голос и пелось в среде революционно настроенной интеллигенции.

Лавров Петр Лаврович (1823—1900) — социолог и публицист-народник. В 1873—1877 гг. издавал за границей журнал «Вперед» и газету под тем же названием. Песня «Отречемся от старого мира...» была напечатана в 1875 г. Она пелась

революционерами на несколько измененный мотив французской революционной песни «Марсельеза», отчего и сохранилось за ней такое название.

Лажечников Иван Иванович (1792—1869) — исторический романист. Стихотворение Лажечникова, ставшее популярной песней «Сладко пел душа-соловушка...» (музыка А. А. Алябьева), входит в его исторический роман из эпохи Петра I «Последний Новик». Отнесена эта песня автором к глубокой древности: в петровскую эпоху ее поют как «заветную» песню старины.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841). Песнями стали многие из его стихотворений, которым он не давал названия «песня». Популярными стали песни «Тростник», «Тамара» (положено на музыку М. А. Балакиревым, Э. Ф. Направником), «Выхожу один я на дорогу...» (музыка П. П. Булахова) и др. Особый успех имели песни, в которых разработана тема узника: «Соседка», «Узник». Последний прочно вошел в фольклор, вызвав ряд переделок. Ряд песен Лермонтова посвящен Кавказу: «Тамара», «Сон» (положено на музыку М. А. Балакиревым и др.), «Казачья колыбельная песня». Последняя, особенно восхищавшая Белинского, обнаруживает хорошее знание казачьих гребенских народных песен. Более двадцати композиторов положили ее на музыку (А. Е. Варламов, А. Т. Гречанинов, Э. Ф. Направник и др.). «Парус» и «Отворите мне темницу...» положены на музыку А. Г. Рубинштейном и др.

«Сон» — М. А. Балакиревым и др. «Два великана» — Э. Ф. Направником.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765). «Ночную темнотою...» напечатано в «Риторике» Ломоносова 1748 г. в качестве примера басни. Уже в XVIII веке стало встречаться в песенниках. Народную переработку см. «Песни, собранные П. В. Киреевским» (новая серия, вып. 1, ч. I, 1851).

Майков Аполлон Николаевич (1821—1897). Некоторые его стихотворения стали романами; на «Колыбельную песню» музыка написана П. И. Чайковским.

Макаров И. Автор слов, как указано в нотах, романса «Однозвучно гремит колокольчик...», популярного и в наше время. Автор музыки — А. Л. Гурилев.

Мачтет Григорий Александрович (1852—1901) — беллетрист, принимал участие в революционном движении. В 1876 г. был арестован. Тогда же написано им стихотворение «Замучен тяжелой неволей...», посвященное «замученному в остроге студенту Чернышеву». Впервые напечатано в 1876 г. за границей в издававшейся П. Л. Лавровым газете «Вперед». Стихотворение стало одной из популярнейших революционных песен. Эту песню очень любил В. И. Ленин.

Межевич Василий Степанович (1814—1849) — малоизвестный журналист и драматург 40-х гг. XIX века. Стихотворение «Что за песни, что за песни...» попало в песенники. «Песня моряка» (из переведенной с французского драмы «Артур, или Шестнадцать лет спустя»), подвергнувшись существенной переработке, стала популярной песней, дошедшей до наших дней.

Мей Лев Александрович (1822—1862) — поэт и драматург славянофильской ориентации. Музыка на «Запевку» написана была М. А. Балакиревым, и позднее — А. К. Глазуновым.

Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) — профессор Московского университета, поэт и критик. «Песни и романсы А. Мерзлякова» вышли впервые в 1830 г., но написаны автором в молодости. Наиболее популярна из них «Среди долины ровныя...».

Миллер Федор Богданович (1818—1880) — поэт-переводчик; из всего им написанного вошло в фольклор в переработанном виде одно стихотворение — «Погребение разбойника» (из Фрейлиграта).

Митрофанов С. — автор сборника «Песни русские известного охотника М., изданные им же, в удовольствие любителей оных» (1799). Биографических сведений о нем пока почти не найдено.

Известно, что он был певцом, руководителем хора. Державин упоминает о Митрофанове и его песне о соколе в своей шуточной оде «Похвала комару». Из песен Митрофанова особенно была популярна «Солнце на закате...»

Михайлов Михаил Ларионович (1829—1865) — писатель, переводчик, поэт-революционер. Принадлежал к революционно-демократическому лагерю. В 1861 г. был арестован и сослан в Сибирь. Умер в ссылке. Обе его революционные песни написаны в Петропавловской крепости в 1861 г. «Крепко, дружно вас в объятья...» впервые напечатана в герценовском «Колоколе» за 1862 г. «Смело, друзья! Не теряйте...» опубликована в сборнике П. Я. (П. Ф. Якубовича) «Русская муза» (переработанное и дополненное издание «Русского богатства», СПб., 1907). Но до появления в этом сборнике стихотворение в переделанном виде и без указания автора неоднократно печаталось в нелегальных изданиях (например, в сборнике «Стихи и песни», напечатанном в 1886 г.).

Модзалевский Лев Николаевич (1837—1896) — известный в свое время педагог. Его стихотворение «Слети к нам, тихий вечер...» помещалось во всех хрестоматиях и стало очень популярной песней.

Моисеенко Петр Анисимович (1852—1923) — один из первых революционеров из рабочих, ткач. В 1876 г. принимал участие в казан-

ской демонстрации. В 1885 г. организовал знаменитую морозовскую стачку. Песня «Я хочу вам рассказать...» написана была им в 1879 г. в тюрьме на стене свинцовой оберткой от чая.

Молчанов Иван Евстратович (1809—1881) — автор песни «Было дело под Полтавой...». Успеху песни немало способствовало исполнение ее руководимым им хором. Песня вызвала ряд подражаний. Здесь приводится в популярном сокращенном варианте.

Мятлев Иван Петрович (1796—1844) наиболее известен как автор «Сенсаций г-жи Курдюковой». Из стихотворений его стало популярно как песня петербургских мастеровых «Фонарики». В песне использованы 1, 4, 5, 7-я строфы и припев текста Мятлева.

Навроцкий Александр Александрович (1832—1914) — малоизвестный поэт. Из всего им написанного стал песней только «Утес Стеньки Разина». Музыка Рашевской, а позднее — самого автора.

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877). Из многочисленных некрасовских стихотворных текстов, ставших популярными песнями, особенно надо отметить три отрывка: из «Размышления у парадного подъезда» — «Назови мне такую обитель...» с заменой первого слова на

«укажи», вместо «назови», ставший революционной песней; «Ой, полна, полна коробушка...» (музыка А. Муравьева) и «Хорошо было детинушке...» — из поэмы «Коробейники», вошедшие в фольклор без изменений. «Здравствуй, родная». — «Как можется, кумушка?..» — отрывок из стихотворения «В деревне». Музыка к «Песне Еремушке» принадлежит М. П. Мусоргскому

Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1829) — поэт сентиментального направления. «Выйду я на реченьку...» — одна из самых популярных песен литературного происхождения, созданных в XVIII веке. На музыку положена Д. Кашиным и многими другими композиторами. «Милая вечер сидела...» — песня, часто встречающаяся в песенниках.

Никитин Иван Саввич (1824—1861) — воронежский поэт демократического лагеря 50—60-х годов XIX века. Песни занимают в творчестве Никитина несравнимо меньшее место, чем в творчестве Кольцова. Таких песен, как «Наследство», написанных излюбленным у Кольцова размером — нерифмованным пятисложником с ударением на третьем слоге, — Никитин написал мало. Он предпочитает рифмованные песни. В песенниках чаще всего встречается «Песня бобыля» («Никола, ни двора...») — положена на музыку С. Моношко. «На старом кургане в широкой степи...» — песня сумасшедшего из стихотворения «Хозяин» (положена на музыку композитором В. С. Калин-

никовым), в свое время пользовалась большой популярностью. В образе сокола, прикованного к цепи, символически изображена Россия, закованная в цепи рабства. «Песня» («Отвяжися, тоска...») у Никитина названия не имеет.

Н и р к о м с к и й — псевдоним; вероятно, это анаграмма фамилии Мокринский. В «Источниках словаря русских писателей» С. А. Венгерова указаны четыре писателя с такой фамилией. «Русская песня» «Матушка-голубушка...» положена на музыку А. Л. Гурилевым и стала очень популярной. Островский вставил ее в свою драму «Бесприданница».

Ободовский Платон Григорьевич (1803—1864) — драматический писатель. Широкую популярность приобрела его «русская песня» «Ты не плачь, не тоскуй...», на которую написана была музыка А. Е. Варламовым.

Огарев Николай Платонович (1813—1877) — поэт, революционер, друг и соратник Герцена. На свое стихотворение «Дорога» он сам написал музыку. На многие другие его стихи («Кабак», «Деревенский сторож», «Изба») музыку сочинил А. А. Алябьев. Наибольший отклик в народном творчестве вызвало стихотворение «Арестант», написанное Огаревым в 1850 г., когда он сидел в заключении. В дореволюционной России эта песня была очень распространена. Известен ряд народных вариантов.

Одоевский Александр Иванович (1802—1839) — поэт-декабрист. Стихотворение «Славянские девы» написано было в Сибири на каторге в 1829 или в 1830 г. Положено было на музыку декабристом Ф. Ф. Вадковским и стало популярной песней декабристов. Впоследствии мотив был утрачен.

Ожегов Матвей Иванович (род. 1860) — поэт-самоучка, уроженец Ярославской губернии. С самого начала литературной деятельности вступил в суриковский кружок писателей из народа. В печати выступил лишь в 1890 г., когда многие из его песен уже распевались хорами песенников. В настоящем сборнике приводится народный вариант самой популярной из его песен.

Ольхин Александр Александрович (1839—1897) — политический ссыльный, автор революционной «Дубинушки», три строфы которой взяты из «Дубинушки» Богданова.

Омулевский — псевдоним Федорова Иннокентия Васильевича (1836—1883), писателя демократического направления, автора популярного романа «Шаг за шагом». Лирика Омулевского также пользовалась известностью. Песня «Светаёт, товарищ!..» была чрезвычайно популярна среди демократической интеллигенции второй половины XIX века.

Пальмин Илиодор Иванович (1841—1891) — поэт «Искры» 60-х годов. Издал четыре кни-

ги стихов. Только одно стихотворение, «Requiem», имело несомненный успех и стало революционной песней («Не плачьте над трупами павших борцов. . .»).

Панов Николай Андреевич (1861—1906) родился в Самарской губернии, сын бывшего крепостного. В 1896 г. выпустил книгу стихов «Гусли звончаты».

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893) — поэт, член кружка Петрашевского. После разгрома кружка был сослан. Его стихотворение «Вперед! без страха и сомненья. . .» стало популярной песней среди передовой молодежи 40—50-х гг. Из позднейших его песен в фольклор проникла «Я у матушки выросла в холе. . .». Стихотворение «По чувствам братья мы с тобой. . .» долгое время приписывалось Рылееву.

Полежаев Александр Иванович (1805—1838). Его «Сарафанчик» (1834) — песня, в свое время обошедшая всю Россию, вошедшая и в песенники и в репертуар шарманок, — написана не совсем в стиле жанра «русских песен» того времени: тут есть и строфическое построение и припев. Музыка написана А. А. Алябьевым, А. Л. Гурилевым и др. Название «Солдатская песня» не принадлежит Полежаеву.

Полонский Яков Петрович (1819—1898). По словам А. Я. Полонского, сына поэта, стихотворение «Затворница» имеет автобиографи-

ческое значение и связано с пребыванием поэта в Тбилиси. Музыка на это стихотворение написана Казанли. Эта популярная песня с небольшим изменением (вместо строки «О жизни неизведанной» — «О мужестве, о родине») проникла в политические кружки. Стихотворение «Песня цыганки» стала популярной песней; положена на музыку рядом композиторов, в том числе П. И. Чайковским. «Узница» — отклик на дело В. И. Засулич, покушавшейся на петербургского полицмейстера Трепова. В представлении современников связывалось также с Софьей Бординой («Процесс 50-ти»). Положено на музыку С. И. Танеевым. «Вызов» («За окном в тени мелькает...») — положено на музыку П. П. Булаховым, А. С. Даргомыжским и др.

Порецкий Александр Устинович (1819—1879) — издатель первого в России дешевого народного журнала «Воскресный досуг». Сотрудничал в журналах М. М. Достоевского «Время», «Эпоха».

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837). Два ранних лицейских стихотворения, не включенных им в собрание стихотворений, «Казак» (музыка Э. Ф. Направника) и «Романс» («Под вечер, осенью ненастной...»), проникли в народ и стали песнями. Пушкинский текст сокращен. В «Казаке» выброшен конец об измене: «Был ей верен две недели, в третью изменил». В «Романсе» стих «Ко груди не прильнешь моей»

поется: «Ты не прильнешь к груди моей». Из последующих произведений Пушкина наибольшее число откликов в народном творчестве вызвали «Черная шаль» (музыка А. Н. Верстовского и др.) и особенно «Узник» (положено на музыку А. А. Алябьевым, А. Т. Гречаниновым, А. Г. Рубинштейном). Из семи четверостиший «Зимней дороги» (музыка А. А. Алябьева) три последних всегда опускаются. «Черкесская песня» — из поэмы «Кавказский пленник». «Старый муж, грозный муж...» — песня Земфиры из поэмы «Цыганы» (положено на музыку А. А. Алябьевым, С. В. Рахманиновым, А. Г. Рубинштейном). «Воротился ночью мельник...» — песня Франца в «Сценах из рыцарских времен» (музыка А. С. Даргомыжского). «Девуцы-красавицы...» положено на музыку П. И. Чайковским; «Зимний вечер» — А. С. Даргомыжским, Э. Ф. Направником; «Зимняя дорога» — А. А. Алябьевым, Ц. А. Кюи; «Ворон к ворону летит...» — А. А. Алябьевым, А. Н. Верстовским, А. С. Даргомыжским, А. Г. Рубинштейном, Н. А. Римским-Корсаковым и др.

Радин Леонид Петрович (ум. 1901) — автор ряда популярных естественно-научных книг. Увлечшись революционным движением, пошел в народные учителя в целях пропаганды. В конце 80-х гг. порвал с народничеством и стал революционным марксистом. Созданные Радиным песни глубоко проникли в рабочую среду. Большевицкая печать неоднократно отмечала в своих обзорах необычайную их популярность. Текст «Смело,

товарищи, в ногу!..» на мотив песни Никитина «Медленно движется время...» написан в тюрьме в 1897 г. Песня первоначально появилась в рукописном виде на фабрике бр. Жиро в Москве. В период революции 1905 г. песня эта, так же как и другие песни Радина, печаталась в ряде сборников революционных песен: нелегальный сборник «Песни революции», изданный Московским комитетом РСДРП (большевиков), и другие партийные издания.

Разоренов Алексей Ермилович (1819—1891) — сын крестьянина, родился в Коломенском уезде Московской губернии, в молодости ушел из деревни в город, вел бродячий образ жизни; одно время был статистом театра в Казани. Участвовал в сборнике поэтов-самоучек «Родные звуки» (1881), где поместил песню «Не брани меня, родная...», ставшую популярной (музыка А. И. Дюбюк).

Римский-Корсаков Александр Яковлевич (род. ок. 1805 г.) — поэт. Под псевдонимом Корсак напечатал свое стихотворение «Я пойду косить...», ставшее популярной песней.

Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826). Первые строфы думы «Смерть Ермака» стали одной из самых популярных народных песен (музыка И. Ильина). Дума Рылеева в песенниках часто сильно сокращается, а еще больше — в песенной практике. В революционных кружках поль-

зовались успехом агитационные песни Рылеева, написанные им вместе с А. А. Бестужевым.

Рыскин Сергей Федорович (1860—1895) — поэт-песенник, сын разорившегося костромского купца. После окончания железнодорожного училища в Коврове переехал в Москву, где занялся литературной работой. В 1888 г. издал сборник стихов «Первый шаг». Отрывок из стихотворения «Бродяга» стал народной песней «Опускается темная ноченька...».

Садовников Дмитрий Николаевич (1847—1883) — поэт и этнограф. Ему принадлежат «Загадки русского народа» и «Сказки и предания Самарского края». Написал ряд песен о Степане Разине. Из них «Из-за острова на стрежень...» в народной переделке стала одной из самых популярных песен.

«Свободные русские песни» (Кронштадт, 1863). Указание на место издания вымышлено; сборник напечатан в типографии русской революционной эмиграции в Берне. В этом нелегальном сборнике, который издатели называли «первым на Руси свободным песенником», помещено 38 песен. К третьей из приводимых у нас песен есть указание, что она поется на мотив «Славься...» из оперы Глинки «Иван Сусанин».

Синегуб С. С. (1853—1907) — революционер-народник. Под впечатлением посещения ткацкой фабрики он написал стихотворение «Дума ткача».

В нем выведен был крестьянин, пришедший в город, поступивший на ткацкую фабрику и вспоминающий родную деревню. Позднее стихотворение подверглось сокращению. Выброшено было все, относящееся к крестьянству и деревне. Получилась рабочая песня, ставшая популярной.

Соколов Н. С. — водевилист 30—40-х гг. XIX века. В альманахе «Поэтические эскизы» (1850) Н. С. Соколов поместил 7 стихотворений, одно из которых — «Он» — в песенных переделках стало очень популярным.

Соколовский Владимир Игнатьевич (1808—1839) — поэт. Обратил на себя внимание критики поэмой «Мироздание», вышедшей в 1832 г. и выдержавшей три издания. Знакомый с кружком Герцена и Огарева, он в конце 1833 г. прочел на студенческой пирушке песню «Русский император...» (об этом см. у Герцена в «Былом и думах»), в 1834 г. был арестован. После заключения в Шлиссельбурге Соколовский жил в ссылке в Вологде; умер на Кавказе в 1839 г.

«Солдатские песни». В 1862 г. в Лондоне, в Вольной русской типографии, Герцен и Огарев издали маленькую книжку в 64-ю долю листа (23 страницы) «Солдатские песни». Цена была обозначена «3 коп.» В предисловии читаем: «Мы уверены, что эти песни поются в очень многих полках». В настоящее время книжка является величайшей библиографической редкостью.

Соллогуб Владимир Александрович (1814—1882) — беллетрист 40-х гг., стихотворений писал мало. «Серенада», написанная им в период пребывания в Дерптском университете, стала популярной дерптской студенческой песней; позже получила более широкое распространение. Поется обычно в измененном виде: «Не разбуду я песней удалю...» или «Я здесь стою...» вместо «Мы здесь стоим...» и т. д. Положено на музыку Э. Ф. Направником. В 1871 г. Соллогуб по случаю приезда Александра II написал стихотворение («Аллаверды») на тему о гостеприимстве кавказских народов. Тема оказалась настолько нужной, что стихотворение стало популярной песней, но в сокращенном виде. Из шести восьмистиший два последних, обращенных непосредственно к наследнику, были отброшены.

Сребрянский Андрей Порфирьевич (1810—1838) — воронежский поэт. Окончил воронежскую семинарию, потом учился в Московском университете и в Медико-хирургической академии. Умер от чахотки. Из песен Сребрянского одна в измененном виде стала популярной студенческой песней — «Быстры, как волны...».

Стромилов Семен Николаевич — поэт 30—40-х годов XIX века. Большинство его стихотворений далеки от поэтики народной лирики, но одна его песня — «То не ветер ветку клонит...» с музыкой А. Е. Варламова — имела длительный успех. «Зачем сидишь до полуночи...» дается в народной переработке.

Студенская Евгения Михайловна — автор песни «Наверх, о товарищи, все по местам!..», вызванной событием на русско-японской войне: 9-го февраля 1904 года русский крейсер «Варяг» оказался в окружении шести японских крейсеров и восьми миноносцев. Исчерпав все возможности сопротивления и не желая сдаваться, русские сами потопили свой крейсер. Это произвело огромное впечатление в разных странах. Немецкий поэт Рудольф Грейнци (1866—1942) 25 февраля 1904 года поместил в одном из немецких журналов свое стихотворение о гибели русского крейсера. Это стихотворение было перепечатано у нас в «Новом журнале иностранной литературы» в апреле того же года и тут же был помещен русский перевод, сделанный Е. М. Студенской. Этот перевод в несколько измененном виде стал популярной песней под заглавием «Варяг» или «Гибель «Варяга».

Сумароков Александр Петрович (1718—1777). Песни писал с самого начала своей поэтической деятельности. Они в большом количестве печатались в песенниках XVIII века, но в XIX веке быстро стали забываться. Наиболее популярна из них «В роще девки гуляли...».

Суриков Иван Захарович (1841—1880) — уроженец Ярославской губернии; занимался в Москве мелкой торговлей. Его стихи были особенно популярны среди городской бедноты. Организовал сплоченную группу поэтов-самоучек. Из его песен наибольшей популярностью пользуется в настоящее время «Рябина» (название не принадле-

жит Сурикову). Два четверостишия — второе и третье — обычно опускаются.

Суханов Михаил Дмитриевич (1801—1842) — крестьянин Архангельской губернии. Обратил на себя внимание как поэт-крестьянин в середине 20-х годов XIX века. Критика благосклонно встретила его книгу «Басни, песни и разные стихотворения крестьянина Михаила Суханова» (1828). Некоторые его песни вошли в фольклор.

Тарасов Евгений Михайлович (1882—1943) — поэт. Будучи студентом, примкнул к революционному движению, был в ссылке и в эмиграции. В 1905 г. участвовал в декабрьском восстании в Москве как дружинник.

Тимофеев Алексей Васильевич (1812—1883) — поэт и прозаик. Некоторые его песни в народном духе, положенные на музыку лучшими композиторами, имели широкое распространение, например «Выбор жены» (музыка А. А. Алябьева), «Свадьба» (музыка А. С. Даргомыжского).

Толстой Алексей Константинович (1817—1875). Его песни в народном стиле («Ты не спрашивай, не распытывай...» и др.) не вошли в фольклор, но стихотворение «Колодники», появившееся в печати после смерти автора, стало популярнейшей песней. На песню «Ты не спрашивай, не распытывай...» написана музыка А. Аренским; на «Рассеивается, расступается...» — М. П. Мусоргским.

Трефолов Леонид Николаевич (1839—1905) — поэт некрасовской школы, ярославец. Наиболее популярные его произведения («Песня о камаринском мужике», «Дубинушка», «Ямщик» и др.) получили широкое распространение, утратив имя автора. «Ямщик» — вольный перевод стихотворения Владислава Сырокомли (псевдоним польского поэта-демократа середины XIX века Людвика Кондратовича); перевод Трефолова, положенный на музыку неизвестным композитором, в значительно сокращенном и измененном виде стал широко популярной песней («Когда я на почте служил ямщиком. . .»).

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883). Из стихотворений Тургенева два, утратив заглавия и без имени автора, стали популярными в песенном быту — «Баллада» и «В дороге». «Баллада» положена на музыку А. Г. Рубинштейном.

Хованский Григорий Александрович (1767—1796) — малоизвестный поэт; среди его стихотворений — несколько песен. Стихотворение «Незабудочки» в песенниках дожило до XX века.

Цыганов Николай Григорьевич (1797—1831) — самый яркий из поэтов-песенников, предшественников Кольцова. Сведения о нем крайне скудны. Отец его был первоначально крепостным крупного волжского хлеботорговца Злобина. Одно время будущий поэт был мелким актером в Саратове. М. Н. Загоскину он обязан переводом в

московский Малый театр. Сборник «Русские песни Н. Цыганова» вышел в 1834 году, уже после его смерти, и очень быстро разошелся. Многие из них стали популярными и до этого; первое место среди его песен занимает «Не шей ты мне, матушка...» (музыка А. Е. Варламова).

Шаховской Александр Александрович (1777—1846) — драматург. В его комедиях много песен как народных, так и сочиненных им. Его песни любил Кольцов. «Вниз по Волге-реке...» — песня из пьесы «Двумужица». Здесь приводится народный вариант (музыка А. Е. Варламова).

Шкулев Филипп Степанович (1868—1930) — сын крестьянина, пролетарский поэт. Принимал участие в борьбе на баррикадах во время декабрьского восстания 1905 года. Он написал песню «Кузнецы», ставшую очень популярной среди рабочих не только у нас, но и в других странах.

Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874—1952) — поэтесса, переводчица, правнучка знаменитого актера М. С. Щепкина. Стихотворение «На родине», ставшее популярной песней («От павших твердынь Порт-Артура...») написано ею в Петербурге под непосредственным впечатлением событий 9 января.

Эдиет П. К. Биографические сведения о нем чрезвычайно скудны. «На десятой версте от столи-

цы...» напечатано в большевистской «Новой жизни» (1905, № 21). Стихотворение посвящено памяти жертв 9 января; трупы убитых в ночь на 13 января были вывезены из больниц за город. Часть из них была отправлена «на десятую версту от столицы», на Преображенское кладбище, где в братскую могилу свалили 88 трупов («Девяносто рогожных мешков»). Стихотворение сразу же приобрело широкую известность в революционной пролетарской среде и пелось на демонстрациях.

Языков Николай Михайлович (1803—1846) в молодости был близок к настроениям декабристов и тогда написал две песни, ставшие чрезвычайно популярными среди студенчества. Из них «Пловец» почти не подвергся изменениям. Стих «И помужествуем с ней» заменен: «И поборемся мы с ней». Положено на музыку К. Вильбоа и Э. Ф. Направником. Песня «Из страны, страны далекой...» подверглась существенной переработке. Выброшено упоминание о немцах в третьей строфе. Мы даем песню в том варианте, в каком она вошла в народный песенный обиход. Положено на музыку А. С. Даргомыжским.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи русских поэтов, ставшие песнями. <i>Вступительная статья И. Н. Розанова</i> . . .	5
---	---

ПЕСНИ РУССКИХ ПОЭТОВ

М. В. Ломоносов	
«Ночную темнотою...»	43
«Молчите, струйки чисты...»	46
А. П. Сумароков	
Песня («В роще девки гуляли...») . . .	49
И. Ф. Богданович	
Песня («Пятнадцать мне минуло лет...») . . .	52
Г. Р. Державин	
Кружка	55
Пчела	58
Г. А. Хованский	
Незабудочки	59
С. Митрофанов	
«Солнце на закате...»	61
Н. М. Карамзин	
Веселый час	63
Прости	65

И. И. Дмитриев	
«Стонет сизый голубочек...»	67
«Ах! когда б я прежде знала...»	69
«Тише, ласточка болтлива...»	71
«Всех цветочков боле...»	72
Ю. А. Нелединский-Мелецкий	
Песня («Выйду я на реченьку...»)	73
Песня («Милая вечер сидела...»)	75
А. Ф. Мерзляков	
«Среди долины ровныя...»	76
«Чернобровый, черноглазый...»	79
В. А. Жуковский	
«Раз в крещенский вечерок...»	81
Песня («Кольцо души-девицы...»)	82
К. Н. Батюшков	
Разлука	84
И. М. Коваленский	
«За горами, за долами...»	86
Н. И. Ильин	
Солдатская песня («Ночь темна была и немесячна...»)	91
Н. М. Ибрагимов	
Русская песня («Вечерком красна девица...»)	93
Русская песня («Во поле березонька стояла...»)	94
Д. П. Глебов	
«Скучно, матушка, мне сердцем жить одной...»	95
С. Т. Аксаков	
Уральский казак (<i>Истинное происшествие</i>)	96

А. А. Шаховской	
«Вниз по Волге-реке...»	98
Ф. Н. Глинка	
Песня узника	100
Тройка (<i>Русская песня</i>) («Вот мчится тройка удалая...»)	102
К. Ф. Рылеев	
Смерть Ермака	103
К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев	
«Царь наш, немец прусский...»	107
«Ты скажи, говори...»	108
Песня («Ах, где те острова...»)	109
«Ах, тошно мне...»	111
«Уж как шел кузнец...»	114
А. С. Пушкин	
Казак	115
Романс	118
Черная шаль	120
Черкесская песня	122
Узник («Сижу за решеткой в темнице сы- рой...»)	123
«Старый муж, грозный муж...»	124
Песня девушек (<i>из III главы романа «Ев- гений Онегин»</i>)	125
Зимний вечер	126
Песни о Стеньке Разине	
1. «Как по Волге-реке, по широкой...»	128
2. «Ходил Стенька Разин...»	129
3. «Что не конский топ, не людская молвь...»	130
Зимняя дорога	131
Талисман	133

	«Ворон к ворону летит...»	135
	Бесы	136
	«Воротился ночью мельник...»	139
П. А. Вяземский	Тройка («Тройка мчится, тройка скачет...»)	140
А. А. Дельви́г	Русская песня («Ах ты, ночь ли...»)	142
	Русская песня («Пела, пела пташечка...»)	144
	Русская песня («Соловей мой, соловей...»)	145
	«Не осенний мелкий дождичек...»	147
Н. М. Языков	Песня («Из страны, страны далекой...»)	149
	Пловец	150
И. И. Козлов	Вечерний звон	152
М. А. Бестужев	Песня («Что не ветер шумит во сыром бору...»)	153
А. И. Одоевский	Славянские девы	154
А. И. Полежаев	Сарафанчик	156
	Солдатская песня («Ай, ахти! ох, ура...»)	158
П. П. Ершов	«Вдоль по улице широкой...»	160
Н. Г. Цыганов	«Ох, болит...»	162
	«Не шей ты мне, матушка...»	164
	«Ах, чарка моя...»	166
	«При долинушке береза...»	169

А. Я. Римский-Корсаков	
Песня («Я пойду косить...»)	171
П. Г. Ободовский	
Русская песня («Ты не плачь, не тоскуй...»)	173
М. Д. Суханов	
Песня («Что ты, девица, невесело си- дишь?..»)	175
Песня («Не велят Ване по улице хо- дить...»)	176
Песня («Красна девица сидела под ок- ном...»)	177
И. И. Лажечников	
«Сладко пел душа-соловушка...»	178
А. Ф. Вельтман	
Песня разбойников	180
М. Н. Загоскин	
«Гой ты, Днепр ли мой широкий...»	182
«В старину жилали деды...»	183
«Заходили чарочки по столику!..»	184
А. В. Тимофеев	
Выбор жены	185
Свадьба	187
Тоска	189
Н. В. Кукольник	
Песня Ильинишны. (Из драмы «Князь Холмский»)	191
Жаворонок	193
С. Н. Стромиллов	
«То не ветер ветку клонит...»	194
«Зачем сидишь до полуночи...»	195
В. А. Соллогуб	
Серенада	196

Аллаверды	198
В. И. Соколовский	
«Русский император...»	200
Ниркомский	
Русская песня («Матушка-голубушка...»)	201
Е. П. Гребенка	
Казак на чужбине (<i>Украинская мелодия</i>)	203
Песня («Молода еще девица я была...»)	204
А. П. Сребрянский	
«Быстры, как волны...»	206
М. Ю. Лермонтов	
Два великана	208
Парус	209
Тростник	210
Бородино	212
Узник («Отворите мне темницу...»)	216
Соседка	218
Казачья колыбельная песня	220
Воздушный корабль	222
Сон	226
Тамара	227
«Выхожу один я на дорогу...»	230
А. В. Кольцов	
«По-над Доном сад цветет...»	231
Песня старика	233
Не шуми ты, рожь	234
Горькая доля	236
Раздумье селянина	238
Первая песня Лихача Кудрявича	240
Последний поцелуй	242
Стенька Разин	244
Хуторок	246

	Разлука	250
	Русская песня («Нынче ночью к себе...»)	252
В.	И. Красов	
	Песня («Уж как в ту ли ночь...»)	254
	Стансы	256
И.	С. Тургенев	
	Баллада	257
	В дороге	259
Н.	П. Огарев	
	Деревенский сторож	260
	Дорога	262
	Кабак	263
	Изба	264
	Арестант	266
А.	Н. Плещеев	
	«Вперед! без страха и сомненья...»	268
	«Я у матушки выросла в холе...»	270
	«По чувствам братья мы с тобой...»	273
И.	П. Мятлев	
	Фонарики	274
В.	С. Межевич	
	Песня моряка	279
	Русские песни	281
И.	Е. Молчанов	
	«Было дело под Полтавой...»	283
Н.	Анордист	
	Тройка («Гремит звонок, и тройка мчится...»)	285
И.	Макаров	
	«Однозвучно гремит колокольчик...»	287
Ф.	Б. Миллер	
	Погребение разбойника	288

Н. С. Соколов	
Он	291
Я. П. Полонский	
Вызов	293
Затворница	294
Песня цыганки	296
Узница	298
А. Н. Майков	
Колыбельная песня	299
Л. А. Мей	
Запевка	300
А. К. Толстой	
«Ты не спрашивай, не распытывай...»	301
«Рассеивается, расступается...»	302
Колодники	303
Н. А. Некрасов	
Огородник	305
Тройка («Что ты жадно глядишь на до- рогу...»)	308
«Здравствуй, родная». — «Как может кумушка?»	311
Несжатая полоса	314
Маша	316
«Назови мне такую обитель...»	318
Песня Еремушке	320
Похороны	324
Из поэмы «Коробейники» («Ой, полна, полна коробушка...»)	327
Из поэмы «Коробейники» («Хорошо было детинушке...»)	329
«В полном разгаре страда деревенская...»	331

И. С. Никитин	
Песня («Зашумела, разгулялась...»)	333
Наследство	335
Песня («Отвяжися, тоска...»)	337
«Медленно движется время...»	339
Песня бобыля	341
«Ехал из ярмарки ухарь-купец...»	343
«На старом кургане, в широкой степи...»	346
М. Л. Михайлов	
«Крепко, дружно вас в объятья...»	347
«Смело, друзья! Не теряйте...»	348
В. С. Курочкин	
Старый капрал	349
«Долго нас помещики душили...»	352
Д. П. Давыдов	
Думы беглеца на Байкале	354
А. Н. Аммосов	
Элегия	356
В. В. Крестовский	
Владимирка	359
Полоса	360
Ванька-ключник	362
Из сборника «Солдатские песни» (1862)	
«Русскому солдату...»	366
«Жил на свете русский царь...»	368
Из сборника «Свободные русские песни» (1863)	
Декабристам	372
Ослушная песня	373
«Славься, свобода и честный наш труд!...»	376

И. И. Гольц-Миллер	
«Слу-шай!»	377
В. И. Богданов	
Дубинушка («Много песен слышал я в род- ной стороне...»)	380
И. И. Пальмин	
Requiem	383
Л. Н. Трефолев	
Дубинушка («По кремнистому берегу Волги-реки...»)	384
Песня о камаринском мужике	386
Ямщик (<i>Из Владислава Сырокомли</i>)	391
Оммулевский (И. В. Федоров)	
«Светает, товарищ!...»	394
А. А. Навроцкий	
Утес Стеньки Разина	396
А. У. Порецкий	
«Ах, попалась, птичка, стой!...»	398
Л. Н. Модзалевский	
«Слети к нам, тихий вечер...»	400
И. З. Суриков	
Песня («В зеленом саду соловушка...»)	401
Рябина	403
В степи	405
У могилы матери	403
Песня («Эх ты, доля, эх ты, доля...»)	411
«Сиротой я росла...»	413
«Я ли в поле да не травушка была...»	415
Казнь Стеньки Разина	416
Д. Н. Садовников	
«Из-за острова на стрежень...»	420

С. С. Синегуб	
«Мучит, терзает головушку бедную...»	422
П. Л. Лавров	
Марсельеза	423
Г. А. Мачтет	
«Замучен тяжелой неволей...»	426
Д. А. Клеменц	
Доля	428
А. А. Ольхин	
Дубинушка («Много песен слышал я в род- ной стороне...»)	430
П. А. Моисеенко	
Песня («Я хочу вам рассказать...»)	434
В. Г. Архангельский	
Похоронный марш	435
М. И. Ожегов	
«Меж крутых бережков...»	437
А. Е. Разоренов	
«Не брани меня, родная...»	439
С. Ф. Рыскин	
Удалец	441
«Опускается темная ноченька...»	443
С. Д. Дрожжин	
Песня («Разгулялася погодушка...»)	444
Н. А. Панов	
Лучинушка	445
Песня бедняка	448
Г. М. Кржижановский	
«Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами...»	451
«Вихри враждебные веют над нами...»	453
Красное знамя	455

Л. П. Р а д и н	
«Смело, товарищи, в ногу!...»	458
«Снова я слышу родную «Лучину»...»	460
«Смелей, друзья, идем вперед...»	461
П. Г. Г о р о х о в	
«Измученный, истерзанный...»	462
А. Я. К о ц	
Песнь пролетариев	464
В. Я. Б р ю с о в	
Каменщик	467
Е. М. С т у д е н с к а я	
Варяг	468
Т. Л. Щ е п к и н а - К у п е р н и к	
На родине	470
П. К. Э д и е т	
На десятой версте от столицы... (<i>Памяти жертв 9 января</i>)	473
Е. М. Т а р а с о в	
Дерзости слава	476
Ф. С. Ш к у л е в	
Мы кузнецы...	477
А. М. Г о р ь к и й	
«Солнце всходит и заходит...»	478
ПРИМЕЧАНИЯ 479

Редакционная коллегия:

*В. Н. Орлов (главный редактор), М. О. Ауэзов,
А. Г. Дементьев, В. П. Друзин, В. О. Перцов,
А. А. Прокофьев, М. Ф. Рыльский, В. М. Саянов,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)*

ПЕСНИ РУССКИХ ПОЭТОВ

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *Л. С. Хижинский*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректоры

В. Н. Вишнякова и И. Г. Клейнер

Сдано в набор 11/II 1957 г. Подписано в
печать 7/VI 1957 г. Бумага 84×108/84 Печ.
л. 16^{1/2} (13,53). Уч.-изд. л. 14,28. Тираж
50 000. Зак. № 151. Цена 5 р. 30 к.

Ленинградское отделение издательства
«Советский писатель»

Ленинград, Невский пр., д. 28

Типография № 3 Управления культуры
Ленгорисполкома

Ленинград, Красная ул., д. 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
411	6 сл.	Мужику	Мужики
509	1 св.	Дарптском	Дерптском

Под вступительной статьей (на стр. 40), по недосмотру редактора, выпала подпись автора:
И. Н. Розанов

Песни русских поэтов

